НАЧНИ С СЕБЯ!..

Из современной советской поэзии

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

115

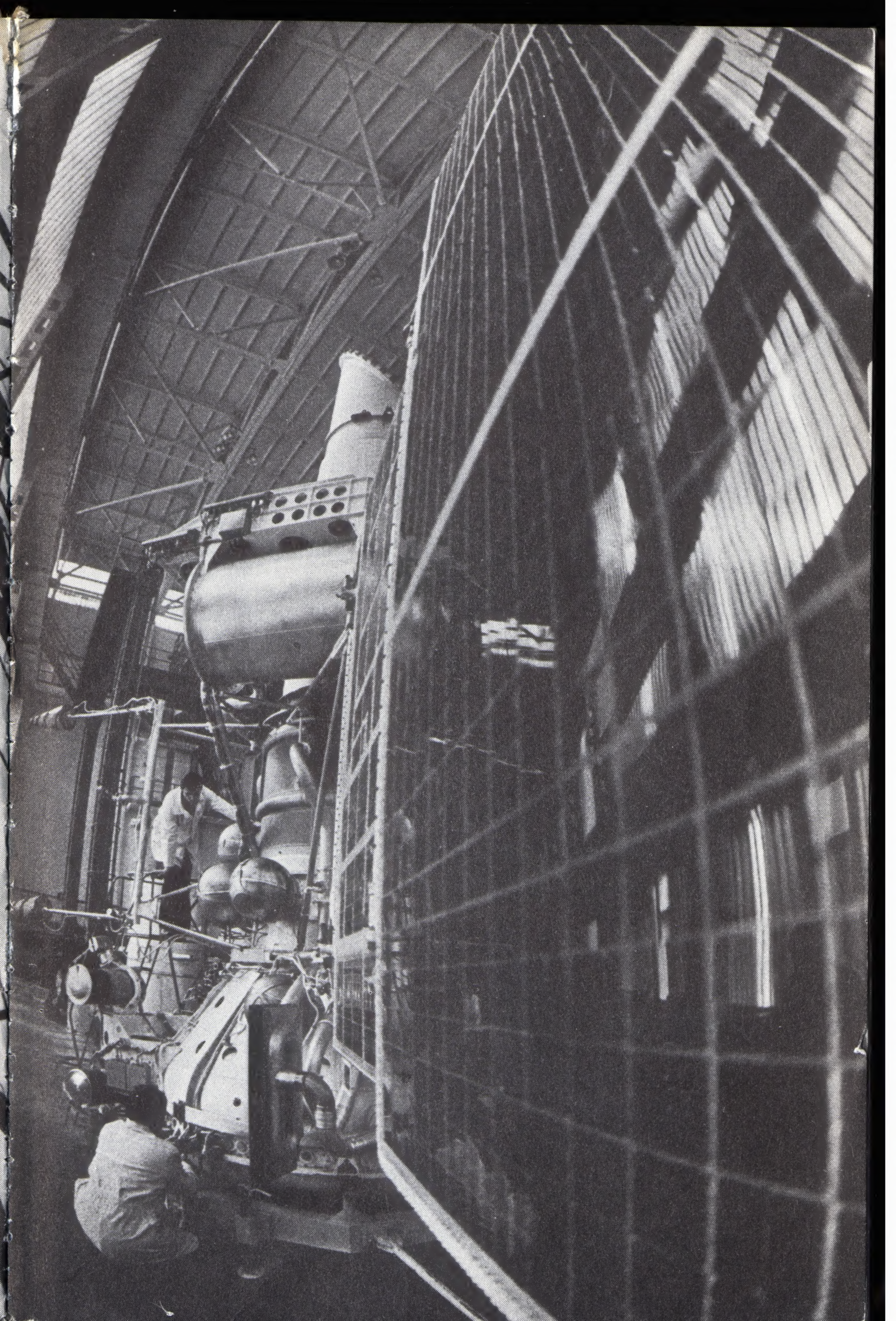

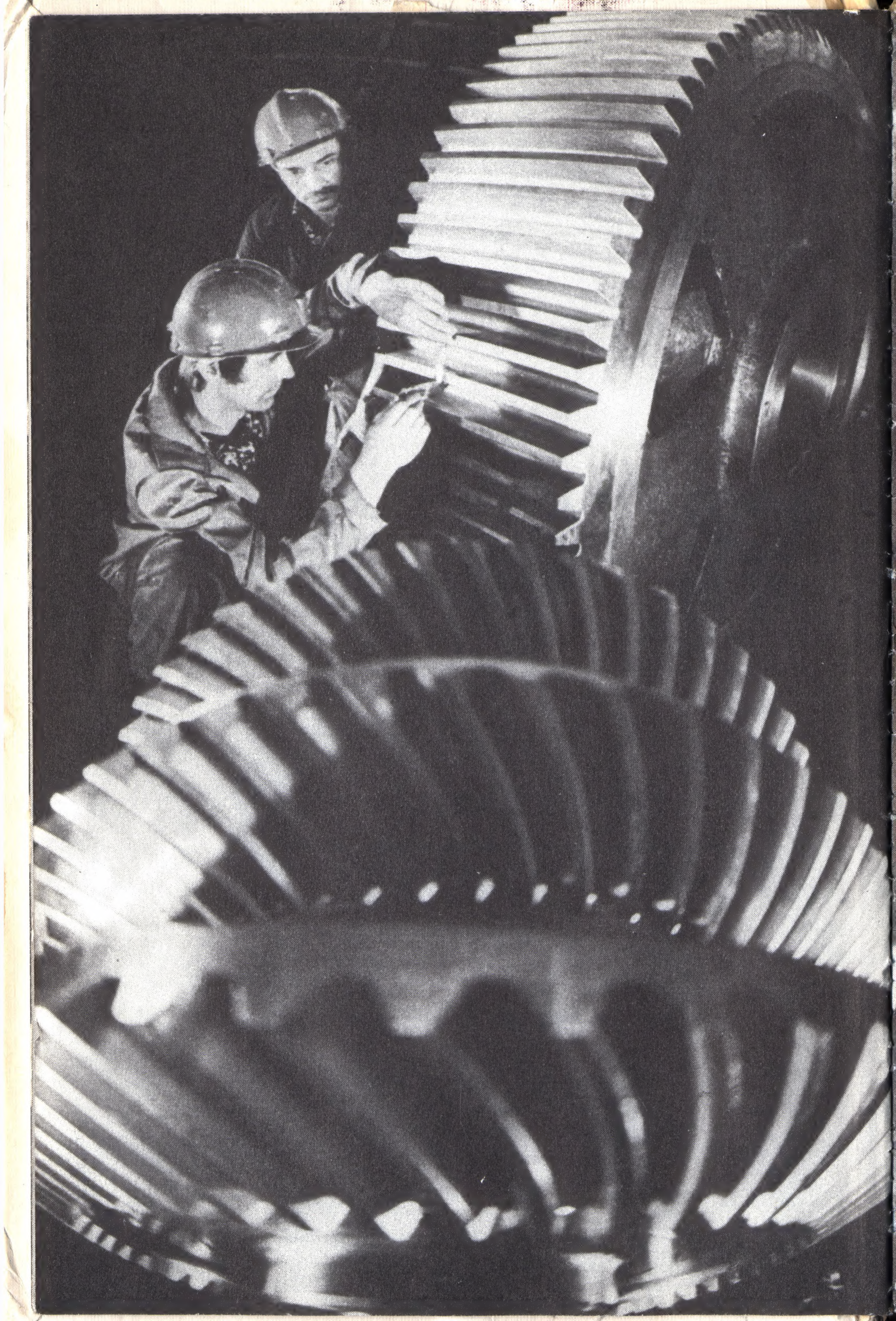
Активная жизненная позиция,
борьба за общественные
и личные идеалы,
способность к поступку,
право человека на риск
и дерзание —
присущи героям этой книги.

А коль в добровольцы
труба позовет
На поле сраженья,
в минуту беды,
Кто, землю целуя,
в солдаты — шагнет?
Кто, если не я?
Кто, если не ты?

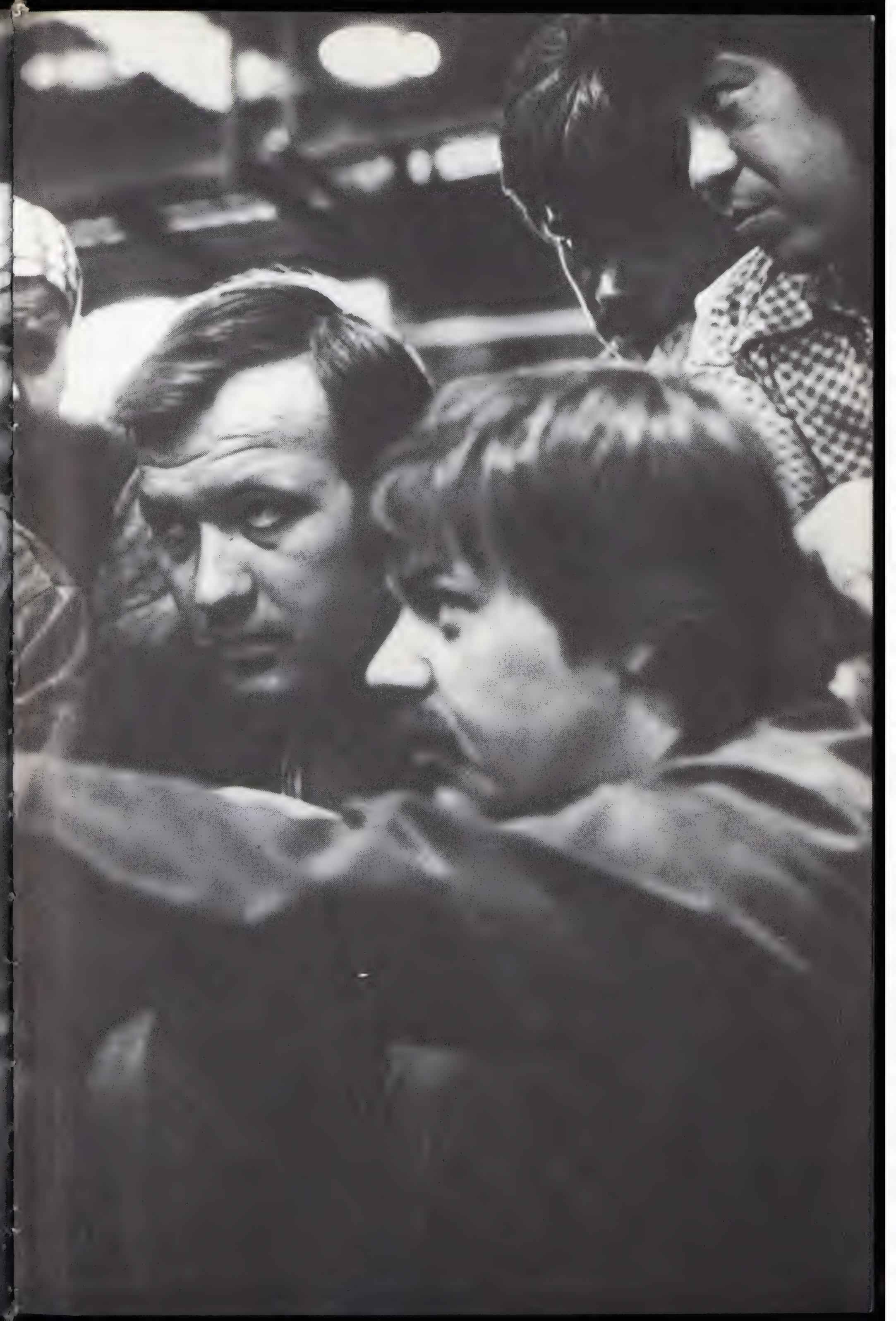

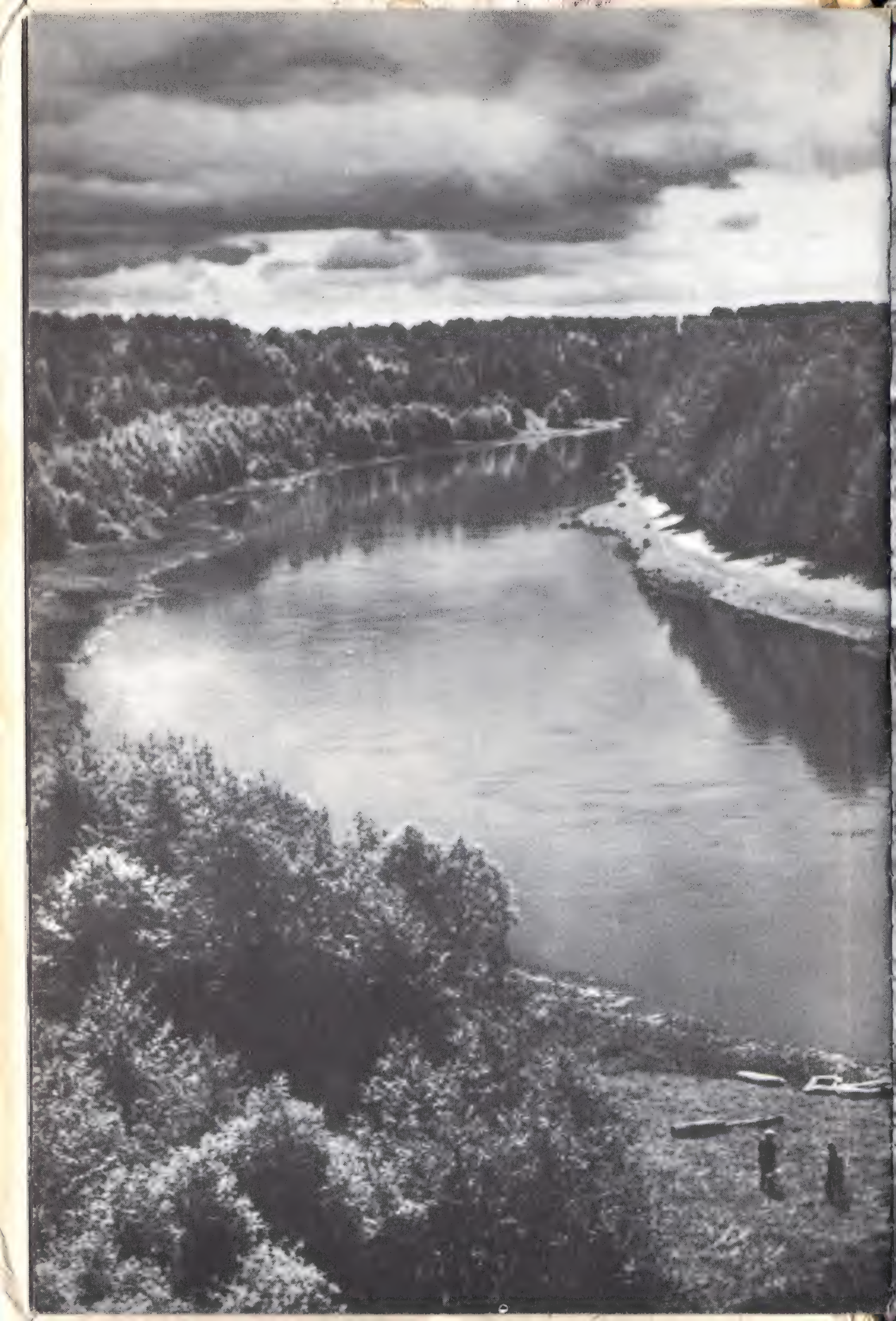

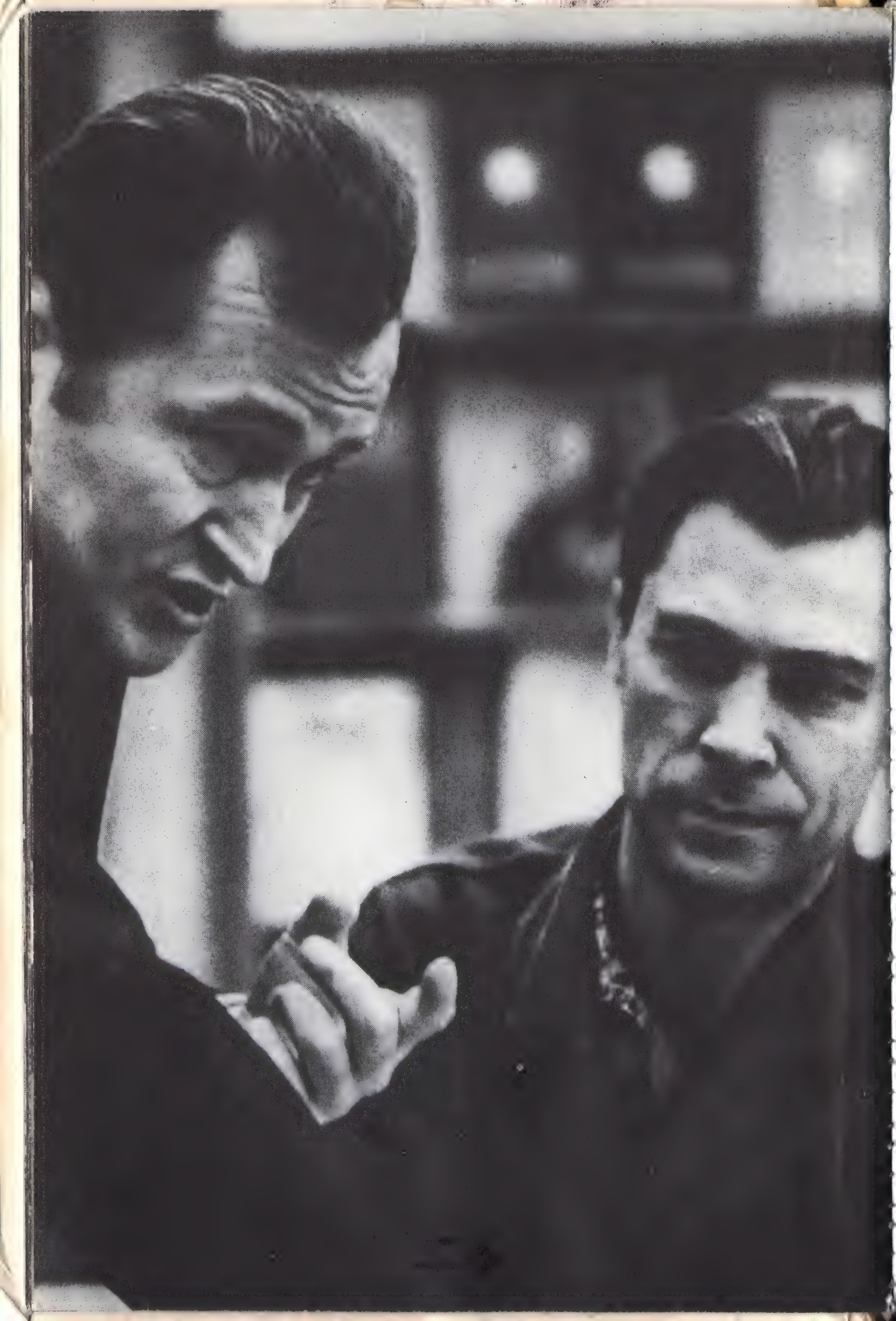

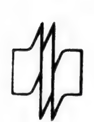
Школа
Прощай, школа!

НАЧНИ С СЕБЯ!..

Из современной советской поэзии

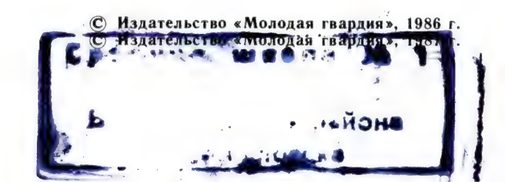
МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1987

ББК 84(2) 7—5
Н 36

Составитель С. МНАЦАКАНЯН

Второе издание

Н $\frac{4702000000-226}{078(02)-87}$ Без объявления

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник стихотворений современных советских поэтов «Начни с себя!..» является своеобразным продолжением поэтического сборника «Мы все за шар земной в ответе», изданного «Молодой гвардией» в 1984 году.

Главный герой нового сборника — наше время. Идея этой поэтической книги родилась из тех задач, которые партия поставила перед советским народом на XXVII съезде КПСС.

Героика наших дней, переустройство мира и его совершенствование, критика социальных и нравственных недостатков — вот темы, которые объединяют стихи современных поэтов.

Здесь встретились имена разных и непохожих друг на друга поэтов, разные стихи, работающие на общую философскую и гражданскую идею.

Учитель, «мыслящий промышленник», комсомольцы погранзастав, хлеборобы, строители БАМа, влюбленные...— вот действующие лица этого сборника.

Активная жизненная позиция, борьба за общественные и личные идеалы, способность к поступку, право человека на риск и дерзание — присущи героям этой книги.

Может быть, впервые наряду с признанными мастерами советской поэзии на страницах сборника так широко представлены имена молодых поэтов. Это целая плеяда, которая пришла в поэзию в семидесятые и восьмидесятые годы. Порадовал тот факт, что они близко к сердцу принимают болевые моменты нашей сложной и тревожной эпохи.

Стихи этой книги как бы отвечают тем критикам, которые утверждают, что в наши дни нет поэзии социально-активной, актуальной, острой. Вместе с тем работа над сборником показала, что действительно не все поэты остро чувствуют современность и вникают в ее проблемы.

Сложные вопросы научно-технического прогресса, научно-технической революции отражаются на страницах книги, в стихах

тех, кто слушает свое время. Слушать музыку революции — к этому призывал своих сограждан великий поэт Александр Блок: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию». Проблемы сегодняшнего дня, революционные по сути, требуют от человека вдумчивого, серьезного подхода как к сфере экономической, так и к духовной жизни народа.

Одна из кардинальных проблем современного мира — борьба за сохранение мира на Земле, за взаимопонимание и дружбу между народами — также нашла отражение в стихах современных советских поэтов, написавших эту коллективную книгу.

Думается, что большинство стихотворений этого сборника придется по сердцу читателям, поможет им лучше осмыслить наше полное противоречий время накануне третьего тысячелетия.

Сергей МНАЦАКАНЯН

Людмила ЩИПАХИНА

КТО?

Когда напевают закаты в реке,
И сосны вздыхают, и шепчут кусты,
Кто землю поймет на родном языке?
Кто, если не я?
Кто, если не ты?

Не память ли наша в упрямстве бровей?
Не нам ли оставили предки наказ?
Деревья и травы — не их ли кровей
Испили однажды в полуночный час?

Как заповедь, наши порывы просты:
Сиротство последней рубахи отдать.
Любви, милосердия и доброты
Да нам ли еще у кого занимать?

Рука заскорузлая греет зерно.
Дыхание греет стального коня.
Блаженствуй! Тебе это счастье дано
От первого мига до смертного дня.

Тебе по рожденью положена честь
Страны, у которой безбрежность в очах.
И — имя святится!
И счастье — есть!
И в голосе — нежность.
И сажень — в плечах.

А коль в добровольцы труба позовет
На поле сраженья, в минуты беды,
Кто, землю целуя, в солдаты шагнет?
Кто, если не я?
Кто, если не ты?

Листва отольет поминальную медь
Над теми, кто голову сложит в бою.
Но будут по-прежнему — плакать, и петь,
И сеять, и жать в заповедном краю.

Себя за спокойные дни не казни.
В чехлах наши ружья — до первой беды.
Кто бросится в пекло? Кто ляжет костьми?
Кто, если не я?
Кто, если не ты?

КТО, ЕСЛИ НЕ Я?

Александр БАЛИН

* * *

Чужая душа — не потемки:
Просвеченная до дна,
Похожа она на котомку,
Бесценного груза полна.

Таскает, себя не жалея,
Несметные дозы тепла,
Чтоб ближнему было теплее,
Чтоб дальнего стужа не жгла.

Скорбит по убитым мгновеньям
В борении зла и добра
И дарит себя откровеньям
Сквозь искры ночного костра.

Все сложности века земного
Надежно содержатся в ней...
Душе отдохнуть бы немного,
Но век все сложней и сложней.

Не верю в бездушность людскую,
Хоть прожил полвека уже,
А если когда и тоскую,
Опять же о чьей-то душе.

Встречаю... Куда же ей деться,
Красивой, ответной, большой?
Живут с пересаженным сердцем,
Да только не с мертвой душой.

Нередко мы кроем друг друга,
Обиды таскаем в душе.
Смертельно — из общего круга
Уйти на крутом вираже.

Научены жизнью земною:
На общей оси — до конца...
Я слышу, как рядом со мною
Ответные бьются сердца.

Сергей СМИРНОВ

ЧУВСТВО ДОЛГА

Не скуплюсь
                    на посильные ссуды,
Откликаюсь, как мог и могу.
И немало достойного люда
Предо мной пребывает в долгу.

Чувство долга — не ширма, не льгота,
Не спасенье ни в чем и ни в ком.
Нет, ты сам, по духовному счету,
Именуешь себя должником.

До солидного возраста дожил
И за все уплатил на веку.
Но, как прежде, все должен, все должен.
Пребываю в долгу, как в шелку.

И, нисколько со мною не ссорясь,
Нет,—
          скорее, всерьез веселя,
Мне,
Пожизненно,
Время и совесть
Предъявляют свои векселя.

КРОВНАЯ ПРИЧАСТНОСТЬ

I

Есть в жизни даты,
                              коими согреты
Душа и разум, все года подряд.
И дата полученья партбилета —
Одна из этих самых звездных дат.

Вот грянул час,
Он, как теплынь по коже,
Как луч в груди,
                         как сумма всех начал:

Ты получил билет,
А он такой же,
Какой и Ленин лично получал...
Попробуй всех соратников покликай,
Их не собрать,
их трудно перечесть.
Но в спайке многомиллионноликой
Ты равноправно с ними
тоже есть.

И не объять,
Какая сила в этом,
Какая даль да страдная пора!..
За вечно первым
ленинским
билетом —
Всех
Наших партбилетов
Номера.

II

Жизнь на Земле, как это говорится,
Не тишь, да гладь, да божья благодать.
И гордым званьем
ленинца-партийца
Она не всех готова награждать.

Такое званье —
Путь под сенью флага,
Где Серп и Молот блещут со Звездой.
Оно — служенье, Родине на благо,
И верность нашей эре молодой.

Ты сам избрал
судьбу такого рода.
И осенен живым ее огнем.
Партийцы —
не выходят из народа,—
Они всегда и всюду —
С ним
и в нем!

Александр БОБРОВ

* * *

Послевоенным хлебом вскормлен,
Я постигаю в свой черед
Слова немеркнущего корня:
Природа, Родина, Народ.

Но, рассуждая о народе —
Космической величине,
Понять бы тех, кто рядом ходит
И единично дорог мне.

Платя земле
земною данью,
Березу выращу.
Как раз
Березой станет по преданью
Душа, в природе растворясь,
В просторах Родины —
ее-то
Всю жизнь придется постигать
Своим умом, своей заботой:
Ни в чем пред нею не солгать.

Никто такому не научит,
Покуда в сердце не войдет
Вот это твердое созвучье:
Природа,
Родина,
Народ.

Лада ОДИНЦОВА

МОНОЛОГ СОВРЕМЕННИЦЫ

Да, молодость! Я праздную тебя!
Живу тобой, страдая и любя.

Сплав золота, и крови, и огня,—
Вот из чего ты сделала меня.

Своей эпохи кровное дитя,
Творение искусного литья,

Иду я по космическим лучам,
И волосы разлиты по плечам.

Да, молодость, я счастлива тобой!
Хочу я стать бессмертною звездой.

Живу тобой, страдая и любя.
Да, молодость, я праздную тебя!

Петр
КОШЕЛЬ

РАБОТА

Работа, как и человек,
                    конкретна,
ее лицо особое, свое,
и сделана она не кем-то
                    где-то,
всегда есть точный адрес у нее.
Скромна, себе не требуя подсветки,
творенье рук, таланта и ума,
и, становясь итогом пятилетки,
она расскажет о себе сама —
исполненная доброты и света,
конкретная, от первого лица,
работа хлебороба
                и поэта,
секретаря ЦК
            и кузнеца.

* * *

Болеем за нашу державу,
за срывы ее и за славу.

Какие прекрасные люди...
Какие большие заводы...
Какие стрижи над стогами...
Пускай же
от нас ей прибудет
простой ежедневной заботы,—
так матушке мы помогаем.

Михаил ЛЬВОВ

* * *

Это как-то само
получилось собой,
Как итог
и дорог,
и любви,
и дерзаний.
На Урале — я свой.
И в Башкирии — свой,
И в Москве — не чужой.
Кровно свой и в Казани.
Согласятся друзья,
согласится семья —
Это чувство мое
не подсказано книгой:
Сыном дружбы народов
считаю себя,
Сыном братства народов
Отчизны великой.
И буряту я — брат:
я летал за Байкал,
Переводчик и друг я
поэтам Якутска.
Но особо люблю
главный край свой — Урал,
Я, рожденный
в орлином гнезде Златоуста.
Потому и — парю,
потому и — пою,
И хочу одного,
озаряясь любовью:
Донести до страны
благодарность свою,
Благодарную
честную песню
сыновью.

Николай КАРПОВ

* * *

Находит отклик всякий труд:
О том, что сделано,— напишут,
Все, что написано,— прочтут,
Все, что рассказано,— услышат.

Храни меня, моя рука,—
Перо податливо и хрупко —
От легковесного стиха,
Как от бесчестного поступка!

* * *

Суеты, мишуры
Было в жизни немало.
Лишь на склоне горы
Ровным светом объяло.

Что всего-то уметь —
Надо честно трудиться:
Коль поется — то петь,
И молчать, коль молчится.

Все вернуть, что дала
Мать-землица сырая.
Чтобы жили дела,
Как костер, догорая.

Чтоб потомок, грустя
О далекой утрате,
И столетье спустя
Вспоминал как о брате.

УЧИТЕЛЬ

Я не работал у станка,
Не задыхался у мартена,
И от гудка и до гудка
Меня не поглощала смена.

Я ничего не произвел —
Ни паровоза, ни детали,
И мой простой рабочий стол
Сравнится с фабрикой едва ли.

Но по утрам вхожу я в класс —
Свое задание решаю.
И семь десятков детских глаз
Меня безмолвно вопрошают.

К доске неспешно подхожу,
Черчу окружности и призмы.
Что я в детей сейчас вложу,
С тем и пойдут они по жизни.

Моя работа нелегка,
И, коль не оправдал надежды,
Назавтра встанут у станка
И лоботрясы и невежды.

И нивы лесом порастут,
Водой источатся овражной...
Выходит, мой негромкий труд
В стране один из самых важных.

...Стоит глубокая зима.
Я, как строитель белых зданий,
Кладу высокие дома
Из кирпичей незримых — знаний!

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

УЧИТЕЛЯ

Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю.
Они меня напутствуют оттуда,
где нету смены вечеру и дню.

Я знаю их по книгам да портретам,
ушедших до меня за много лет.
И на земле, их пламенем согретой,
я светом тем обласкан и согрет.

Звучат во мне бессмертные страницы,
когда мы об искусстве говорим.
Все в этом мире может повториться.
И лишь талант вовек неповторим.

К учителям я обращаюсь снова,
как к Солнцу обращается Земля.
И все надеюсь — вдруг родится слово...
И улыбнутся мне учителя.

Марк СОБОЛЬ

* * *

Мне шестьдесят, друзья-приятели,—
такая дата, что под стать
солидным стать и обстоятельным,
тюленьим жиром обрастать.

Чуть пошевеливая ластами,
нести себя, как важный груз...
А я иду, зубами хвастаюсь,
глазами рыжими смеюсь.

Меня года не переделали:
я тот же самый, что насквозь
в болотах вымокал неделями —
хоть кожу собственную сбрось.

И что такое пекло адово —
я узнавал не стороной,
и голод кости мне обгладывал
и, верно, подавился мной.

И сдуру в списки поминальные
внесли упрямого бойца...
Всех этих бед упоминание —
не ради красного словца.

Смешав далекое и близкое,
в года любые, в час любой,
как говорили люди римские —
я все мое ношу с собой.

Смешное, гневное, печальное —
все то, чем мой заполнен век.
И был, и есть, и до скончания
веселый буду человек.

Анатолий ЖИГУЛИН

* * *

О мои счастливые предки,
Как завидую нынче вам!
Вашим вербным пушистым веткам,
Вашим вольным добрым рукам.

Слышу дальний звон колокольный.
Это солнце гудит весной.
Вижу белые колокольни,
Вознесенные над землей.

Как легко уходить вам было,
Покидать этот белый свет!
Одуванчики на могилах
Говорили, что смерти нет.

Знали вы, что земные звуки
Будут слышать, назло судьбе,
Ваши дети и ваши внуки,
Вашу жизнь пронося в себе.

Будут помнить о вас и плакать,
Будут вечно хранить, беречь
Ваших яблок сочную мякоть,
Вашей нивы тихую речь...

Как уйду я, кому оставлю
Этот мир, где роса чиста,
Эту полную солнца каплю,
Что вот-вот упадет с листа?

После огненной круговерти
Что их ждет, потомков моих?
И смогу ли жить после смерти
В невеселой памяти их?

И приду ли к грядущим людям
Светлой капелькой на весле?
Или, может быть, их не будет
На холодной пустой Земле?..

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

* * *

Трясется и орет гудок.
И я распахиваю двери!
Одежда — шквалом! Ветер — в лоб!
Дорожный знак грохочет в небе.
Звенит промерзшая доска,
Закат пылает безвозвратно.
В глазах у юноши тоска.
Мне это чувство непонятно.
Соседка с кручи смотрит вдаль,
туда, где кружится солома.
В глазах у дамочки печаль.
Мне это чувство незнакомо.
Не потому, что я дурак,
а потому, что цену знаю
всему! И, убыстряя шаг,
безделью чувств не доверяю.
Еще настанет мой черед.
Еще закружится солома.
Еще беда не обойдет
и не забудет номер дома.
И потому, вбивая шаг
в промерзший грунт, в настил дощатый,
я — молодой и сильный враг
твоей тоски, твоей печали!

Танзиля
ЗУМАКУЛОВА

* * *

Бьется море волнами о берег
И смывает с песка письмена,
Но ему почему-то я верю,
Как стихия его ни страшна.

Я не верю обманной лазури,
Не люблю я стоячей воды,
Хоть над ней не проносятся бури
И она не сулит нам беды.

Пусть гремит обезумевший Терек,
Пусть воротами ветер скрипит,
Пусть срывает тяжелые двери.
Он приносит не только потери,
Но и дождь благодатный сулит.
Я безветренной тиши не верю,
Хоть бедою она не грозит.

У безветрия нету заботы,
Что несет оно, кроме зевоты?
Ну а ветер во всякие дни
Тщится сделать и сдвинуть хоть что-то,
И поэтому он нам сродни.

Дни и годы текут незаметно,
В жизни всякую малость ценя,
Не ищу я ни бури, ни ветра,
Ни разгневанных вод, ни огня.
Но порою, и небезответно,
Их молю: отыщите меня!

Перевод с балкарского
Наума Гребнева

Юрий ОСИПОВ

* * *

Я не пахал.
Я не растил хлеба.
Не понимаю
Сытый голос стада.
Хоть многое могла мне дать
Судьба,
Но многого, как видно,
И не надо.

Она до цеха
Сузила простор.
В один клубок
Дороги все смотала.
И стал указ ее
Как приговор:
Живи металлом
И клянись металлу.

Живу металлом
И молюсь ему.
Он на земле,
В морях,
За облаками
Бежит, летит
То в голубень, то в тьму,
Моими к жизни
Вызванный руками.

Я весь в металле.
Только иногда,
Когда слетят на север
Стаи птичьи,
Зовут меня
Вечерние стада
И борозды пустые
Громко кличут.

И тает, тает, тает клич вдали,
Леса туманя
И морщиня воды.
Зов предков-пахарей
И зов земли
Меня стремятся
Увести с завода.

Не увести.
И не понять всего
Далеким предкам,
Подающим голос.
Завод...
За много лет
Я врос в него,
Как в борозду
Врастает крепкий
Колос.

Владимир ДАГУРОВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Вот прожил я до середины
отмеренной жизни земной,
и дело не в том, что седины
прокрались в мой чуб смоляной.

Познал я в родительском доме
исконное чувство семьи,
и нет ему равного, кроме
понятья родимой земли.

Спасибо, что честную дружбу
я ведал с мальчишеских дней,
и клятву свою не нарушу
всегда быть достойным друзей.

Мгновенье прекрасно — поверьте! —
попробуй-ка останови
дыхание жизни и смерти,
паденья и взлеты любви.

А после тревожно и остро
обрел я в бессонную ночь
блаженное чувство отцовства,
когда родилась моя дочь.

Спасибо, что всюду работа
как хлеб и как воздух нужна —
до крови, до черного пота
и до непробудного сна.

Пришло наконец равновесье
в раздумьях, поступках, словах.
Я в зрелость вступаю.
Я весел
и трезв на своих торжествах.

Марат
АКЧУРИН

* * *

Любимая, ты спишь.
Храню я твой покой.
Ночная тишина
Окрашена тревогой.

А где-то на КП
Привычною рукой
Дежурный гладит плекс
Над кнопкой-недотрогой.

Ведь нам грозит не та
Троянская война,
Где гибли за любовь
Герои и поэты.

Эпоха НТР —
Иные времена.
И если грянет залп,
Все канет в волнах Леты.

Любовью ли спасти
Наш мир и в этот раз?
Но разве любят те,
Чьи речи бесноваты?

Любимая, ты спишь.
Но, не смыкая глаз,
Хранят ночной покой
Поэты и солдаты.

Владимир ЕВПАТОВ

* * *

Меня благословила мать:
«Иди живи, сынок!» —
«Не надо, мама, умирать!..»
Но плакать вышел срок.

И вот мы держим путь, мой век —
Мой старший брат, мой кров.
Я не ищу молочных рек,
Кисельных берегов.

Поесть — хватает мне вполне
Кленового листка.
Попить — всегда довольно мне
Студеного глотка.

И дышится мне так легко
В родимой стороне.
И видится так далеко.
Чего же надо мне!

В степи, где пролегает путь,
Играют ковыли.
Нет, нет — я их не назову
Сединами земли.

Пусть будет все самим собой
До истеченья лет:
Вода — водой, звезда — звездой
И просто хлебом — хлеб.

Пусть говорят, что должен я
Оставить на земле
Свой след. Есть разные, друзья,
Следы, поверьте мне.

И я, как всякий человек,
Свой след оставить мог.
Но слишком много мертвых рек,
И просек, и дорог.

Я о судьбе мечтал иной,
Чтоб жить в ладу с живым,
Чтобы остался шар земной
Прозрачно-голубым.

И потому идти сквозь мир
Хотел легко, как тень...
Но отчего земной эфир
Гудит и ночь и день?

И зарево — со всех сторон,
И в уши бьет набат?..
Меня вызванивает он?
Я встану в общий ряд!

А рядом век — мой брат.

Александр ЮДАХИН

БОЯЗНЬ

Я боялся
прыжков с парашютом,
но боязнь
не мешала прыжкам.
Я себя
в роковую минуту
пересиливал
исподтишка.
Я боялся воды
непрестанно
с детских лет.
Но, однако, потом,
как дельфин,
бороздил океаны,
плавал в реках,
как будто тритон.
Я боялся
насилья и боли,
голенастый
худущий пацан,
и меня
в состязаньях бороли,
обижали
до слез без конца.
Унижения эти
бесили,
окуная
то в холод, то в жар.
Я однажды
себя пересилил
и ответил —
удар на удар.
И еще,
я любови боялся.
Но вскипела
весенняя кровь,
и однажды
я с духом собрался

и ответил —
любовь на любовь.
Я, не раз узнавая,
где раки
зимовали,
работал как вол,
одолел
первобытные страхи
и боязни
в себе поборол.
Лишь одна
до скончания века
прикипела к душе,
как звезда.
Я унизить
боюсь человека
и обидеть его
навсегда.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

* * *

Рассеку волну густую,
ветер разозлю,
лодку оттолкну пустую,
весла утоплю.
И, резка, простоволоса,
в гору поднимусь,
стану на краю откоса,
к солнцу повернусь.
За спиной века и беды,
впереди века —
что ж, во мне огонь победы
и душа легка,
и откуда искра божья,
и зачем она
в этом мире бездорожья,
как судьба, дана?
Не искать укрыться где бы,
а кого б укрыть,
и не вниз с откоса — в небо!
Так дано мне жить.

Анатолий ПЧЕЛКИН

НЕРАЗРЫВНАЯ ПАМЯТЬ

Все кажется:
уже я воевал.
И был убит однажды наповал.
Но возвратился снова в строй живых,
чтоб вера в жизнь
не покидала их.

И рядом с ними вновь я воевал.
Я жил, чтоб друг,
сраженный наповал,
спокоен был:
и без него в бою
не посрамим мы Родину свою.

Живым зарыт и заживо сожжен,
из праха встал
уже не я, а он —
мой друг, солдат, погибший в той войне,—
чтоб также вечно
помнить
обо мне.

Владимир ЦЫБИН

ПУЛЬС

Под поездами скорыми
ветры хрустят, как ветви!..
Сердцами, как телескопами,
мы всматриваемся в столетье!
Как будто перед спуском —
боюсь оступиться.
Я переполнен пульсом.
Пульс мой — как в сетях птица.
Врываются в грудь все пуще
горя и радости звуки —
через глаза и уши,
через годы и муки.
Ломится мне в перепонки
мир огромный и синий.
Я до краев переполнен
сердца взрывною силой!
Я довожусь роднею
утру —
по крови и крову.
Я могу над землею
гнуть радугу, как подкову.
И сердце мое о память
спотыкается, как слепое,—
не оттого ли рубцами
перепахано будто поле.
Я весь из почек и завязи:
живу, взорваться грозя!
И слышу, как прорезаются
на сердце моем глаза.

Вадим КОВДА

РАЗДУМЬЯ О ЖИЗНИ

1

А может, мир вокруг недоустроен
еще и потому,
что плох и я?
А может, я не очень-то достоин,
чтобы со мной щедра была земля?
Проходят дни
так суетно и трудно.
Но не ропщу. Что толку в болтовне!
Я помню, как навязчиво и нудно
другие люди жаловались мне.

2. Часть неба

Так что же побеждает в человеке?
Таится что в предельной глубине?
Земля моя — леса, поля и реки,
страна моя, ты вся болишь во мне.
И вы, пред кем всегда благоговею,
родимые мои сынок и дочь,
я вас люблю, хоть боли не развею
и не всегда сумею вам помочь.
И ты, комочек нервов беззащитный,
что среди ночи плачешь и дрожишь,
со всей своей судьбою незавидной,
жена моя, ты вся во мне болишь.
Любимые, о вас моя забота.
Вы потому мне ближе и родней,
что вы — Россия, вы ее природа —
часть неба, ветра, леса и полей.

3. Тетя Дуся

Моей мороки повод смехотворный —
Тщета привычных жалоб на судьбу...

Помочь бы лучше тете Дусе двор мыть,
разгладить бы морщины ей на лбу.

Собрать бы ей деньжат на ватник новый,
сынка-бандита б перевоспитать...
Когда помрет, не пожалеть бы ноги —
тропу к ее могиле протоптать.

Семен
СОРИН

ЖИТЬ

Жить хочу. Во что бы то ни стало.
Тяжесть? Мне любая по плечу.
Человек в песках упал устало —
Я спасу, не кину: жить хочу.

Кто-то гибнет от потери крови —
Поделюсь своей, не возропщу.
Старика из-под горящей кровли
Вытащу сгорая: жить хочу.

Грудью — на штыки, на амбразуру,
Сердце вырву — людям посвечу.
Собственная шкура? К черту шкуру!
Смертный бой возглавлю: жить хочу.

Плющится под траками щебенка,
Танк летит по фарному лучу.
На пути ребенок! На ребенка?
Лучше — с ходу в пропасть: жить хочу.

Много мне отпущено иль мало,
Жизнь других своею оплачу.
Жить хочу во что бы то ни стало,
Только так. Иначе — не хочу.

Гарольд РЕГИСТАН

ГОЛОС ДОЛГА

Все было так, как мне хотелось:
Легко жилось. И звонко пелось.
Все исполнялось — даже сны.
Я знал,
Что я имею право
На счастье, на любовь и славу,
Солдат, вернувшийся с войны.
А в деревнях, дотла сожженных,
Мужей убитых ждали жены,
В тоске старея на глазах.
И счастье тенью омрачалось,
Когда на улице встречалась
Вдова товарища в слезах.
И слава радовала меньше.
И строже я смотрел на женщин —
Не до любовных было слов,
Когда в дырявых телогрейках
Девчонки для узкоколейки
Таскали шпалы в пять пудов.
Спасибо, дальняя дорога,
За то, что позвала ты строго
В свои раздольные края.
За встречи на колхозных станах
И за стихи в блокнотах рваных,
Где жизнь — моя и не моя!
И за попутные машины,
За желтый хлеб под небом синим,
Целинный хлеб на Иртыше.
За чайку белую над Волгой.
И за суровый голос долга.
Что как набат звучит в душе.
Я людям —
Радостью и болью,
Тоской, бессонницей, любовью
За все теперь сполна плачу.
О, как мне нелегко живется!
Как трудно мне сейчас поется!
Но я иначе не хочу!

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ПОДКУПЛЕННЫЙ

«Все советские писатели
подкуплены...»
Так о нас пишут.

Я действительно подкуплен.
Я подкуплен.
Без остатка.
И во сне.
И наяву.
Уверяют советологи:
«Погублен...»
Улыбаются товарищи:
«Живу!..»
Я подкуплен
ноздреватым льдом
кронштадтским.
И акцентом
коменданта-латыша.
Я подкуплен
военкомами
гражданской
и свинцовою водою
Сиваша...
Я еще подкуплен снегом
белым-белым,
Иртышом
и предвоенной тишиной.
Я подкуплен кровью
павших
в сорок первом.
Каждой каплей.
До единой.
До одной...

А еще подкуплен я костром.
Случайным,
как в шальной игре
десятка
при тузе.
Буйством красок Бухары.
Бакинским чаем.
И спокойными парнями с ЧТЗ...
Подкупала
вертолетная кабина,
ночь
и кубрика
качающийся
пол!..
Как-то женщина пришла.
И подкупила.
Подкупила —
чем? —
не знаю
до сих пор.
Но тогда-то жизнь
я стал считать
по веснам.
Не синицу жду отныне,
а скворца...
Подкупила дочь
характером стервозным,—
вот уж точно,
что ни в мать
и ни в отца...
Подкупил Расул
насечкой на кинжале.
Клокотанием —
ангарская струя.
Я подкуплен
и Палангой,
и Кижами.
Всем, что знаю.
И чего не знаю
я...

Я подкуплен
зарождающимся словом,
не размененным пока
на пустяки.
Я подкуплен
Маяковским,
и Светловым,
и землей,
в которой сбудутся
стихи!..
И не все еще костры
отполыхали.
И судьба еще угадана
не вся...
Я подкуплен.
Я подкуплен
с потрохами.
И поэтому купить меня
нельзя.

Сергей
ДРОФЕНКО

СЛОВА

Пусть будет речь моя тиха,
но все же низводить не надо
обычай русского стиха
до канареечного лада.

В тяжелом марше плотных рот,
когда шумела непогода,
я слышал твердое «народ»
и бесконечное «свобода».

Я помню, помню те слова
и потому по доброй воле
поддерживаю их права
на предпочтительные роли.

Игорь
ЛЯПИН

ТРУБНИК

Я рукою тронул ветку,
Я держу росу в горсти.
Заводскому человеку
Дайте душу отвести.
Дайте неба, дайте леса,
Дайте во поле межу.
Я из грохота железа
Очень трудно выхожу.
Я как будто сам из стали,
И под птичий перещелк
Я еще верчу на стане
Кантовательный крючок.
Я еще дышу прокатом,
Весь в поту и весь в огне,
Под развернутым плакатом
«Больше труб родной стране!».
Я смотрю на вещи трезво,
Я давно под ним впитал
В голос — жесткость, в кровь — железо
И в характер свой — металл.
Там, под гулкими гудками,
От деталей до основ —
Все завязано узлами
Пониманья этих слов.
Но еще такую малость
Нужно вовремя учесть:
У металла есть усталость,
В человеке тоже есть.
Вот побуду в роще, в поле,
Из ручья воды напьюсь,
И опять по доброй воле
В лямку жесткую впрягусь.
И шагну с подручным в паре
На рубеж на огневой
На земном огромном шаре
Между миром и войной.
До бровей надвину кепку,
Будет слабость не в чести.
Трудно будет человеку...
Дайте душу отвести!

Ольга ЕРМОЛАЕВА

* * *

Такой свободе вручена,
Аж воздух свищет около —
Что, разведенная жена,
Что, матерь одинокая?..
Не тяжело ли ей без пут,
В гульбе не закружится ли,
Легко ль, отбросив дамский труд,
Вершить дела мужицкие?
Вдохну я воздух глубоко:
Спасибо, что не связана...
Не смею молвить, что легко,
Но вольно как, но сладостно...
Мне лучше не глядеть назад:
Больным дитем, изведавшим
Кухонный чад, стиральный яд,
Душа глядит из ветоши.
Там страх, и бедность, и мороз,
Больничная испарина.
Все прочее — дешевле слез
И проще репы пареной.
Вниманьем белый свет объяв,
Услышу зов неистовый —
Стих, как диктант, как телеграф,
Лишь, будь добра, записывай
Без роздыху.
                    Придет черед —
Откормишься и выспишься,
И, как учительша, сойдет
Ужо успокоительша.
Сгребет все то, что напишу:
На что ты жизнь угробила?..
По-бабьи плакала, скажу.
Но по-мужицки робила.

Яков
КОЗЛОВСКИЙ

* * *

Горжусь я наукою властной,
Немало познав на веку...
Воспитан был в Армии Красной
Я в краснознаменном полку.

Жил строго,
к сраженьям готовясь.
И знал комиссар наш, что есть
Во мне краснопресненцев совесть
И краснопутиловцев честь.

Всю родину сердце объяло
Любовью, что трижды светла,
Что красной строкою в нем стала
И красною нитью прошла.

И в праздник не выгляжу праздным,
Живу перед веком в долгу...
Воспитан был в Армии Красной
Я в краснознаменном полку.

Галина БЕЛОВА

МОЯ ЗЕМЛЯ

Когда я говорю: «Моя земля»,
То вспоминаю не поля без края,
Я старый дом под Курском вспоминаю
Да сирый крик над лесом журавля;
И взгляд иконный сморщенной старухи
С покрытой черной шалью головой,
И горький шепот: «Милый сынку мой...»
В бессилии опущенные руки.
Когда я говорю: «Моя земля»,
То вспоминаю, как в продрогшем доме
Весенним солнцем на моих ладонях
Лежала дочь — кровиночка моя.
Лежала и, смеясь беззубым ртом,
Безмерно доверяя всем на свете,
Смотрела в мир, как смотрят только дети:
Любя сперва его, себя — потом.
Земля моя! Вся уместилась ты
В два эти взгляда, слитые навечно.
С надеждою и болью человечьей
Глядишь мне вслед в величье простоты.
Беду твою и радость не деля,
Я, вновь к твоим ладоням припадая,
Прошу: «Благослови меня, родная,
Благослови на жизнь меня, земля!»

ДЕТЯМ МОИМ

Когда ты останешься без меня,
Моя хорошая,
Пусть четкая графика зимнего дня
Тебя огорошит,
И пальцы потянутся не к вискам —
Итогом смерти,—
А к белым и жаждущим кисти листкам,
Выпавшим на мольберте.
Когда ты останешься без меня,
Хороший мой,

Пусть первый приблудный щенок, семеня,
Увяжется за тобой.
А после, дни и недели дробя
На музыкальные фразы,
Да снизойдет, как любовь, на тебя
Песнь, что не пелась ни разу.
Дано вам много, мои родные,
Людьми, не богом...
Кому тропинки и рвы лесные,
А вам — дорога.
Своей судьбы необыкновенной
Пишите повесть.
Ведь есть две вещи лишь неразменных —
Талант да совесть.
Быть честным — страшно,
Быть гордым — трудно,
Быть добрым — больно.
Вас обрекаю на то прилюдно
И добровольно.
Но неподвластна земным обрядам,
Подобна чуду,
Средь тягот жизни я буду рядом.
Я рядом буду.
Мое страданье, мое призванье —
Нет муки горше,
Чем расставанье и заклинанье:
— Живите дольше!

Марк МАКСИМОВ

СОРОК ЛЕТ

Ко мне война была добра:
погибшего по всем приметам,
у партизанского костра
оставила живым поэтом.
Я мог над кирпичом
дымком
растаять крематориальным,
а вбит в гранит
мемориальным,
еще прижизненным стихом.
Жена держала и сестра
в дрожащих пальцах похоронки,
но эту дрожь вбирал с утра
мой автомат в лесной сторонке.
Давно могли, когда — салют,
найдя мой столбик безымянный,
перенести меня в курганы...
Но сорок лет как не несут.
И, долг с погибшими деля,
мой каждый день стал «божьим даром».
Я сорок лет перед пожаром
стою — не вспыхнула б Земля!
Нет, жить планете голубой,
глазам, сердцам и солнцу милой.
А если вздыбятся могилы —
восстанут павшие на бой.
...Не хорони меня, зови
к себе, к прохладе белых лилий,
война в крови и ты в любви —
вы жизнь одну мне подарили.
Затем, чтоб, суетность гоня,
я озарял тебя стихами,
есть у меня святыня
в храме,
где свечи Вечного огня.

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

* * *

Спою ли про любовь,
скажу ль про чувство долга —
«Не надо громких слов!» —
одергивают колко.
О Родине
едва прямое молвлю слово —
«Все громкие слова!» —
руками машут снова.
Мол, душу приглуши, не та теперь планета,
Распахнутость души —
фальшивости примета!..
Но выйду на простор,
подсказчикам не внемля:
Грохочущий мотор
распахивает землю,
Да кто же учит так —
доброжелатель вроде:
Чем тише будет шаг,
тем дальше, мол, уйдете?
Совета не приму,
пою, как мне поется.
На тихое «ау»
никто не отзовется!

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

ДЕЛО СЛОВА

Было время большое:
думай, пробуй, иди.
Ничего за душою,
кроме чувства пути.

И открылись мне дали
и рабочий народ:
города, магистрали,
быт низин и высот.

И я принял на плечи
груз скорбей и чудес,
бремя долга и речи
и истории вес.

Оказалась поклажа
выше дерзостных сил.
Думал, с ношей не слажу,
и пощады просил

у людей и простора,
у судьбы и страны.
Помогло мне не скоро —
как бы со стороны.

Не сожженные ль рощи,
не родительский ль зов
мне прибавили мощи
для безмерных трудов?

Не родная ль природа,
не сиротский ли хлеб
дали силы — для свода
воедино: судеб,

сплавов дела и слова,
хода в дали и в ширь,
что легли как основа
в молодую Сибирь?

Дело делано прочно,
истощилась душа.
А работа, что коча,
солнцу встречь отошла.

Может, камень подловит
невдали где-нибудь?
Иль судьба уготовит
долгий век, верный путь?

Вновь остался один я
на дороге большой.
Кроме чувства России,
ничего за душой.

Валентин УСТИНОВ

РОДИНА

Опять стою на пажити остожной.
И к родине сквозь хмарь и даль версты
тянусь рукой — бродячей и безбожной —
пригладить истомленные черты.

И снова потрясаюсь невозможной
некрасоте родительских полей;
ее любви в накидке придорожной
из серебра осин и тополей.

Но, счастья и укора не тая,
глядись в глаза мне синью осторожной,
о родина прощальная моя!

Ведь все равно — ликуя ли, скорбя,
с любовью ножевой, в тоске ль острожной,—
я все равно погибну за тебя.

* * *

Мне вновь предстать бы перед скорбным ликом
  земли,
    где филин стонет по ночам,
      где лучшая из ягод — земляника,
        а из цветов — тяжелый иван-чай.

Предстать и поклониться покаянно:
  прости за все,
    сырая мать-земля,
      не полони следы мои бурьяном
        и не томись за нас и за меня.

Прости за эти низкие деревни,
  за то,
    что только в сказках — терема,
      что, затерявшись в бездорожье древнем,
        к деревьям жмутся темные дома.

Прости за обезлюдевшие пожни,
за наши,
потаенные пока,
за те, что станут горькими чуть позже,
печали о судьбине мужика.

Прости нам,
терпеливая Отчизна,
фанфары обещаний у стола,
и скорые различные почины,
и тихие, нескорые дела.

Прости за все,
что было, есть и будет,
за то, что, всё в тревогах, всё в бегу,
хорошие, но занятые люди
тебя пока не очень берегут...

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

* * *

Я чую подземные воды,
дыхание жизни сквозь мрак.
Земля, твои добрые всходы,—
земной твоей вечности знак
есть в каждом живом проявленьи
природы.
            И я, человек,
в ней высшая форма творенья.
Пространство души моей — век.

РОДНОЙ ОЧАГ

Родной очаг,
за все прости меня!
за то,
        что
о корнях я забываю.
Все получил
от твоего огня
и ничего
в ответ
не возвращаю.

В степь ухожу,
там на исходе дня
своих семь предков
я не называю.
И ничего
              почти
о них не знаю.
И в сумерках
                    спешу
на храп коня.

Здесь мой аул,
могила здесь отца.
Начало — здесь.

И нет ему конца.
И этот путь
продолжен будет мной:
встречать людей,
стихи дарить,
и — жить!
Судьбой
народу своему служить.
Благословляет степь:
— Иди, сын мой!

Юлия ДРУНИНА

* * *

Нет, не мечтали никогда о рае
Крещенные железом и огнем —
Всю жизнь была я на переднем крае
И умереть хотела бы на нем.

Своим не верю юбилейным датам,
Меня не хлопай, старость, по плечу.
Я в армии Поэзии солдатом
Сражаться до последнего хочу.

МОЯ ЗВЕЗДА

Уклончивость —
Она не для солдата:
Коль «нет» — так «нет»,
А если «да» — то «да».
Ведет меня и ныне,
Как когда-то,
Единственная —
Красная — звезда.

И что бы в жизни
Ни случилось, что бы —
Осуждены солдатские сердца
Дружить до гроба,
И любить до гроба,
И ненавидеть
Тоже до конца.

Николай ТРЯПКИН

* * *

Допою свои песни земные,
Догляжу свои сны до конца.
Ах, плывите вы, струги резные,
С моего золотого крыльца!

Устремляйтесь, жемчужные реки,
С ворожейных ступенек моих.
Запевайте, варяги и греки,
У раскрашенных весел своих.

Не желаете ль меда и хлеба?
Не хотите ль моих соболей?
Под лучами российского Феба
Дорогих принимаю гостей.

И едва лишь на званом соборе
В золоченые гонги пробьют,
Восподнимутся лебеди с моря —
И по этим струнам поплывут.

Только выгнутся белые шеи,
Засияет луна под крылом...
Заходите, любезные свеи,
Не скучайте за нашим столом!

Пронесемся на берег урманский,
Вознесемся на желтый Тибет.
Под навесом моим шемаханским
Ничего невозможного нет...

Ах, плывите же, струги резные,
С моего золотого крыльца!
Допою свои песни земные,
Догляжу свои сны до конца.

Сергей
АГАЛЬЦОВ

* * *

Где на унылую дорогу
Без перерыва дождик льет,
Где прямо к самому порогу
Садится с почтой вертолет.

Где знай себе, живи, не сетуй,
Где, этой жизнью умудрен,
Трехдневной давности газету
Тебе вручает почтальон.

Где школа высится родная,
Где я, достоинство храня,
Жил, благодарно пожиная
Посеянное до меня.

Где мыслям дерзким дав движенье,
Ночами в облаках витал,
А днем на ниве просвещенья,
Как говорится, процветал.

Там вряд ли кто меня узнает.
И ныне юноша иной
С какою думой пожинает
Посеянное в душах мной?

А вдруг я в том краю, где Зея,
Волнуясь, вольный катит вал,
Ничьих сердец не взволновал,
Развеял больше, чем посеял?

* * *

> Мой век!..
> Благодарю за все, что видел.
>
> М. Львов

Я всем сегодня благодарен —
Кто ненавидел и любил,
Кто, клевеща, сплеча рубил

И кто в беде меня забыл,—
Я всем сегодня благодарен.

Народу разного разбора —
В фуражках, шляпах, картузах,
Идущим под гору и в гору,
Поющим в праздник у забора,
Ликующим на площадях.

Торчащим сутки по вокзалам
В клокочущих очередях
С бедой в заплаканных глазах,
Почтенным старцам, детям малым
С дыханьем чистым на устах.

Ханжам, что слезы в три ручья
Льют так притворно, так знакомо,
Кто угасает, как свеча,
В тиши.
И мнимому больному...
Народу разному, любому.

Благодаря нелегким судьбам
И праздным судьбам вопреки
Сжимать учился кулаки,
Добрее становился к людям.
Близки они иль далеки!

Татьяна
РЕБРОВА

* * *

Не верите в горечь мою и любовь.
Куда мне бежать?
Я нуждаюсь в охране.
В глухой деревеньке
есть квас и морковь
Для женщины с медной копейкой в кармане.

Из сердца я вытрясу пепел и сор.
Слезами омоюсь.
И, не оскверняя
Неправдой
трагический русский простор,
Вернусь в него
проклятая,
но родная.

Вхожу на рассвете в старинную Русь.
Хоть в это поверьте,
что я спозаранок
О здравии вашем
по-детски
молюсь
На лики беременных наших крестьянок.
Да чем же иначе,
иначе-то как
Смогла бы я душу свою к вам приблизить,
Чтоб новой обидой
смиренный сорняк
С могилы отца не унизить!

А здесь
в воскресение
вербы не жаль.

Хлеб черен?
Бела простокваша.
Фаянс в грубых розах
и рваная шаль.

...Так выросла женщина.
Ваша!

Я знаю, что звездами
жизнь
занесет.
И кланяюсь в пояс рябине
За то, что под нею
лежать повезет.
Под нею!
А не на чужбине.

Геннадий
КАСМЫНИН

* * *

Для вечного печали нет,
А ты печален, ты не вечен,
С ничтожной радостью побед
И неудачами обвенчан.
Но были громче имена,
Но были горше неудачи.
И потому она смешна,
Твоя готовность жить иначе.
Как вечный дух.
Как вечный мрак.
Как вечный свет
Вселенной вечной.
Я говорю: да будет так! —
Но за минутою конечной.
Пока живу, не хватит слез,
Чтоб переплакать боль живую.
Пока живу — не перерос
Печаль, хотя бы небольшую.
Пока живу — живу я тем,
Что жизни радуюсь невольно.
Не потому, что пью и ем,
А потому, что сердцу больно.

Александр
ШАТАЛОВ

* * *

Пока еще жизнь моя длится,
мне нужно, хотя бы на миг,
вглядеться в любимые лица
сограждан моих дорогих,

за их незатейливым видом,
за резкой морщинкой на лбу,
за непритязательным бытом
увидеть чужую судьбу.

Тревожа загадочным светом,
чуть-чуть воспарив под землей,
они, как большие планеты,
плывут и плывут надо мной.

Их тайны, их жизни, их лица,
их судеб неясный пунктир
я должен любить торопиться,
пока не обрушился мир.

Я голос возвышу, чтоб резче
звучал он для милых моих,
став словом, став пламенной речью,
став жизнью невечною их.

Иван СЛЕПНЕВ

СТАРЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ

Я не верю, что они — усталые,
им с годами
молодость слышней...
Пишут, пишут комсомольцы старые
о делах давно минувших дней...

Над могилами друзей — не плакали.
В их сердцах —
последний, вечный бой...
Эти люди догорают,
словно факелы,
век двадцатый
забирает их с собой!..

Ветер века,
с маху не разбрасывай
жаркие, нетленные слова...
В строгом сердце,
как на поле Марсовом,
память революции жива!

Николай ДМИТРИЕВ

РАТНОЕ ПОЛЕ

Поле ратное. Искать его не надо,—
Под любым окном у нас оно легло.
В каждом поле есть печальная ограда,
При которой сердцу больно и светло.

Хорошо березке курской или вятской
Там уйти корнями в рыхлый перегной,
Оттого зовут могилу эту братской —
Что легли здесь
                    дети матери одной.

Полегли.
          Они уже и сами — поле,
Вечный сон во мгле им снится про нее,
Нет ее прекрасней в мире. Не с того ли
Лапы к ней тянуло всякое зверье?

Спасена в который раз великой кровью,
Воскрешенная на прахе и крови,
То травой она, то снегом их укроет
И прошепчет об отмщенье и любви.

Спите, милые. Теперь за нами дело.
Не опустим глаз, не отвернем лица.
Зло пока еще не ведает предела,
Нет для глупости и подлости конца.

Говорят, что люди смерть не выбирают,
Ну а если выбор дашь — как умереть,—
Дай, судьба, мне у черты у той, у края,
За Отчизну чистым пламенем сгореть!

Римма
КАЗАКОВА

* * *

В платье дамы, в латах воина,
чтя всего превыше волю,—
мало ли, что мне позволено! —
я себе не все позволю.

Добровольная обязанность —
воину указ и даме,—
этим чувством чести связанность
все незыблемей с годами.

И когда меня пронзают
взгляды — щупальца, лучи ли,
воздух зря не сотрясаю,
отрезаю: так учили!

А учили так родители,
не юлившие, не лгавшие.
А учили победители,
до Берлина дошагавшие.

Выучили, как и надо,
что к чему и что чем движет.
Льется Лунная соната
помыслов, велений высших.

Чтобы все святые правила
знали: к ним судьбой причастна.
Чтоб, коль для других восславила,
и сама блюла всечасно.

Я люблю людское равенство
и в высоком смысле слова —
что так родственно, то нравственно,—
счастья общего основа.

И, на мелочи не сетуя,
доли не прося особой,

мы за это счастье всехнее
постоим пред чьей-то злобой.

Это накрепко усвоено,
этому учусь у века,—
в платье дамы, в латах воина —
в облаченье человека.

Виктор КОРОТАЕВ

ВЫСОКИЕ СЛОВА

Я опасался слов высоких,
Не мысля с ними вровень встать.
Покуда в северные сопки
Меня не проводила мать,

Эпоха,
        Родина,
                держава...
Как будто за неложный пыл
Я исключительное право
На их аренду получил.
Я охранял их жизнь ночами,
И стало ближе оттого
Уже не просто
                их звучанье,
Но и живое существо.
И жестким временем испытан,
как время,
              нежен и суров,
Смотрю в глаза ему открыто —
И не боюсь
Высоких слов.

Сергей БОБКОВ

СИНИЕ КОНИ НА КРАСНОЙ ТРАВЕ

Небо
        крылом
Провело по земле —
Синие кони
На красной траве.

Долгие гривы —
Как водопад,
А под копытами
Травы кипят,
Алые травы,
Багряные,
                рдяных корней,
Буйные травы
Российских лесов и степей.

Ветер объял
Облака и траву,
Синие кони
Летят наяву!

Гордо и вольно
Рвутся вперед...
Вдруг замирают...
Ветер поет.
Свет
        Революции.
Веры
        дыханье моей —
Синие кони
Пронзительно-будущих дней!

Людмила ШИКИНА

* * *

Я опять к человеку иду,
Светит солнце, сады зацветают.
Но кому же поведать мне тайну,
С кем делить и печаль и беду,
И сказать свое слово кому,
Раздарить и цветы
И веселье?..
Этот вымытый,
Свежий,
Весенний —
Для кого этот праздник в дому?..
Для кого этот алый узор
На платке моем спорит с зарею?..
Подойду и калитку открою,
И начнется меж нас разговор:
Это сладкая-
Горькая быль,
Этот камешек, брошенный в реку...
Любопытно узнать человеку,
Кто он есть
И кем мог бы он быть,
С человеком сидеть у костра
Своей жизни
При сумерках серых
И открыть в своем любящем сердце,
Что ему
Ты навеки сестра.

* * *

Не тогда,
Когда уйдешь,
Страшен слова суд,
А теперь,
Когда живешь
И пока живут
Блики солнца и ночей

В бьющейся крови,
Доблесть чистых кумачей
Матери-земли.

Все во мне,
Пока я здесь.
Здесь мой ад и рай,
И прощение, и месть...

На земле мой май,
На земле мои сады,
И земля в огне.
Беспощадные суды —
Только на земле.

Леонард ЛАВЛИНСКИЙ

ЗЕЛЕНАЯ БАЛЛАДА

Леспромхозными чащобами
Втроем
Каблуки непрочной обуви
Собьем.

О делах не разглагольствуя
В пути,
Будем стражу комсомольскую
Нести.

Но грызет меня, товарищи,
Вина,
Что дорога угрожающе
Длинна.

Что ползет лесами Вологды
Жара,
Где в тулупах было холодно
Вчера.

Прорастают на околице
Грибы
Сквозь трухлявую глаголицу
Резьбы.

Чья-то брошенная вотчина
Пуста,
И крест-накрест заколочены
Врата.

Не налгали стародавние
Века,
Будто ноша мироздания
Легка.

Пылью осени, метелями
Жары
Комсомольские побелены
Вихры.

И напомнила с обочины
Ветла:
Синью речек Вологодчина
Светла.

А не знающая старости
Ольха
Раскустила даже заросли
Стиха.

Где расхлябанными гатями
Тяну
Не поделенную с братьями
Вину.

Мне и службу долгосрочную
Нести,
Не повиливая строчками
В пути.

Николай ДОРИЗО

НАКАНУНЕ

Г. Анисимову

Я все время живу
Накануне чего-то —
Накануне строки,
Накануне полета,
Накануне любви,
Накануне удачи,—
Вот проснусь я —
И утром
            все будет иначе.
То, что в жизни имел,
То, что в жизни умею,
Я ценить не умел
И ценить не умею,
Потому что все время
Тревожит забота,
Потому что живу
Накануне чего-то.

Может, я неудачник
С неясным порывом,
Не умеющий быть
И от счастья счастливым.
Но тогда почему
Не боюсь я обиды,
Почему
            все обиды
В минуту забыты.
Я им счет не веду,
Наплевать,
Не до счета,—
Я все время живу
Накануне чего-то.

Михаил ДУДИН

СТИХИ СОЧУВСТВИЯ БОРИСУ УКАЧИНУ

Мой друг Борис Укачин
Душою чист и щедр,
Он в самом деле плачет,
Когда срубают кедр.

Когда, закончив дело,
Злодеи водку пьют,
А срубленное тело
Кому-то продают.

И Горного Алтая
Святая красота,
От этих действий тая,
Становится не та.

В Алтае Горном голо
От вырубок и сеч.
И действием глагола
Пора разбой пресечь.

О том кричит и плачет
Один на белый свет
Мой друг Борис Укачин,
Действительный поэт.

Помочь такому горю
Я рад и потому
Стихотвореньем вторю,
Сочувствуя, ему.

Сергей ОСТРОВОЙ

ДЕЙСТВИЕ

У судьбы не требуя уступок,
Не винюсь ни в чем перед судьбой.
Главное на свете — есть поступок.
Действие, рожденное тобой.

Не пустопорожнее гаданье.
Не словесный дождичек во мгле.
Главное на свете — есть деянье.
Вот что остается на земле.

Владимир УРУСОВ

* * *

Ну что, живу. Места — других не хуже.
Наверно, речки только нету у́же.
Но и она в далеком далеке
все отдает действительной реке.

У нас холмы и никаких Уралов.
Однако есть карьер стройматерьялов,
где я внедряю скважинный контроль,
играющий не главную, но роль.

Мне говорили: брось ты эту местность,
владимирская глушь да неизвестность,
кати на стройки нынешнего дня...
— Отстаньте, ради бога, от меня!

Кататься и посматривать, спасибо,
куда-то уезжать и жить где-либо.
Погонишься за собственной судьбой,
и только пыль оставишь за собой.

Ну а всерьез, куда же я без поля,
где мечется знакомая до боли
плохих дорог беспомощная вязь,
где тыщу лет не перемесят грязь.

Куда же я без вас, мои коллеги,
друзья прогресса и враги телеги.
Вы ж знаете, почем сейчас овес,
как трудно в поле вывезти навоз!

Без шуток если — дело непростое
построить коммунизм, дорог не строя.
Бог даст — увидим лет через полста,
на что потянут здешние места!

Олег
ШЕСТИНСКИЙ

* * *

За цельность убежденно я стою:
коль яблоко —
так только налитое;
коль чувства —
так все сразу, по шестое;
а коли смерть —
так жизнь прожив свою.

Я — было — жил, играя и двоясь,
одно не съев, уже другим давясь,
и тропами петлял, презрев дорогу...
И в этом оказалось мало проку.

А пращур завещал мне
широту;
его супруга, женщина седая,
порой от этой широты страдая,
мне завещала добрую мечту.

Все это так —
не притча и не сказка;
дед не солгал, и бабка не лгала,—
и русская исконная закваска
в характер современника легла.

А ведь не будь характера такого —
не знаю,
плыть ли в да́ли заревой
хоругвям над полынью Куликова,
знаменам над берлинской мостовой?

Алексей ШИТИКОВ

ОСЕННЯЯ ТРЕЗВОСТЬ

Сгоревший под солнцем —
коричнев и рыж —
Наводит орешник на грустные мысли:
Еще в молодых себя вроде бы числишь,
Посмотришься в зеркало —
дух затаишь.
Когда же успело лицо отцвести?
Не только в морщинах —
в глазах уже осень...

Прошел второпях половину пути,
Назад оглянулся —
а где же колосья,
А где же деревья, взращенные мной,
А где же хотя бы следы на дороге?!
По жизни летелось легко,
а в итоге —
Тяжелый мешок п у с т о т ы за спиной...

Коричневый ветер течет по кустам.
Как мало зеленых живительных красок,
Как много сгоревших, упавших к ногам
Ореховых листьев — утраченных сказок!
Простимся, весны молодое вино!..
Осенняя трезвость, спасибо за правду,
За то, что, хоть поздно, а все же утрату
Мне трезво и честно осмыслить дано!

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ПРЕСТИЖ

Престиж, проникший в быт,— явленье страшное.
Чтоб не престиж, а честь не уронил,
Советую: себя почаще спрашивай —
Ты обыватель или гражданин?
Юнца,
Носящего клочкобородое
Лицо купца, боярина, Христа,
Я огорчу:
Престиж он спутал с модою,
А мода ненадежна и пуста.
Престижно
Сочинение и чтение
Стихов, где бродит нищенкой мечта,
И все волнения и откровения,
Как говорится, ниже живота.
Престижно, чтобы подписным изданием
В прихожей узкой был украшен шкаф,
Чтоб стал библиотеки основанием
Не граф Толстой, а Монте-Кристо граф.
Престижна
Финской бани тьма белесая.
Вы похудели — главный комплимент.
Престижно,
Чтоб наследник был не слесарем,
А красовался в званье «референт».
Престижно,
Чтобы краской ядовитою
Умела веки оттенить жена,
Чтоб к телевизору приставка «видео»,
Да только вот кусается цена.
Приниженно пишу,
Пишу пристыженно —
Вдруг ты меня, читатель, не простишь,
Считая, что сегодня непрестижно
Иронией затрагивать престиж.

Александр ГОВОРОВ

* * *

И снова я перед своими
Сынами речь держать берусь:
— Умрет храбрец —
Оставит имя,
А что живым оставит трус?

Мне отчий край
Рукою машет,
Я не отдам его врагу.
Да, если Родина прикажет,
Я даже камнем стать могу.

Нас жизнь ломала до излома.
Я, сын,
испытан на излом...
Да лучше буду нищим дома,
Чем на чужбине королем.

Павел КАЛИНА

* * *

В жизни я не видел город Шую,
Не бывал в селении Айхал.
Я объеду Родину большую.
Хуже, если б малой я не знал —
Той земли, где в час большой тревоги
Встал отец в солдатский грозный строй,
Все пройдя военные дороги,
Вплоть до встречи с пулей роковой...
Не скажу, что был отец героем —
Нет у нас героев на роду.
Может, я с таким же грозным строем
В смертный бой за Родину пойду.
Если же судьба моя везучей —
Я вернусь с медалью боевой;
На меня дохнет в степи дремучей
Тот, уже сухой — еще пахучий,
Горький куст полыни полевой...

Алексей ПЬЯНОВ

* * *

С утра и до зари
Я был приставлен к делу.
В тайге на Уссури
Я пчеловодил с дедом.

Дрова пилил, колол.
Потом ходил в подпасках.
Потом поля полол
У станции Прохаско.

Никто мне не сулил
Ни хлеба, ни зарплаты.
Я корюшку солил
В голодном сорок пятом.

Огромная бадья
Вся в чешуе, как в жемчуге.
Навек запомнил я
Худых усталых женщин.

...В глазах плывут круги,
Рука моя немеет:
Я чищу сапоги,
Патент на то имея.

О сколько я сапог
солдатам перечистил!
Всего, что в детстве смог,
Теперь не перечислить.

И если трудно будет,
Я жизнь не укорю.
За то, что вышел в люди,
Людей благодарю.

Борис
ОЛЕЙНИК

ТРЕВОГА

Среди ночи, когда
припадут к аппаратам радисты
И ключом телеграфным
полночный эфир отомкнут,
В мою совесть стучит
(уж таким привелось мне родиться!)
Телеграмма Тревоги,
и шифр ее краток и крут.
От беды и бессонницы
некуда сердцу деваться:
Вот в морозном окне,
превращенном луною в экран,
Всходит Лоркина тень,
обозначился профиль Диаса,
И багровое солнце
сочится, как прежде, из ран.
Бьет Тревога!
Опять
чьи-то руки повиснут, как плети,
Три кукушки в саду
напророчат кому-то беду...
Только я не сробею!
Лишь небо наброшу на плечи,
Словно плащ матадора,
и вслед за Тревогой пойду.
Нет, поверьте,
не мне
ночь-цыганка на звездах гадала!
Ну а если она
вдруг окажется все же права,
Пусть тогда надо мной
андалузская вскрикнет гитара

И предательский нож
обовьет молодая трава.
Я спешу, моя мать,
вслед за алым, как знамя, закатом
Сквозь разрывы свинца,
сквозь бетонные стены преград
К моей давней мечте,
арестованной в тридцать девятом
И поднявшейся вновь
над могилами интербригад.
Сердце, в путь!
А тебе, что застыла в тоске
на пригорке
Среди маков багряных,
чей цвет оттенила заря,
Я оставлю на память
веселые сполохи Лорки,
А в дорогу возьму я
мятежную боль
Кобзаря.
Я пройду! Проползу!
Я прорвусь под растерзанным
небом.
Под тюремной стеной,
заглянув самой смерти
в лицо,
Выну сердце свое,
начиненное болью и гневом,
И своей же рукою
рвану я взрывное кольцо.
И где сердце мое
похоронят навеки руины,
Пошатнув небеса
и серебряный месяц в ночи,
На высоких ветрах
зашумят тополя Украины,
И взойдут мои очи —
возмездья и правды мечи!
И опять и опять
припадут к аппаратам радисты

И ключом телеграфным
полночный эфир отомкнут —
В адрес Веры бессонной
и в адрес Тоски материнской
Телеграммы Судьбы,
телеграммы Печали придут.
Ты накинешь платок,
ты сойдешь по ступенькам
по тряским
И замрешь на пороге,
и сердце в груди защемит...
...А под утро в саду,
словно небыль,
под небом полтавским
Молодыми ветвями испанский лимон зашумит.

Перевод с украинского
Льва Смирнова

Алексей МАРКОВ

* * *

Я — нерв страны. Ее земные токи
Через меня взволнованно идут.
И боль свою, и взлет души высокий
Ей отдаю на беспощадный суд.

Не удивитесь, коль случится, туча
Отбросит на лицо нежданно тень
И станет взгляд мой строгим и колючим:
Не каждый день сияет светлый день!

* * *

Коробка приемника — дом,
Жилплощадь, связавшая нас.
Здесь душу сжигающий стон,
И — стон заглушающий джаз!

Пугаюсь я белиберды,
Бессовестных звуков нагих.
Боюсь не расслышать беды
Зовущих меня: «Помоги!»

ЭХО

Лишь хрусталину тронь —
Вся взволнуется люстра.
Звук бежит, как огонь,
Как взаимные чувства.

Только ветку тряхни —
Вторит дерево вздохом.
День один всколыхни —
Отзовется эпоха.

Микола
ВИНГРАНОВСКИЙ

* * *

Из детства: дождь, и тусклый свет,
и мамалыга, небо с богом,
и зрелый разум с ранних лет,
и даль, и зори за порогом...

Я помню все. И все — для битвы!
В часы печальные люблю
шептать небожьи те молитвы:
свободы тень в душе ловлю.

Над лесом туча проплывет.
На сердце горести растают.
Горящий месяц освещает
сомнений тягостный полет.

Пускай летят! Мне год от года
ясней цена любого дня.
Небесной манны нет. Свобода
и начинается с меня.

Перевод с украинского
И. Тарасевича

Станислав КУНЯЕВ

* * *

Никогда не желал отличать
правду жизни от правды искусства,
потому и привык отвечать
словом нá слово, чувством на чувство.

Я фальшивых бумаг не плодил
и за все в этом мире суровом,
как умел, не торгуясь, платил
неразменными чувством и словом.

Если кто недоволен — прости
за наивные эти минуты,
но другого не вижу пути
и другой не имею валюты.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

ВРЕМЯ

Пунктуальный на радио
и заботливый люд:
точным временем радует
через десять минут.
Репродуктором-блюдищем
оглашается весть,
что у прошлого с будущим
настоящее есть...
Беспределен высотный
океан надо мной.
Мне неполную сотню
разменять под луной.
Это малая малость,
и в любом моем дне
я хочу, чтоб нуждалась
вся планета во мне.
Но дорогами странствий
весь не вышагать свет:
невозможен в пространстве
всеобъемлющий след.
Над широтами всеми
я бы выбросил клич:
не пространство, а время
нам важнее постичь.
Им овеяны все мы
каждый час, каждый миг.
Время — вечная смена
состояний земных.
Всеобъемлющи воды
океана секунд,
что сливаются в годы
и к закату влекут.
Есть и в водах, однако,
острова, если сметь
углубленно, как якорь,
локти в стол упереть.
...Над моими твореньями
вдохновенно сопя,
сердцевиною времени
ощущаю себя.

Геворг ЭМИН

* * *

Хочу я стать, когда умру,
Севана синею волной,
Туманом горным ввечеру,
Миндальным деревом весной.

И новой жизнью жить опять
И за других, и за себя,
На тысячи ладов дышать,
Любовью новой жизнь любя.

Перевод с армянского
В. Звягинцевой

* * *

— Не делай так, а делай эдак...—
Что я отсюда извлеку?
В любви сфальшивить напоследок?
Изъять правдивую строку?

Но страсти белое каленье
Ты не упрячешь подо льдом,
И гордое стихотворенье
Пренебрежет любым судом.

В твоем благоразумном мире
Я, бедный, вовсе не гожусь!
Ведь я не изменяю лире
И честной страсти не стыжусь!

Перевод с армянского
Д. Самойлова

Надежда КОНДАКОВА

* * *

Как я завидую своим
Коллегам, даже знаменитым,
Которым стыд неведом. Им
Легко парить над этим бытом.
Над привокзальной суетой
И над заплеванным буфетом,
Над стыдной очередью той,
Перед которой стыд неведом.

А я, как проклятая дочь,
Как деревенская невестка,
Стыжусь, что не могу помочь,
То нищеты стыжусь, то блеска.
Стыжусь, когда мужчина мой
Глаза опустит виновато,
То запинаясь, как немой,
То говоря витиевато.

Стыжусь, когда в лицо мне врут,
Но горше всех тот стыд проклятый,
Когда о Родине орут,
А под себя гребут лопатой,
О тот самодовольный вид —
Мол, хватит всем — страна большая...
...Мне жить мешает этот стыд.
Ну что ты смотришь? Да, мешает!

Сергей НОВИКОВ

СТИХИ О СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Я подберу тебе слово такое,
что, как татарник, срастется с тобою,

выдюжит, встанет, под ветром звеня,—
Родина, радость, птичья земля!

Не потому, что горящим перстом
в прошлом отмечен отеческий дом,

не потому, что мне горестней всех
слезы твои и счастливее — смех.

Просто я — дерево почвы твоей,
вглубь заглянуть — не измерить корней.

Из подземельной своей кладовой
поишь меня ты водой ключевой.

Значит, чтоб мне пустоцветом не слыть,
должен я тем же тебе заплатить.

А заплатить мне ведь нечем другим —
кровью своею
да словом своим!

Иван САВЕЛЬЕВ

СТИХИ О ЖИЗНИ

Все больше постигаю нашу жизнь.
Но чем ее все больше постигаю,
Тем больше сделать на земле желаю,—
Ведь только делом и бесценна жизнь.

Не созерцать земную красоту —
Творить ее веселыми руками,
Вставая, как крестьянин, с петухами
И чувствуя удачу на лету.

Удача — по шнурку отбитый сруб,
Удача — след колечком реактивный.
И цеха молодого вздох бездымный,
Что человеку и природе люб.

С удачею не страшно умереть,
Ведь перед жизнью смерть — такая
малость.
И если уж об этой жизни петь,
То только так, чтоб песня не кончалась!

Владимир ЖУКОВ

ЕДВА В ЗАБВЕНЬЕ КАНЕТ ЭТО

И вновь как рана ножевая —
траншейка с глиной на стерне...
Не вспоминаю — проживаю,
зачем-то в кадрики сшиваю
все то,
        что было на войне.

Без огнестрельной этой травмы
теперь и дня мне не прожить...
Про кровью выжженные травы,
окопчики да переправы
давным-давно забыть пора бы
иль с кем-то память поделить!

Но как остаться без кювета,
укрывшего от артогня?
Без орденов и пистолета?
Без вечных дум?.. Без партбилета?
Без
    павших на высотках где-то?..

Едва в забвенье канет это —
не сыщешь лычки от меня.

Владимир ФИРСОВ

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Ни кола, ни двора и ни хаты —
Вся деревня под снегом живет.
Эти годы, что были когда-то,
Горечь детства забыть не дает.
Память вывернута наизнанку.
Проплывают далекие дни...
Припорошена снегом землянка,
Пухнут с голоду братья мои.
Нам бы хлеба и чуточку ласки,
Да онучи для новых лаптей!..
Заменяли нам ласку
Салазки,
Улетающие в метель.
Снежный ветер хлестал
по спинам.
Пели редкие петухи.
Заменила нам хлеб мякина,
Ну а сахар — льняные жмыхи.
Мы великих дел не вершили
И по трижды чужой вине,
Как солдаты,
В землянках жили,
Умирали,
Как на войне.
Я остался в живых
И смело
Говорю, что обязан жить:
Ведь в могилах заиндевелых
Восемь братьев моих лежит.
Не за них ли
Сейчас в наступленье
Мы идем по просторам весны,
Неизнеженное поколенье,
Поредевшее в годы войны?
Это мы отправляемся в небо
Сквозь созвездия млечной пурги,
Чтоб колосья тяжелого хлеба
Не топтали ничьи сапоги.

Наши руки, не зная покоя,
Рубят избы, возводят мосты,
Чтоб вставали сады над рекою
Небывалой еще красоты...
Будут дети отцами гордиться,
Будут знать их дела наизусть!..
Скоро сын у меня родится,
Если дочка — не огорчусь.
Им хорошую жизнь
по наследству
Я оставлю во имя любви,
Слыша голос далекого детства:
«Ты, братишка, за нас поживи!..»

Мамед ИСМАИЛ

* * *

Где-то есть село родное,
Материнские края.
С этой дальнею землею
Память связана моя.

Где-то там, на склоне горном,
Дом заброшенный стоит,
В доме пусто и просторно,
Дверь входная не скрипит.

Ключ потерян, темны стекла,
Потускнели зеркала.
Скатерть желтая поблекла,
Что не сняли со стола.

Где-то здесь душа в печали
Материнская живет,
Что меня из дальней дали
Еле слышимо зовет.

Бедный дом оставлен мною,
Дверь закрыта на замок...
Только с памятью живою
распрощаться я не смог.

Перевод с азербайджанского
Леонида Латынина

Владимир СОКОЛОВ

РОВЕСНИК

Испытание временем,
Испытание веком,
Испытание бременем
И родным человеком.
Испытание рифмами,
Бесконечно плохими.
Сухарем, логарифмами
Или двойкой по химии.
Испытание строчками,
Колдовавшими долго.
Испытание стройками —
Ангара или Волга.
Испытание заметью,
Где одно только средство —
Испытание памятью
Опаленного детства...
И довольно застенчивой,
Но весьма величавой —
Испытание женщиной,
Испытание славой.

Обязательно выдюжить
И порадовать вестью.
Обязательно выдержать,
Обязательно с честью.
И, живя перемеченным
Метой празднеств и бедствий,
Быть в душе — незамеченным,
Знаменитым, как в детстве.

Вадим
КУЗНЕЦОВ

* * *

Такая в жизни полоса,
опять такой расклад,
что только Серая Коса
вернет мне в душу лад.

Вернут сыпучие пески
орла тугой полет,
кривой залив да сосняки
уверенность вернет.

Мне опостылел мертвый жар
кричать и осуждать
и этот бег, как на пожар,
под страхом опоздать.

Я — сын березовых лесов,
спокойных скоростей,
глубоких рек,
негромких слов,
умеренных страстей.

Я не варяг,
чтоб жить круша.
Крушить — не мой удел.

Все строже требует душа
земных и зримых дел.
Пора пахать и боронить
отцовский мой надел.

Да, вышло время говорить,
настало время дел!..

Евгений
ЕФРЕМОВ

* * *

Я знаю — отчий дом не вечен,
Я сам построить должен новый дом
С широкою и доброй русской печью
И рубленым приветливым крыльцом.

Чтоб он стоял, прошитый теплой паклей,
Своей судьбой довольствуясь сполна,
Ничем не хуже юрты или сакли
И улыбался людям в три окна.

Высокий, чисто вымытый, веселый,
Зимой с дрожащим полымем огня.
Он должен быть просторным, словно школа,
И чуть похожим чем-то на меня.

А потому мне надо торопиться
И запасти и глины и сосны,
Потом достать досо́к на половицы
Положенной длины и ширины.

Нарезать брусьев прочных для порога,
Чтоб долго не стирался мой порог,
Чтоб от него прощальная дорога
Была короче всех других дорог.

Татьяна БЕК

* * *

Путь не стал половинчатым
И продлится несладко...
— Вот и счастье
за вычетом
Суеты и достатка!

Окунусь неприкаянно
В омут угольно-карий.
На стене у хозяина —
Карта двух полушарий.

И сама эта комната,
Удалившись от пира,
Точно карта,
приколота
К необъятности мира.

Тут не место бездушию.
Так что — будьте спокойны:
Не уйду, а дослушаю
Про невзгоды и войны.

— Я желаю, ровесники,
Чтобы вас полюбили
Не за легкие песенки,
А за трудные были!

...Расступается рощица
И глядит желудево:
Режу, точно закройщица,
Непокорное слово.

Глеб
ГОРБОВСКИЙ

* * *

Какая радость, что меня
опять услали в эти дали.
Мои костры хотят огня.
Леса — таинственнее стали.
Кружись метелью, голова,
покройтесь иглами, ручищи!
Мои смолистые слова
да будут яростней и чище!
Вспотею — лягу на ледник.
Замерзну — выстрою палаты.
Я не родился, я — возник,
как возникают снегопады,
пожары, ветры и грома...
С железной примесью ума.

СЫН РОССИИ

Если выстоять нужно,
как в окопе, в судьбе:
«У России есть Пушкин!» —
говорю я себе.
Чуть подтаяли силы,
не ропщу, не корю:
«Пушкин есть у России!» —
как молитву творю.
...Есть и правда и сила
на российской земле,
коль такие светила
загорались во мгле.

Виктор КОЧЕТКОВ

ЧИСТАЯ БИОГРАФИЯ

«А что у него за биография?»—
«Биография у него чистая».
(Из разговора)

Вот биография солдата,
Пускай в нее вглядятся те,
Кто сомневался хоть когда-то
В ее отменной чистоте.

Пусть бросят тешиться в придирках
И пятна всякие искать,
Когда увидят, в скольких стирках
Ей на войне пришлось бывать.

Не мылким мылом, по присловью,
Снабжал которым старшина,—
За Родину пролитой кровью
Ей возвращалась белизна.

Ядреный спирт солдатских чарок
Ее прочистил изнутри,
Ее хранили от помарок
Партийные секретари.

От ран смертельных угасала,
Как на крутом ветру костер.
И в медсанбатах воскресала
От милосердия сестер.

Ее на прочность испытали
Фашисты в мерзлых лагерях.
Ее заботливо латали
В прифронтовых госпиталях.

Солдатский долг исполнив свято,
Я утверждаю неспроста,
Что биография солдата,
Как слезы детские, чиста.

Михаил
ШАПОВАЛОВ

СОРЕВНОВАНИЯ

Я отстал...
И мои одногодки
Обогнали меня
без труда.
И летят их
крылатые лодки.
И поет
голубая
вода.

Самый первый
почти что
невидим,
Только парус наклонный
вдали,
Самый первый, испытанный лидер,—
Оторвался легко
от земли.

Ну а там,
за моею спиною,—
Оглянуться
нет сил
никаких! —
Свист и крики
над пестрой толпою
И укор
твоих глаз
молодых.

Первый круг мой
и вправду печален,
Но шепчу,
наклоняясь к рулю:
«Погоди,
это только начало.
Догоню...
Обойду...
Догоню...»

Как язычник,
                молящийся ветру,
Солнцу в небе,
                подводным богам,
Обретаю
                и ловкость, и веру,
Разрубая
                волну пополам!

Лев ДУБАЕВ

ВРЕМЯ

Дикий цокот подков...
Как торопится время!
Я ловлю его зов,
Я хватаюсь за стремя,
Эх, была не была!..
Пыль к дороге прибита.
Но лечу я с седла
Под глухие копыта.
Затянулась узда,
Как петля, на запястье —
Кто-то крикнул: «Беда!..»
Кто-то выдохнул: «Счастье!..»

Время в уши гудит,
Мол, пропащее дело...
Время с храпом летит,
Волоча мое тело.
Как мелькают копыта!
Отпущу — и конец.
Бьется в сини зенита
Золотой бубенец.
Кто-то прячет в ладони
Полный ужаса взгляд,
Дни, как быстрые кони,
Сквозь меня пролетят.

Только зря кто-то плачет
Над моею судьбой.
Помоги мне, удача,
Мы дружили с тобой!
Как торопится время!
Я дышу тяжело,
Я хватаюсь за стремя —
И взлетаю в седло.
Пыль горячая вьется,
Шар кружится земной,
И удача смеется
У меня за спиной.

Булат
ОКУДЖАВА

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ

Е. Евтушенко

Надежда, я вернусь тогда,
когда трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит
и острый локоть отведет.
Надежда, я останусь цел:
не для меня земля сырая,
а для меня — твои тревоги
и добрый мир твоих забот.

Но если целый век пройдет
и ты надеяться устанешь,
Надежда, если надо мною
смерть распахнет свои крыла,
ты прикажи, пускай тогда
трубач израненный привстанет,
чтобы последняя граната
меня прикончить не смогла.

Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое новое сраженье
ни покачнуло б шар земной,
я все равно паду на той,
на той далекой, на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной.

Виталий КОРЖИКОВ

ПРОЙДОХА

Пройдоха выбрался на свет,
Пройдоху чествует эпоха.
Ему с утра, в лицо и вслед,
С усмешкой цедят: «Ну, пройдоха!»
Глядишь — воспринял как елей:
Он балычок с собой прихватит,
Откроет дверку «Жигулей»,
Кивнет с улыбкой — и покатит.
И прямиком, открыто — в щель,
Вперед, с народом к общей цели:
Ведь там, где у народа — цель,
Пройдоха вынюхает щели.
Нырком — в народное добро,
С комфортом, словно на природу,
Летит, как в собственном метро,
Сквозь плоть, сквозь суть,
Сквозь дух народа.
Ему про совесть — в лоб, сполна,
А не в подкинутом конверте.
Смеется: «Совесть? Вот она!»
И тут же ключиком повертит.
И сам собой встает вопрос:
Да, все — свои, друзья, соседи.
Но вот: трудяга тянет воз,
А на возу — пройдоха едет.
И так, как будто не грешит,
Повсюду в собственном корыте:
Талант открытье совершит,
Пройдоха втиснется в открытье.
Талант — по улочке пешком,
Весь в размышленьях и вопросах,
А он, пройдоха, со смешком
Его обставит на колесах.

Таланту нужен камертон —
Он мысль гранит зимой и летом.
А у пройдохи — вот он, том
С его, пройдошкиным, портретом.

Он приглашения не ждет
Поспеть к торжественному буму:
Как свой, в президиум идет,
Глядишь, взбегает на трибуну.
И, все предвидя наперед,
Меж слов ухмылочкой ответит:
— Ну, братцы, что же? Чья берет?
Моя звезда, ребята, светит! —
И даст такого кругаля,
Что вздрогнет кое-кто на вздохе:
— Неужто матушка-земля
Вошла в созвездие пройдохи? —
И гаснет кое в ком огонь —
Настолько, бедненький, опешит,
Что жмет пройдохину ладонь
И сам в затылке вдруг почешет.
А у меня все тверже — нет!
А у меня все та же вера
В первопроходцев трудных лет,
И в комсомол, и в пионера.
Встаю наперекор хмырю,
Где он блаженствует и катит.
И — за грудки. И говорю:
— Попировал, однако. Хватит.—
Да, труден век, и жизнь — не мед,
Но там, где мы,— весомей чаша.
И на ухмылку «чья возьмет?»
Я твердо отвечаю:
— Наша!

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ?

Владимир КОСТРОВ

* * *

«И нет сего! И нет того!» —
Ворчишь сипя.
Кому ты жалуешься?
На кого?
Начни с себя.
Не вешай на других собак,
Корить забудь!
Сам трудишься ты кое-как
Да как-нибудь.
Ты свой хозяин и палач, себя кляни.
Сперва себя переиначь, перемени.
И, став другим, вокруг взгляни,
И, что не так,
Переиначь, перемени
И сделай Так!
А то, когда в последний путь
Уйдешь, чудак,
То, возложив венок на грудь,
Напишут так:
«Он жил, работал и любил
Все как-нибудь.
И даже умер кое-как.
Все кое-как!»
«И нет сего! И нет того!» —
Ворчишь сипя.
Кому ты жалуешься?
На кого?
Начни с себя!

Лев СМИРНОВ

ПРЯМОТА

Жила когда-то в мире прямота.
Она людей сближала и роднила.
Она рвалась, как пламя из горнила,
Из гордого языческого рта.

Ей поклонялись.
Солнцу одному
Так травы поклоняются, наверно.
И каждый мог легко, нелицемерно
Все высказать собрату своему.

Доверья дар неся в своей душе,
Не ловкостью, не дикой красотою —
Красив был предок детской прямотою
В любви, в охоте, в пляске, в дележе.

Все усложнилось в наши времена.
Но человек порой, как с немотою,
Столкнется с этой древней прямотою
И улыбнется:
— Где теперь она?

* * *

В древнем граде, среди бочек,
И рябин, и кирпичин,
Малый выбился росточек
Всему свету на почин.

Жизнь плелась, хромого вроде,
Ковыляла кое-как...
Человек при всем народе
Дураку сказал: «Дурак!»

Сразу птицы все запели,
Кран на стройке закряхтел,
Небеса поголубели,
Древний град помолодел.

А всего-то, малость вроде,
Сущий вроде бы пустяк:
Человек при всем народе
Дураку сказал: «Дурак!»

Георгий ЗАЙЦЕВ

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Прямая речь —
                    не столь пряма...
Как плод
          досужего ума
Она вдруг видоизменилась,
В наряды сказок
                    облачилась.
Размыты
          внятность и акценты,
И даже важные доценты
Уже неясно говорят —
Все помудрее норовят.
А ведь «прямая» —
                    значит прямо:
О драме —
          это, братья, драма,
О боли —
          это, братья, боль.
О моли —
          это просто моль!
Прямая речь —
                    планида честных,
Кто отзывается нелестно
О плуте,
          блуде
                    или воре.
Кто называет горем —
                    горе.
Прямая речь,
                    с тобой без страха
Ходили воины в атаку,
Сказав негромкое:
                    «Пора!»,
Исторгнув праведно
                    «ура!».
«Ура!» и впрямь —
                    прямая речь:
Оно, как пуля и картечь,

Врага неробкого пугало
И побеждать нам помогало.
Но мир становится другим:
Витиевато говорим,
Забыв,
что первому лицу
Прямая речь
всегда к лицу.
И не в грамматике суть дела,
А в прямоте,
с которой ты
Идешь до цели,
до предела
С прямою речью правоты.

* * *

Все в запустенье —
дом и огород,
И старый сад,
заросший лебедою.
А время резво катится вперед
И дни бегут привычной чередою.
О цепь необратимых перемен,
Когда движенье —
есть не что иное,
Как увяданье,
умиранье,
тлен
И даже запустение земное!
Была деревня.
Где оно теперь,
Месторожденье человечьих судеб?
Не крикнет кочет,
и не скрипнет дверь,
Вода колодца —
душу не остудит.
А кто-то,
здесь родившийся давно,
Тоской о доме переполнен отчем,
Но не приедет —
так вот, между прочим,
И — крутится судьбы веретено!
Живя вдали от отчего угла,
Теряет связь с истоками своими,
И застилает призрачная мгла
Родной деревни сказочное имя.

А в ней стоит высокая трава
И семь домов с холодными углами...
Очнись, Иван,
не помнящий родства,
И отчий угол воскреси делами!
Там глохнет сад.
Он беспризорен, тих,
Он умирает медленно —
печальный,
И сквозь него проходит
новый миг,
Увы,
совсем не бабкой повивальной!..

Александр НИКОЛАЕВ

НА ЗЛОБУ ДНЯ

С наивною чистосердечностью
ты упрекаешь, друг, меня,
что, не задумавшись над вечностью,
стихи пишу на злобу дня.

О вечных споров бесконечность!
Как знать, каким из наших дел
запрограммирована вечность,
каким — совсем иной удел?

Жизнь поворачивает круто
прямую линию дорог,
и входит в вечность та минута,
которой сам ты пренебрег.

По фронтовым дорогам оба
прошли мы не одну версту,
на злобу отвечая злобой
и добротой на доброту.

Солдат
поступком человечным,
ребенка спасший из огня,
вошел в историю навечно,
войдя в стихи на злобу дня.

Кому-то, может, видеть странно
на пьедестале у него
дитя из вражеского стана,
а не из дома своего.

Считая заповедь святою:
«Не озлобись, не очерствей!» —
ответил воин добротою
на злобу тех военных дней.

И если выглянет косая
ракетой в тысячи смертей,

мы преградим ей путь,
спасая
чужих и собственных детей.

Да будет мир тому свидетель.
А что касается меня,
я воспеваю добродетель,
когда пишу на злобу дня.

Как мысль во взгляде человека,
как солнце в капельке росы,
так в злобе дня
вся злоба века
в иные видится часы.

Михаил ДУДИН

МОЛОДОМУ МАСТЕРУ

Талант, отпущенный по смете,
Наполнить действием пора.
Все совершенное на свете
Изготовляют мастера.

Чтобы тебя не огорчала
Судьба несовершенных дел,—
Не вышло — начинай сначала,
Умри, но сделай, как хотел.

Проверь познания и чувства.
Отъедини от бреда явь.
И труд на уровень искусства
Рукою мастера поставь.

Смотри: выходит?! Не напрасно
За мыслью следует рука.
И все прекрасное прекрасно
Людскому братству на века.

Оно надеждой светит веку.
Над дикой страстью держит власть,
Не позволяя человеку
До грани варварства упасть.

Гляди вперед добрей и шире,
Переступи тоску и страх.
Все совершенство — в этом мире,
И мир стоит на мастерах.

Роберт ВИНОНЕН

ИМЯ ОТЦА И СЫНА

Даю тебе вечное имя,
Надежное имя — Иван.
Его нам ветвистая ива
Несла через белый туман.

Отцы приходили седыми —
От веку был воин Иван.
Мы войны отменим, но имя
Еще пригодится и вам.

Даю тебе Марью в подруги,
Даю вам студеной росы —
Цветите, не знайте разлуки,
Не знайте железной косы!

Беру от широт океана
И волю, и ветер, и вал:
Пускай окликают Ивана —
Не бойся, откликнись, Иван!

А если по щучьему слову
Не сыщешь веселых дорог,
Приди на могилу отцову,
Иванушка мой, дурачок.

Послушай, чего я зеленой
Травою тебе нашепчу:
— Цени дозволенье земное
Щекою прижаться к лучу!

Прими эти выси и дали,
Вершины, провалы, леса —
Твоя это радость, и даже
Беда не с чужого плеча.

Судьба нам кроится навырост,
Дознаться бы: что впереди?
В глаза мне песку понабилось,
Не вижу, но ты — погляди!

Александр МЕЖИРОВ

* * *

Строим, строим города
Сказочного роста.
А бывал ли ты когда
Человеком — просто?

Все долбим, долбим, долбим,
Сваи забиваем.
А бывал ли ты любим
И незабываем?..

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

* * *

Любите небо, мальчики,
Любите.
Летайте в нем
На зорких скоростях.
На всех высотах дерзких
И ветрах
Его небесной совестью
Дышите.

Любите небо, мальчики,
Любите.
Под ним живут
Отечества века.—
Помогут звезды вам
И облака
Сердца и крылья
Укрепить в зените.

Любите небо, мальчики,
Любите.
На нем теперь
Опасности печать:
Оно
Войны театром
Может стать,
Сквозным
Со всех сторон.
И на орбите...
Любите небо, мальчики,
Любите!..

РОДИНЕ

Мне твою любовь и человечность
При рожденье мать передала,
Я хочу, чтоб ты, как было вечно,
Положиться на меня могла.

Веришь ли, душа не оскудела
Силой,
Обретенной под огнем,
Пусть бы только сердце пламенело
Хоть бы стежкой в знамени твоем...

Олег ДМИТРИЕВ

О ДРУЖБЕ

Ты обними отца и мать
И обними опять,
Но все же друга обнимать —
Что небо обнимать!

Отец и мать — привычный круг,
Домашний скромный пир.
Но если в двери входит друг,
То бесконечен мир.

Ты обними отца и мать
И обними опять,
Но все же друга обнимать —
Что землю обнимать!

Отец и мать — твоя семья,
Уют, покой, приют.
Но если встретились друзья,
Им мало места тут.

Ты обними отца и мать
И обними опять,
Но все же друга обнимать —
Что горы обнимать!

Отца и матери права
От века над тобой.
Но входит друг — и синева
Сквозит над головой!

Натан
ЗЛОТНИКОВ

ЛЕТОПИСЕЦ

Зной отстал, бензин иссяк, и я был с теми,
Кто поднялся высоко на камни Греми *.

Прямо к небу шли ступени по спирали,
И не воины, их времена стирали.

И открылась взору разом вся долина,
Как старинная и славная былина.

Облака над ней парили и туманы,
Дальних птиц текли далеко караваны.

И за каждою правдивою строкою
Кровь текла у летописца под рукою.

Сколько сгинуло, забыто-позабыто!
Но ведь живы, к счастью, буквы алфавита.

Чередой идут без страха и без лени,
Словно к небу восходящие ступени.

Эту землю защитившая кольчуга
Сплетена из букв, держащихся друг друга.

А сводить их воедино был достоин
Лишь испытанный в сраженьях храбрый воин.

Летописец должен быть всегда бесстрашен
Перед крутизною лет, гордыней башен.

Перед смертною последней высотою,
Где сказанье дышит истиной простою.

---

* Греми — столица древней Кахетии.

Виктор ФЕДОТОВ

НИНА КУЗМИНА

В госпиталях нас впопыхах
лечили,
любовью торопливою
любили,
ждала нас очень длинная
война.
Прощай же, Нина
Кузмина.
В халате белом
госпитальный врач.
Ты оробела?
Если можешь,
плачь.
Что ж отвернулась,
потупив взгляд,
в плечах сутулость,
в сердце разлад.
А помнишь,
летом,
в тот чудный час
ты по паркету
пустилась в пляс.
Прошла по залу,
легко дробя,
и прошептала:
— Лишь для тебя.—
Я ж,
загипсованный,
как рыцарь в латах,
ушел свинцово
в свою палату.
Или ошибся
в стрельбе
германец,
мне тесно
в гипсе,
мне снится
танец.
А утром ранним

врач изумлен:
тяжелораненый —
и хоть на фронт.
Сухарь унылый
не мог учесть,
какие силы
у сердца есть.
Ждала нас длинная,
ждала война.
Прощай же, Нина
Кузмина.
В халате белом,
как первый снег.
Ты осмелела:
вот так, при всех
ты плачешь, плачешь,
ты плачешь, врач!
Враг мне заплатит
за этот плач.

Герман ФЛОРОВ

СЫН

Сын мой, мальчик светлолобый,
Будь правдив и смел.
Ты родился не для злобы,
А для добрых дел.

О тебе, в речной купели
Утопив печаль,
Под Москвой березы пели.
Под Рязанью — даль.

Ты заходишь прямо в песню.
Сын — душа моя,
Ведь тебя растила Пресня,
Пресня Красная.

В злую непогодь и ведро,
Чтобы ты окреп,
В закрома Отчизны щедро
Шел целинный хлеб.

На разлет светились прядки,
На разрыд — оркестр.
Пели детские площадки
Мне про твой отъезд.

Я в пучине строчек шаткой,
В карусели дел
Различал твою лошадку —
Поезд вдаль летел.

Он запрыгивал, как в сказке,
Через десять рек,
Освещал плотину в Братске,
Озарял Нурек.

Сын, тебя встречала школа,
Чтоб смотрел умней.
В зримом шаге комсомола —
Сила новых дней.

Край таежный. Вьюга шарит
В кладах золотых.
Мы с тобою отдышали
Краешек мечты.

В этом жадном океане
Жизней и планет
Никого тебя желанней
В целом свете нет.

Вестник счастья, правды вестник
В дальние края,
Ты заходишь прямо в песню,
Сын — душа моя.

Ирина ВОЛОБУЕВА

* * *

Ты знаешь эту речку необычную,
В которой слишком сглаженное дно?
Пожухли травы —
речке безразлично,
Темно ли в окнах —
речке все равно!

С ней вровень берега ее бескровные,
На них лежат бездумные пески.
Впадают в речку медленные, ровные,
Сговорчивые слишком ручейки.

Весна ее не делает безбрежною,
Морозы не заковывают в лед.
И нрав ее, такой уравновешенный,
Застойностью болотной отдает.

И пусть в тебе горят тревоги душные.
Пусть жажда сердце мучает века,
Не пей,
не пей из речки Равнодушия
Ни горстки,
ни полгорстки,
ни глотка!

Лев
СМИРНОВ

ВАСЯ

Машина мчит по новой трассе,
В кабине — Вася при руле.
За ветровым стеклом у Васи
Портрет, известный всей земле.

Прохожий, жмущийся к кюветам,
Наверно, силится понять:
Что хочет Вася тем портретом
Стране и времени сказать?

Понятно, Вася не философ,
Глотающий за томом том,
И в исторических вопросах
Он разбирается с трудом.

Он мчит по трассе без оглядки
В своей душевной простоте...
Но он тоскует о порядке
И о духовной чистоте.

Ах, Вася, Вася, друг прекрасный,
Своим гордящийся рулем,
Ты мчишься, Вася, новой трассой,
Совсем не ведая о том!

Марат
АКЧУРИН

НА РАСПУТЬЕ

В заботах о себе,
О доме и достатке
Забудешь о Судьбе,
С тебя и взятки гладки.
Покуда ты в другом
Соперничал с иными,
Глядишь, а за окном
Земля в осеннем дыме.
И уж не обессудь,
Что ночь твоя беззвездна,
Иди, ищи свой путь,
Ищи, пока не поздно.

Егор ИСАЕВ

УБИЛ ОХОТНИК ЖУРАВЛЯ

/Из поэмы/

* * *

Как эхо выстрела в поля,
За кругом круг:
— Убил охотник журавля! —
Разнесся слух.
— Убил!.. Убил!..—
                                        весь небосвод
Кричал о том.

А как убил, охотник тот
Уже потом
Все рассказал.
Он говорил
Не как всегда,
А все курил,
Курил,
Курил,
Как ждал суда.

В дыму повинные слова,
Картуз,
Пиджак...

Ведь надо ж так,
                                    Лексаныч, а?
Ведь надо ж так.
Убил!
За что, не знаю сам,
Сорвал с крыла.
А он и сердцу и глазам
Родней орла
И ближе памятью своей.
Не прав — поправь.

Артист, конечно, соловей.
А он, журавль,
Трубач!
Окликнет с высоты,
С макушки дня,—
И вдруг почудится, что ты
Свояк,
Родня
Всему, что есть.
И эта грусть
Не потому ль,
Что ты однажды
пал за Русь
От стрел,
От пуль
И вот опять поднялся вдруг
К труду,
К добру...

Ведь вот какая сила, друг,
В его «кру-кру».

* * *

А я ударил по нему.
Ведь надо ж так,—
Себе ж, выходит, самому
Первейший враг.
Навскид ударил,
Не с плеча,
А так — с руки.
Не понарошке,
Сгоряча
И все ж таки...
И все ж таки вот где-то тут
Болит с тех пор,
Как будто сам себя на суд,
Под приговор
Веду по совести своей
Один,
Молчком.
Веду...

А он, зеленый змий,
Бочком-бочком

Ко мне
И так вот на ушко́:
«Мужчиной будь.
Нашел по ком жалеть,
Сашко.
Заспи.
Забудь.
А коль заклинило —
расклинь
Тут, у стола,—
Налей давай и опрокинь
И все дела!
А гроши есть —
по новой вжарь:
Дымись,
Косей.
Ты царь, скажи, или не царь
Природы всей?
А раз уж царь, тогда являй
Себя всего.
Ну, снял,
Ну, срезал журавля.
И что с того?
Так есть,
Так было испокон.
Я в корень зрю.
Закон?
А что тебе закон?
Тебе?
Царю?
Счихнуть — и боле ничего,
Всем задом сесть...
Была б жратва и ряшка — во!
А совесть,
Честь
Тебе, царю, зачем, скажи?
На кой?
На что?
Ты лучше встань и закажи
Еще по сто...»

И так — ты веришь —
день за днем
В нутро мне лез,
Гноил меня гнилым огнем,
Как хворью лес.
Чуть оклемаешься.

«Пошли.—
Опять он тут.—
Жена?
Да ты ее пошли
Туда, в закут,
Как подобает мужику.
Тебе,
Главе.
Пошли, а сам
Кути, шикуй,
Ночуй в траве.

А с ночи встал —
опять налей
Не всклень, так взресь...»

И вот уж чую, на нуле
И сам я весь.
Шагнул в болото —
и не всплыл,
Завяз на дне...

* * *

...Все расскажу про ту беду,
Лексаныч-друг,
Да только дай переведу
Немного дух.
Дай, как малóму,
по складам
Собраться мне.

Уж год,
А я все в мыслях там,
В том самом дне,
Стою на вырубке —
продрог —
И впрямь как пень.
Добыча — тьфу! —
один чирок
За целый день.
Один чирок на целый лес
Еще с утра.
А день уже,
считай, что весь.

Домой пора.
Закат в дожде
все гас и гас —
Светил едва...
Я флягу с пояса —
И раз
Глотнул,
И два...
И телом слышу: потеплел.
Ожил казак.
И только это я успел,
Гляжу: косяк
Углом
И прямо на меня:
Куда?!
Назад!
Но где там.
Лес тому судья:
Хмельной азарт
Опередил рассудок мой
Путем ствола
И кучной дробью
по прямой
В излом угла,
В грудь головного
журавля
Ударил — ах! —
И словно с мачты корабля
Высокий флаг
Сорвал...
И стал я самому
Себе — не свой.
Двустволку бросил —
и к нему.
Гляжу: живой.
Живой!
Поднял его к плечу
И так вот с рук
Туда,
Назад отдать хочу:
Лети, мол, друг.
Такое, нет, не позабыть,
Дышу пока.
Хочу, как на печь,
подсадить
На облака.
— Ну, милый, ну...—
Я так, я сяк.—

Ну, серый, ну...—
И вот уж, вижу, сам косяк
Скрал вышину
И каруселью по кольцу
То вверх,
То вниз,—
И ветром крыльев
По лицу
Хлобысть,
Хлобысть.
За кругом круг
Все «кру» да «кру»,
Труба к трубе...

И стало мне уж вот как,
друг,
Не по себе.
Все трубы в крик один
слились,
В крик всей родни,—
Так жалковать умеют лишь
Одни они.
— Кру-кру!..
— Кру-кру!..—
над головой,—
Мороз в душе.

И я застыл,
как сам не свой.
А ночь уже.
Уже не видно птиц самих
Сквозь морок-мрак...
И тут — представь! —
он с рук моих,
Он —
Их вожак —
Раз протрубил,
Два протрубил
И в третий раз.
И до меня дошло:
То был
Сигнал,
Приказ
Лететь —
Держать все тот же курс
По той звезде,

И землю нашу,
Нашу Русь,
Всегда,
Везде
Любить —
В гостях ли, не в гостях —
И век,
И миг...

И не ослушался косяк —
Ушел,
Затих,
Истаял ветром вдалеке,
В дожде,
В ночи...

И вдруг я слышу: на руке
Оно стучит,
Сердечко пленное его,
Туда-сюда,
Как у внучонка моего,
Когда беда,
Когда ударит над избой
Нежданный гром...

И я, где чащей,
                    где тропой,
Бегом, бегом.
Как из огня с передовой,
Быстрей, быстрей,
И Нюрке — на руки его,
Как медсестре.
А сам была, мол, не была —
Ни врач,
Ни бог —
Обломок правого крыла
В обжим,
В лубок,
И на денник — подранка.
Там
Хоть — небосвод.
Насыпал проса к воротам,
Вдруг поклюет.
И лишь потом
                    уткнулся в сон,
Как в синь-туман...

* * *

А из тумана, вижу, он,
Мой брат Иван
Идет.
В петлицах — кубари
На голубом,
Идет, касается зари
Высоким лбом,
Как будто с неба,
где был сбит,
Из-за Днепра,
И прямо в сердце
мне глядит:
— Ты что же, брат,
В своих-то бьешь?
Нехорошо.
Ты что, фашист?..—
И отодвинулся, ушел,—
Высок,
Плечист.
Ушел посмертно молодой,
Во цвете лет...

А я — за ним.
Кричу: постой!
Во двор,
В рассвет.
Он — на денник, и я за ним.
Рад и не рад.
Гляжу, а он уж недвижим,
Мой журка-брат,
Лежит —
Крылами на восток —
Как в пепле весь...

Вот с той поры я не ходок
В тот самый лес.
Там суд идет.—
Он глянул вверх,
В пустую синь.
— Не царь природы
человек,
Не царь, а сын.

Владимир КАРПЕКО

ХАТА С КРАЮ

О как давно тебя я знаю
и неизменный принцип твой:
«Моя, мол, хата — хата с краю!
А все другое — трын-травой
пусть порастет...
                              О революции
ты мне толкуешь, о борьбе...
Во — глянь на пальцы: пальцы гнутся
не от себя, а все — к себе!»...

Да, ты любитель «хаты с краю»!
Но чтобы «хата» — в самый раз:
где электричество сияет,
где отопление и газ,

и чтобы «хата» — в сад фасадом,
чтоб «Жигуленок» под окном,
чтоб непременно были рядом
универмаг и гастроном!

Ты в этой «хате» на диване
с газетой свежею в руках
не смотришь, что, мол, там, в Ливане
иль на Фолклендских островах:

газеты первая страница
совсем не трогает тебя —
ты ищешь, где ж она, таблица,
пук облигаций теребя.

И что тебе тревоги наши,
и что тебе за мир борьба! —
Свою, мол, каждый варит кашу,
своя у каждого судьба...

Что ж, видно, на таких в расчете
заокеанский «режиссер»,

весь о «гуманности» в заботе
готовит атомный костер!

А ты живешь себе, не зная,
самовлюбленный «индивид»,
что, может, из-за «хаток с краю»
весь мир на краешке стоит!

Сергей
МНАЦАКАНЯН

* * *

Вечерней дохнёт резедой,
аукнется девичьим смехом...

Спасется ли мир красотой
иль станет безжизненным эхом?

Вопрос, поначалу простой,
становится истиной веской...

Спасется ли мир красотой? —
о том тосковал Достоевский.

Уйдет, как вода в решето,
оставив пустыню нагую?..

Спасется ли мир красотой?
Я тоже об этом тоскую...

Спасется ли мир от ракет,
от рева атóмного века?

Иль только пронзительный свет
останется от человека?

В житейской смурной суете,
в погоне за мясом и водкой,
а ты ей помог,
красоте,
в стремительной жизни короткой?

И сердце пронзает печаль,
что в жизни прекрасного мало,
и собственной участи жаль:
ей так красоты не хватало.

Распята она на кресте
трагических противоречий...

А ты ей помог,
                    красоте,
ты к ней устремился навстречу?

И в сумерках русских берез
начертан резною листвою
великий и вечный вопрос:
спасется ли мир красотою?

Спасется ли мир навсегда
иль в бездне обугленной канет?

...и манит впотьмах резеда,
и тайная истина ранит...

Евгений БЛАЖЕЕВСКИЙ

* * *

Дается с опозданьем часто,
С непоправимым иногда,
Кому — усадебный участок,
Кому — почетная звезда.

Воздастся с опозданьем вечным
Художнику за то, что он
Один в потоке бесконечном
Был для потомков почтальон.

Дается с опозданьем горьким
Сознание, что ты не смог
Сказать свое охрипшим горлом
И вырваться за рамки строк.

Воздастся с опозданьем страшным
За то, что бросил отчий дом
И, пусть небрежным, карандашным,
Родных не радовал письмом.

Дается, душу поражая,
Как ослепительная новь,
По-настоящему большая,
Но запоздалая любовь...

Лариса ТАРАКАНОВА

КНИЖНЫЙ РЫНОК

На книжном рынке что-то пустовато...
Куда девались Чехов и Толстой?
Твердят: в стране с бумагой плоховато.
С какой бумагой — «этой» или «той»?

На «этой» бодро пишут директивы,
Слагают речи, лозунги трубят.
...А продавщицам снятся детективы,
И Пушкин снится тысячам ребят.

Горою «та» гниет на чьем-то складе.
«Нет транспорта» и «Нет рабочих рук».
Спокойное начальство при окладе.
Да не на нем сомкнется вечный круг.

Нет Шолохова, Гоголя в помине.
Литература русская, прости.
Все не хватает мужества доныне
Иной порядок в деле завести.

Литература, певшая свободу,
Гореньем насыщавшая сердца,
Вернись, вернись, желанная, к народу.
Вернись ко всем — от старца до мальца.

Служи эпохе истово и пылко.
Тебе заминка в деле не страшна.
Как недоступной сделалась бутылка,
Так ты доступной сделаться должна.

Игорь
ШКЛЯРЕВСКИЙ

* * *

На Северокрымском канале,
где желтая грязь и вода,
гармоники глухо рыдали,—
случилась большая беда.
Накрапывал серенький дождик,
скрывая лихую судьбу,
а рыженький мертвый бетонщик
лежал в кумачовом гробу.
От СМУ до степного погоста
в толпе провожавших людей
лежал он спокойно и просто
и в серое небо глядел.
Начальник сказал: «Не увянут
цветы на могиле твоей,
и дни золотые настанут
для этих бесплодных степей».
А мертвый ему улыбался
и в серое небо глядел,
как будто со всем соглашался
и только добавить хотел,
что будут и дни золотые
и всякие там чудеса,
но списывать надо гнилые
и новые ставить леса.

Вадим КУЗНЕЦОВ

БАЛЛАДА О ШТОРМЕ

Четвертый день
ветра ревут.
Четвертый день
в бараке пьют.
Четвертый день
в «очко», в «хвосты»
играют пьяные хлюсты,
орут про Мурку от души,
чуть что —
берутся за ножи.
В поселке люди говорят:
— Опять сезонники бузят! —
Качают молча головой,
барак обходят стороной...

На пятый день пришла беда:
сорвало штормом невода.
И мы смотрели, как в туман
не ставники уносит —
план,
надежды наши,
нашу честь,
все,
чем полгода жили здесь...
От злости пухли желваки,
сжимались сами кулаки.
Гадали мы и так и сяк,
и кто-то вспомнил про барак.
Но там все речи нипочем,
сказали:
— К черту! Не пойдем!
/Ухмылки нагло затаив./
Пускай работает актив!

Мы рассуждали так и сяк.
Мы говорили про барак.
Мы знали:

надо к ним пойти
и к душам их найти пути,
чего б ни стоило...
Но как?!
Кто б смог из нас
поднять барак?
— Ну хватит, хлопцы.
Что за торг?
Я сам пойду,—
сказал парторг.

Он встал спокойно у двери,
он ничего не говорил.
Он не просил,
не звал он их,
но смолк барак,
барак затих.
Барак испуганно смотрел,
как шрам на шее багровел,
как тронул щеку нервный тик,
как головою он поник.
Он не ругался, не просил,
он был судьей,
и он судил.
Судил их шрамами, судьбой,
своею ранней сединой!
Судил от имени людей,
оставшихся среди полей,
сгоревших в пламени атак!..

...И разом опустел барак!

Пускай пройдет немало лет,
но я запомню тусклый свет,
запомню,
как издалека
по небу гнало облака,
как волны лезли на пески,
как приливала кровь в виски!
Запомню шторма гулкий бас,
как с ходу прыгали в баркас,
как весла гнулися в дугу,
как ждали нас на берегу!

Я не забуду никогда:
кипела черная вода,

волна хлестала в тонкий борт,
и забивало ветром рот!
И обжигала руки дель,
и улетучивался хмель,
и обретали души твердь,
когда в глаза смотрела смерть!

...Я не забуду ни за что
ни этот день,
ни этот шторм!..

Александр ТРОФИМОВ

РОДИНЕ

И вечной правдой остается,
И входит в бытие мое
Не тот, кто Родине клянется,
Что жить не может без нее,
А кто погибнуть может молча
В шестнадцать или в сорок пять
За молодые эти рощи,
За Красную святую площадь,
За революцию,
За мать!

* * *

Радость первого снега,
Ты открыта для всех.
Полюби человека,
Милый мой человек.

Мы давно уже знали —
Тише праздника нет.
И житейской печали
Меркнет режущий свет.

Остывают снежинки
На горячей руке.
Льда тончайшего жилки.
Тишина на Оке...

Счастье первого снега
С каждым разом светлей.
Полюби человека —
Сразу станешь сильней.

Владимир ШЛЁНСКИЙ

ВРЕМЯ

Мчатся секунды, минуты, часы
необратимо и строго.
Самые точные наши весы —
время, работа, дорога...
Время бесстрастно. Рассудит, как друг.
Бег его точен и резок.
Для человечества — вечности круг,
для человека — отрезок.
Не обмануть его, не удлинить —
честно осилить идущим.
Этот отрезок — незримая нить:
прошлое свяжет с грядущим...
Утром встаешь, на работу идешь —
строишь, рыбачишь иль сеешь.
Важно не то, сколько ты проживешь,—
сколько ты сделать успеешь.
В этом и есть наивысшая суть
жизни, не знающей тлена,
чтобы в глаза смог ты смело взглянуть
людям, пришедшим на смену.

Равиль
БУХАРАЕВ

ТАЕЖНЫЙ ВЕРТОГРАД

На Озере, в распадке,
без праздных дел и снов,
свой сад в большом порядке
содержит дед Мирнов.

Не упущу из вида,
что полстолетья тут
он по стопам Кандида
копает скальный грунт.

Здесь не было соседей.
Не выросло былья.
Он осенью медведей
гоняет от жилья.

Он вырубал террасы,
он камни корчевал.
Ходили дети в классы
почти за перевал.

Кормясь с одних рыбалок,
он выжил: сад возрос.
На лодках груды яблок
увозят через плес.

Припорошен порошей,
дождем в озерной мгле,
ликует сад, проросший
на каменной земле.

Дед не боится смерти,
хоть, не уважив труд,
его шальные дети
за Озером живут,
и он не хочет чуда,
и нынче как всегда

не переносит блуда
натужного труда.

Восходят вертограды.
Линяют миражи.
Настало время правды.
Остыло время лжи.

Николай ДМИТРИЕВ

* * *

Намекнул, что творит
                    для народа,
И к роялю подсел
                налегке.
В каждом жесте светилась порода,
Победительность — в каждом кивке.

Закричал о любви и печали
И ногою пристукивал
                    в такт.
И слова-то родные звучали,
Да расставлены как-то не так.

Чуткий флюгер на песенном рынке,
По земле не ходил он пешком,
Потому — и дожди, и рябинки
Ресторанным
            сквозили
                    душком.
Снисхожденьем, как дымкой, подернут,
Пояснил он среди тишины,
Что сегодня и песни-поденки,
Коль поются — народу нужны.

Так считал он, ревнитель культуры,
Но, шурша, подвернулся манжет,
И полезли купюры,
                купюры —
Как у фокусника, на свет.

Это все мне, наверно, казалось,
Но желал я, как ветра в толпе,
Чтоб рука его не прикасалась
К черно-белой звучащей тропе.

Ликовала в ухоженном теле
Трехгрошовая эта душа.
...В общем, клавиши зря загудели,
тишину золотую круша.

* * *

Для чего ты сосешь бормотуху
За ларьком, у наколотых дров?
Чтоб хватило присутствия духа
Наблюдать столкновенье миров?

Миллион поколений любили,
Чтоб возник ты на этом посту?
Миллион поколений лепили
Этот лобик в похмельном поту!

Чтоб таращились слепенько глазки,
Где двоятся любовь, ремесло,
И наука, и слово, и сказки,
И добро, и всемирное зло.

Я не знаю, какой ты породы,—
Может, с тайной своею бедой,
Но нельзя в эти четкие годы
Подзаборной цвести лебедой!

Столько грозного в днях торопливых!
Встань, о пропитых веснах скорбя,
Ведь рожден ты в стране справедливых —
Враг
    учитывает
                  и тебя.

Павел УЛЬЯШОВ

О МОЛЧАЩИХ

Молчат, молчат, как истуканы,
И рты и души затворив,
И вот уж бурею в стакане
Недавний кажется порыв.
Они сейчас вот отмолчатся,
Иль отмычатся, зло творя,
И — в окруженье домочадцев —
Вот там они поговорят!

А тут молчат, как в рот набравши
Воды
И души затворив,
Но будет нам, пожалуй, страшно,
Не дай им бог заговорить
Не по своей, конечно, воле.
Ты обижался, что молчат,
Ну что ж, ты можешь быть доволен,—
Путь в ад они тебе мостят...

Лев ОШАНИН

* * *

Старинные друзья по комсомолу!
В каком бы ни случилось быть краю,
Я по морщинкам радости веселым
Былых друзей тотчас же узнаю.
Тот — слесарек, теперь в директорах,
А тот — профессор, неучам на страх...
А тот — кузнец, всю жизнь в одном цеху,
Заданье дай — и подкует блоху.
А этот — мастер плавок небывалых,
Не говоря уже о генералах!
Что ж, возраст наш такой — ему пора,—
Директорский, полковничий, умелый.
А если ты не вышел в мастера,
Так что ж тогда ты четверть века делал?

Алексей МИШИН

* * *

И куда он подался, беспутный?
В нашем крае неплохо живут.
Уезжает мой друг
На попутной
«За туманом», как нынче поют.

Из транзистора
Песенки льются,
И бежит за верстою верста...
Друг мой, друг,
Не забудь оглянуться,—
За холмами — родные места.

Анатолий КУЗЬМИЧЕВСКИЙ

КОЧЕВАЯ ДЕРЕВНЯ

То змеей зеленой электричка,
То громами прогремит транзит.
Как когда-то к дедам нашим бричка,
Так они вошли теперь в наш быт.

Но когда на них смотрю с откоса —
Видится иное часто мне:
Под деревню подвели колеса,
Повезли мотором по стране.

Лишь одни старухи голосили,
Ухватясь за сломанный плетень.
Сколько их сегодня по России,
Этих безоградных деревень?

Много строек на бескрайней шири,
Что сидеть в бревенчатом дому?
Брата я нашел в глуби Сибири,
А сестру поближе чуть — в Крыму.

Натерпелись лиха под завязку,
Приживаясь в дальней стороне,
Веря, словно дети, в телесказку
О чудесной Мураве-стране.

А сойдет мираж телеэкрана,
И поймут — созреет голова,—
Как похожи стали на Ивана,
Что не помнит своего родства.

И сестра окликнет снова брата
Телеграммой с юга на восток.
Повернут колеса, как когда-то
Повернул Никита Моргунок.

Только запоздалых возвращений
Не приветят даже петухи.

И на месте их родной деревни —
То ли поле, то ли лопухи.

Ветры им бездомные просвищут,
Как скорбели матери их тут.
И быть может, только по кладбищу
И фундамент от села найдут.

Потому, завидев мощный трактор,
Я кричу сквозь грохот, что есть сил:
«Слушай-ка, мой друг-мелиоратор,
Кладбище плугами не снеси!»

Феликс ЧУЕВ

* * *

Будь достоин таланта —
он превыше наград,
за бесплатно, и ладно,
дан тебе наугад.
Усмехайся над славой,
улыбайся беде,
как собор пятиглавый,
не воспетый нигде.
Да пребудет с тобою
дымный берег труда.
Делай дело, какое
полюбил навсегда.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МЫСЛЯЩИЙ ПРОМЫШЛЕННИК

Мой портрет сегодня —
мыслящий промышленник.
У него боксерская скуловая мышца.
Его зубы крепки от строганины.
Он в речах не терпит
абстракционизма.

Ветер вырывает папки из-под мышек.
Мыслите,
мыслите
честно, без ботвы!
Есть борьба тяжелая
мыслящей промышленности
с легкою промышленностью болтовни.

Он сейчас мозгует,
нынешний промышленник,
чтоб в Париже газу русскому синеть,
в Орше и Камышине
чтобы не прошмыгивала
мимо покупателей
естественная снедь.

Мыслите о тайне синевы рублевской
и не забывайте, грезя о фиалках,
почему колготки
семирублевые
стоят ровно столько же,
сколько кофеварка?

Мыслящий промышленник
схож с Роденом.
Он завод колготок ставит на поток,
чтобы золотая
линия
одела
сто сорок миллионов ждущих ног.
Некая блюстительница
ухмыльнется колко,

но и ей зимою без них нельзя.
Нравственней гораздо
завод колготок,
чем о бабской доле абстрактная слеза!

Каждый ради ближнего
сделайте хоть что-нибудь!
Как ни манит в странствия Посейдон.
Нравственность абсурдна
без экономики
тем, кто еще в коммуналках
ютится по сей день.

Сделайте, сделайте,
сделайте хоть что-нибудь,
защитите реку и птичий крик!
Записал он реку на магнитофоне
и ночами слушает
«мыслящий тростник».

Когда утром ловит он «на мормышку»
или курит с северною одышкой —
красный с белым свитер горит широко,
как узор нарышкинского
барокко...

Но не так все просто под оболочкою.
В автокатастрофе потеряв жену,
он теперь пытается
одевать по-блоковски —
как жену — страну...

Обожаю Волгу под Перемышлем.
Реки — мысль природы,
не прервите мысль,
ход непостижимой пока промышленности,
производящей
загадку — жизнь...

Рад, что повстречал вас,
мыслящий промышленник.
Вы и отдыхаете под стать трудам.
Вы сейчас несетесь на водных лыжах,
словно пахарь,
реющий по водам.

Юрий
МЕЛЬНИКОВ

* * *

Пока он жив
и почестей достоин,
Пока крепит
Отечество свое.
Но будет день —
Уйдет последний воин
Далекой той войны
в небытие.

Вы, юные,
позиций не сдавайте,
Для вас он рвал
захватчиков кольцо...
Смотрите
И навек запоминайте
Живого победителя
лицо.

Геннадий
КРАСНИКОВ

* * *

Александру Стовбе,
погибшему при исполнении
интернационального долга

Кто скажет ныне:
«В мире тишина...»?
Быть может, как никто другой на свете,
ты знал,
что продолжается война
и, как бикфордов шнур, подожжена —
строка любая в утренней газете!

Ты знал,
что в мире нету тишины
и горе на земле не убывает...
И как-то мы иначе жить должны,
пока другие не защищены,
пока кого-то где-то убивают.

Быть может, как никто другой, ты знал,
какой врывался в душу ветер шквальный,
когда звучал «Интернационал»,
как будто бы в последний бой он звал —
исполнить долг
интернациональный!..

Ты оказался на передовой
одним из первых в нашем поколенье,
и первым ты пожертвовал собой,
но, к сожаленью, твой последний бой
в жестоком этом мире —
не последний!

Но ты своею смертью рассказал,
нас очищая от житейской прозы,
и почему встает огромный зал,
когда звучит «Интернационал»,
и в горле ком,
и подступают слезы!..

Тамара ПОНОМАРЕВА

ПЕСНЯ О МАТЕРИ

Не плачь надо мной в час гнетущий, моя Евдокия.
От сломанных крыльев полета сегодня не жди.
Сама отправляла меня ты в дороги такие:
Сулила метели, и каторжный зной, и дожди.

В скитаньях узнала тоску по родному порогу,
Вдали оценила я окон завьюженных свет.
Гляди, Евдокия! Дала ты мне щедро и много:
Высокую участь, и небо, и гром юных лет.

Всегда я спешила за молнией: так ты велела.
Узнай, Евдокия, и боль от потерь и обид.
О матерь моя! Как лицо твое смертное бело,
И свечка опять в изголовье звездою горит.

Доносит ночная тревога ко мне твои бденья.
Твоя беспредельная вера поднимет опять.
И встану я в рост!.. Спасибо тебе за терпенье,
Любовь — Евдокия, моя златовласая мать.

Антанас
ДРИЛИНГА

СОВЕТ

Дарите женщинам цветы
На день рожденья ли, весною,
По одному или копною —
Дарите женщинам цветы.

Благоуханные цветы
Угодны поводу любому.
В дом приходя, идя из дому,
Воздайте чувству красоты.

Дарите в сумерках и днем,
На площади и в коридоре.
Тех, с кем в любви или в раздоре,
Украсьте радужным огнем.

Когда у женщины тоска,
Она в свое уходит царство.
И тут беспомощны лекарства,
Но участь лилии близка.

И нужно так дарить цветы,
Такое в них вложить значенье,
Чтоб нежное сердцебиенье
Передавало их черты.

Средь бесконечной суеты
Я призываю вновь: вставайте!
Забыв себя, не забывайте,
Дарите женщинам цветы.

Перевод с литовского
Л. Таракановой

Александр ЛИВАНОВ

* * *

Брезентовый терем оставил он в семь,
Брезентовую
Натянул он спецовку.
Железным баском
Рельс пропел:
Всем!
Всем!
Начало работы!
Ждут трубы на бровке!

Вновь пламя взметнулось,
Вновь искры взвились —
Бьет молнией в цель
Острие электрода,
Метровыми жерлами
Трубы срослись,
И в даль устремилась
Плеть газопровода.

По древнему следу надменной орды,
По скиту, зачахшему в мрачном расколе,—
Где топи без суши,
Где сушь без воды,
Где труд —
Из огня,
Из железа,
Из воли!

А почерк у сварщика неповторим,
Прорабы
Надежные швы его знают,
И пять практикантов-стажеров
За ним
Упорно идут —
И почти поспевают!

Владимир САВЕЛЬЕВ

БАЛЛАДА О КОМСОМОЛЕ

Ты юн — и ты сильней, чем пули или холод.
Ты юн — и ты сильней, чем жажда или голод.
Ты юн — и ты готов родной покинуть город,
чтоб деревенский быт перетряхнуть до дна.
Хоть сед теперь, да чту такие дни и ночи я,
поскольку сквозь нее, сквозь суть мою рабочую,
как будто не со слов затертых, а воочию
мне сущность и других отчетливо видна.

Бывалые юнцы коней под Перекопом
под пули и шрапнель направили галопом,
привстав на стременах: навалимся, мол, скопом —
и в щепки разнесем оплот офицерья.
Вперед, мой комсомол! Вперед, лихой рубака!
Я много лет спустя родился, но, однако,
та давняя твоя, та конная атака —
она по всем статьям атака и моя.

Атака — не куда, мол, вывезет кривая,
не просто под свинец, не только лобовая,—
она из тех бойцов, ничуть не остывая,
продолжена во все слои добра и зла.
Мой комсомол — сама сверхистина во взорах,
рожденная подчас в непримиримых спорах.
Мой комсомол — отряд, сухим хранящий порох,
и жаркими — сердца, и дерзкими — дела.

Мой комсомол — народ державного замеса.
Мой комсомол — кружки всеобщего ликбеза.
Мой комсомол — бросок под выстрел из обреза.
Мой комсомол — зачин талантливой строки.
Мой комсомол — рывки товарного вагона.
Мой комсомол — штыки лихих отрядов ЧОНа.
Мой комсомол — деньки почти во время оно.
Мой комсомол — сейчас летящие деньки.

Я ощущаю гарь в церквах погасших свечек.
Я разделяю суть задиристых словечек.
Я вижу паранджу срывающих узбечек

и первый хлебный сноп, что в злобе подожжен.
По нраву мне порыв к учебе от попоек.
По духу жесткость общежитских коек,
тот личностный размах общесоюзных строек,
тот общекрасный цвет косынок и знамен.

И тот, конечно, гуд в столовках общепита,
готовых сей же день решить проблему быта,
какая по сей день страною не избыта...
Но — песни до сердец. Но — домны до небес.
Но — по боку все то, что griднично и скупо.
Но — звание дворца любому зданью клуба.
Но — вон ведь как ревет, оскалясь белозубо,
у мира на виду плотина Днепрогэс.

Мой комсомол — задор чумазых трактористов.
Мой комсомол — фольклор чубатых гармонистов.
Мой комсомол — воспета дружба трех танкистов.
Мой комсомол — над тундрою аэроплан.
Мой комсомол — стихий и планов совмещенье.
Мой комсомол — к большой культуре приобщенье.
Мой комсомол — больших боев предощущенье.
Мой комсомол — бои у озера Хасан.

Хасан и Халхингол. Карельский и Гренада.
Ползущий человек. Летящая граната.
А вскоре грянул год — он старших влек куда-то
от пашен и холстов, от мастерков и книг.
Точней, туда, где кровь и огненные вспышки.
А следом, ни на миг не зная передышки,
четырнадцати лет девчонки и мальчишки
рвались тогда на фронт из далей тыловых.

В траншее под огнем излишни все вопросы.
Тебе, мой комсомол, любовь без всякой позы
выплачивать могла положенные взносы
и кровью молодой, и жизнью в трудный час.
Могла — мы и теперь на них не скуповаты,
тебе, мой комсомол, под давние раскаты
все снятся по ночам безусые комбаты,
под пули в полный рост встававшие не раз.

Мой комсомол — во тьме за «языком» охота.
Мой комсомол — морская (помните?) пехота.
Мой комсомол — бросок на амбразуру дзота.
Мой комсомол — бросок десанта на причал.
Мой комсомол — любой натуры становленье.
Мой комсомол — войны стальное поколенье.

Мой комсомол — сердец победных обновленье.
Мой комсомол — мое начало всех начал.

Начало, в коем я мужал не одиночкой,
не в тайне от других, не с нудной проволочкой.
Начало это мне служило верной точкой
отсчета слов и дел в слесарной мастерской.
С него дорогу я сыщу по бездорожью.
С него ко мне и в плоть и в кровь, воюя с ложью,
вошла любовь к земле моей, к Поволжью,
к свободе и к одной девчонке заводской.

Мой комсомол! Склонясь над вузовской тетрадкой,
наследница моя поигрывает прядкой.
В раздумье я слежу за дочерью украдкой
или за мной следит с усмешкою она?
Ну что ж, и мы подчас лукавы были тоже.
С тревогою такой, что вроде дрожь по коже,
прислушиваюсь я к гитарам молодежи:
а вдруг, мол, юность мной истрачена сполна?

Мой комсомол — мои и твердость и метания.
Мой комсомол — мои далекие свидания.
Мой комсомол — любовь берет свое, как ранее.
Мой комсомол — она тобою высока.
Мой комсомол — тобой пути ее богаты.
Мой комсомол — лишь в ней и проявлял себя ты.
Мой комсомол — любви былые дни и даты.
Мой комсомол — ее грядущие века.

Инна
КАШЕЖЕВА

РАЗГОВОР О ДОБРОТЕ

Неласково солнце прищурено,—
как будто бы смотрит вражда...
Ответьте мне, доктор Качурина,
какая она, доброта?
Что в сути ее и в характере,
хочу я понять до конца.
Она — всепрощение матери,
а может быть, строгость отца?

Когда вы мой смех починяете —
такое вам право дано,
когда вы мне боль причиняете,
вы тоже творите добро?

Сожму ли я пальцы,
                    кричу ли я,
как всякий живой пациент,
ответьте мне, доктор Качурина,
добры ли вы в этот момент?

Вы правы ль, бросая бездонному
обычаю наши дары,
легко говоря постороннему
близкое «будьте добры...»?
Овеянный ливневым лепетом,
поднял в небеса пистолет
взбешенный до бледности Лермонтов
во имя добра или нет?

Добро... доброта... добронравие...
Ах, кругом идет голова!
Писать надо каждому набело
великие эти слова.

Нас ею, как оспой, пометила
с рождения самого мать...
Она как любовь. Как поэзия.
Нельзя объяснить и понять.

Борис СЛУЦКИЙ

БЫТЬ ХОРОШИМ ТОВАРИЩЕМ

Это все отпадает — талант и удача,
величавое выраженье лица.
Остается одна небольшая задача:
быть хорошим товарищем.
До конца.

Производство на пенсию отпустило.
Руководство ошибки охотно простило.
Ни обязанности,
ни привязанности
не имеют былой неотвязности.
Но какими удачами ни отоваришься,
как устроиться ни сумеешь в судьбе,—
то по школе товарищи,
то по фронту товарищи
временами напомнят тебе о себе.

По какому-то праву бессрочному правы,
то ли помощи требуя,
то ли любви,
школьников
выплывают из Леты
оравы
и настойчиво требуют: «Позови!»
Не забудь!
Они требуют,
и не забудешь,
если только хорошим товарищем будешь.

Игорь КРОХИН

НА БУРОВОЙ

Вышкомонтажнику
А. А. Бабларьяну

Умыться б нефтью
И на фотоснимке
Запечатлеться:
В тундре — не в Москве!
А нефти нет!
Болото тонет в дымке,
Зудит комар, запутавшись в траве.
От комарья спасенья никакого —
Особенно свирепо к новичку.
Ждем одного-единственного слова,
А нефти нет!
Вся вахта начеку.
И вот когда уже совсем не ждали
И побрели садиться в вертолет,—
На буровой, как черти, заорали:
— Айда сюда!
— Ребята!
— Нефть идет!..—
Она рванулась,
Но крепки задвижки
И трубы задрожавшие крепки.
И не было фонтана выше вышки —
И не умылись нефтью новички.
Радист стучит о завершенье плана.
Огнем горят искусанные лбы.
Так буднично и некиноэкранно!
А нефть гудела в корпусе трубы.
И никакой романтики, представьте,
Экзотики, представьте, никакой.
Балки́ жилые.
Вертолет на старте.
Обычный день обычной буровой,
Каких немало по приобской тундре,
Шагающих сквозь карликовый лес.
Умыться б нефтью!
И поверить трудно,
Чтоб Север обходился без чудес.

Юрий ПОРОЙКОВ

* * *

И ты поверил в то,
Что не успел?
Не изменить уже того,
Что стало?
Ты разгляди
Возможного предел.
А после —
Невозможного начало.
Пусть утверждают —
Заколдован круг:
Как ни ходи —
Исход давно известен.
А ты шагни.
Через «авось» и «вдруг».
Везет не тем,
Кто топчется на месте.
Пока он есть —
Единственный твой шанс.
Пускай последний даже —
Эка штука!
Ты лишь шагни.
Что из того, что шаг
Всего один?
Ты вырвался из круга.
По крайней мере, сделал,
Что хотел.
Но этого, увы,
Чертовски мало!
Да, ты узнал
Возможного предел,
Но где же
Невозможного начало?

Александр ЧЕЛНОКОВ

* * *

Себя не разбазаривай
И не ходи туда,
Где отсветы от зарева
Пьет мертвая вода.
Сам будь веселым пламенем
И золотым теплом,
Колдуй над сердцем каменным,
Бери его в полон,
Чтоб видело незрячее
И не было глухим,
Чтоб стало леденящее
Горячим и живым.

Александр ЩУПЛОВ

ХОЛУЙЧИК

Из цикла «МОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО». Тюменская тетрадь

Зам по снабженью Тюлькин был холуйчик,
пронырливый и вечно занятой.
Из пиджака в шерстиночках колючих
торчала лапка ручки золотой.

Осенний ветер подлетал к окошку,
и пах консервный яблочный компот.
— Семен Кузьмич, извольте курью ножку,—
врывался Тюлькин в шефский анекдот.

— Семен Кузьмич, у вас глаза в печали!
Семен Кузьмич, вам хочется стихов?..—
А мы молчали, черт возьми, молчали,
семь здоровенных русских мужиков.

Нам было шибко муторно и стыдно,
и ныла совесть, душу теребя.
Но в животах борщишко булькал сытно,
и мы стыдились как-то про себя.

Мы подливали черный чай друг другу,
и речь о жизни шла без дураков.
Холуйство, как змея, ползло по кругу,
обвив поэтов и буровиков.

...Семен Кузьмич, ты башковитый дядька.
Твой трест с квартальной премией знаком.
Вот если бы под зад сумел ты дать-ка
холуйчику болотным сапогом.

Авторитет в народе поднимает
не вовремя зажженный огонек.
Народ, Семен Кузьмич, он понимает,
что ты, Семен Кузьмич, понять не смог.

Авторитетны мудрость и смекалка.
Авторитетна скромность Ильича.
Авторитет, который из-под палки,
трухляв — как пережженность кирпича!

История страны — такая повесть,
что пишется без ложных дешевизн.
И в ней всегда авторитетна совесть!
И в ней всегда авторитетна жизнь!

Евгений НЕФЕДОВ

К ВОПРОСУ О ВОПРОСАХ

Он обычно
выслушивает всерьез,
понимающим смотрит
взором
И роняет важно:
«Решим вопрос!»
Мол, какие тут разговоры...

Я по этой фразе
его везде
опознаю, как по примете,—
и среди людей,
и в текучке дел,
на трибуне
и в кабинете.

Он порой до каких-то
высот дорос,
а порой — молодой
и ранний,
но усвоил твердо:
«Решим вопрос» —
Очень много в себя
вбирает...

Можно запросто что-то
пообещать,
дать гарантию бодро можно,
слишком сложное
можно поупрощать,
А простое — представить
сложным.

С этой формулой он
от забот спасен,
всем сомнениям
с нею — точка.
Никаких проблем:
произнес — и все.

Будто слово дает
в рассрочку...

Ни отказа нет,
ни надежд на спрос,
лишь готовности бравой —
поза.
«Я хотел бы только...» —
«Решим вопрос!»
«Нам бы надо...» — «Решим
вопросы!»

Подожди,
«решающий» на словах!
Прыть твоя
нам уже мешает.
Время требует точности:
кто и как,
что конкретно
сейчас решает?

Ты готов ответить?
Страна спешит,
усложняя свои задачи.
Что ты
сам
решил и готов решить —
ты решишься ли
обозначить?

Подгоняет нас
непростейший век.
Быть ответственным —
так непросто:
Не «решать вопрос»,
а держать ответ —
Вот решение
всех вопросов.

Кирилл
КОВАЛЬДЖИ

ЖАЖДА

Настоящее дело! —
Под вечер вернешься усталым,
А тебя нетерпенье
торопит, как перед началом.
Ты забудешься сном, полусном,
на часок — и довольно,
А решенье во сне
озаряется вдруг своевольно.
Пробуждение — радость:
откуда она и какая?
То работа тебя
держит за руку, не отпуская,
И зовет: повезет,
потрудись воплотить, воплотиться,
Все теперь за тебя —
и друзья, и деревья, и птицы,
Надо в гору идти
до конца, до последнего пота,
Чтобы там, впереди,
обрести ощущенье полета...

Расул ГАМЗАТОВ

МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Могу я быть наставником едва ли,
Но ты запомни, молодой поэт:
Стихи — птенцы веселья и печали —
Без боли не рождаются на свет.

Поешь хвалу, бросаешь ли проклятья,
В стихах, как в жизни, будь самим собой,
Не забывай, что свадебное платье
И белый саван шьют одной иглой.

Пиши о счастье, так пиши, чтоб горя
Сторонкой сердце вдруг не обошло.
Рождают реку, что питает море,
Холодный снег и вешнее тепло.

Воспой любовь, воспой строкой крылатой.
Но только, друг мой, помни наперед,
Что в сердце настоящего солдата
С любовью рядом ненависть живет.

Не заставляй перо быть торопливым,
Пусть выдержкой прославится оно.
Кто тянет руки к несозревшим сливам?
Кто пьет недобродившее вино?

Ты будь как тот охотник беспокойный,
Что пропадает сутками в лесу,
Чтобы добыть не зайца в чаще хвойной,
А черно-серебристую лису.

Перевод с аварского
Я. Козловского

Сергей ПОЛИКАРПОВ

* * *

Свежую зарубку верстовую
Под метельный высекаю звон,
Вышел на последнюю прямую,
Силы и терпение — на кон!

Жизнь — не скатерть,
Ям и перебоин
Было в ней и есть —
Хоть отбавляй!
По судьбе
Один я в поле воин:
Сам ставь цель
И путь к ней пролагай.

Век недолог,
Каждый миг в нем дорог,
Пуще — на вершительной
Прямой! —
Бейся, чтоб не меркнул
звездный полог.
Даже будь он перекрыт землей.

Бейся!
Силы и терпенье — на кон!
Для кого вне жизни их блюсти?..
Человечность —
Мера цели всякой
И мерило всякого пути.

* * *

Не все, что возрастом старо,
Старо по духу:
Творя добро,
Твори добро —
Не показуху!

Да будет дедовский устав
Для нас не вчуже:
Побольше сделать возмечтав —
Не сделай хуже!

Во имя большего числа
Не сделай плоше...
Была исконно тяжела
Сей правды ноша.

В тебя врезается остро
Она от века...
Творя добро,
Творить добро —
Честь человека!

Петр КОШЕЛЬ

ЗАБОТА

Поколеблется малость и пишет,
что-то шепчет и машет рукой,
как прилежно и бережно дышит
над удачно возникшей строкой...

Спит село. Припадая на лапах,
лишь метель заворчит у стены.
Синий свет электрической лампы
он газеткой прикрыл от жены.

Преисполнен огня и бунтарства,
подымает себя над собой.
«Размышления о государстве»
на тетрадке написано той.

Он философ! Радетель за правду!
Как пылает натруженный ум!
Все до точки доверил трактату,
все величье возвышенных дум.

Представляет ночною порою,
как закончит, отложит перо
и пошлет заказной бандеролью,
да не в область, а в Политбюро.

«Пишет вам неизвестный учитель
из деревни Великая Грязь.
Вы тетрадочку эту прочтите,
очень много там пользы для нас».

Ах как станут они удивляться,
за тетрадочку эту берясь.
— Ну-ка, вызвать товарища, братцы,
из деревни Великая Грязь.

Стол накроют. Заморские яства.
Будут пить и слова говорить.
Реконструкцию государства,
с ним советуясь, проводить.

Сколько их по России, безвестных,
размышляющих по ночам
об общественных интересах,
перечитывающих Ильича.

Так поклонимся думе народной,
потому-то, быть может, сильны,
что единой великой заботой
наши души соединены.

Александр РУДЕНКО

* * *

Пусть
    судьба в черном теле держала,
Унижала,
        смиряла подчас,—
Независимая держава
Есть
    в груди у любого из нас!

Велики ли,
        малы ли границы,—
Но внимание обрати:
К ним
    с насилием не подступиться,
Их непрошено не перейти...

Потому и закон непреложен:
С другом встретился
            или с врагом,—
Территорию эту
        ты должен
Уважать в человеке другом!

Михаил
ДУДИН

Из цикла «ЗАПИСИ НА ПАМЯТЬ»

И я, как все, возмездья не избег.
Данте

Еще одно напоминание

Мир от тревоги сир и сер,
Тяжел, как плаха.
И держит в мире мир барьер
Слепого страха.

Будь жизни часовым! Замри
На том барьере.
Война — проклятие земли
Стоит у двери.

Стихи перед зеркалом

Безумен мир или спокоен —
В миру, как в собственном дому,
Ты жить по вольной воле волен,
Не подчиняясь никому.

Ты волен в горький миг соблазна
Не отличить от меда яд,
Идти по миру сообразно
Туда, куда глаза глядят.

Ты волен песни вольной волей
Весь мир на смертный вызвать бой.
И защитить его от болей
Своею собственной судьбой.

Василий
КАЗАНЦЕВ

* * *

Время быстрые стрелки торопит.
Солнце в небе — как уголь в золе.
Ты лежишь неподвижно в окопе.
Ты лежишь неподвижно в земле.

Танк идет — огнедышащим взглядом
Предвещая стальную метель.
Ствол его наступательно задран.
Он нацелен — на дальнюю цель.

Танк окрестность оглохшую будит,
Землю твердым железом скребя.
Бить огнем по тебе он не будет.
Он раздавит, разъедет тебя.

Ты последние метры сверяешь.
Устремленные траки гремят.
Ты опять на груди поправляешь
Неудобную связку гранат.

Ты далекого взгляда не помнишь.
Ты не видишь холодного дня.
Ты на танк наползающий смотришь.
И от взгляда пылает броня.

Владимир
АНДРЕЕВ

* * *

Трепещет рассвет
у степного лица,
Как неокрепшие крылья птенца.
И вылетит грач,
И вынесет грязь,

И пахарь пойдет бороздой,
наклонясь,
По медленным жилам
оживших ветров
Грянет степная,
огромная кровь.

Сошник прогибается
в дюжих руках.
Пот разъедает
холстину рубах.
Я слышу тяжелую поступь отца,
Идет он
и пот не стирает с лица.

Зачем же, отец,
не стирал ты свой пот?
Наверно, ты знал,
что он в землю уйдет.
Сквозь землю,
сквозь кожу
прошел он,
сквозь тьму
И, вскрикнув, бежит по лицу моему...

Лев ДУБАЕВ

* * *

Не вдруг распахнется душа.
Но если она распахнется —
То, древнею силой дыша,
Вселенская бездна очнется.

Рубаху рванет на груди,
А там, под рубахой,— стихия.
И если ты друг, то гляди,
Какая душа у России!

Там колокол синего дня
И солнце с востока — на запад,
Березовый свет у плетня
И хлеба горячего запах.

Не всякий проникнет до дна.
Иному покажется странно,
Что синяя глаз глубина
Качнется, как глубь океана.

Слеза — превратится в росу,
Вдова — превратится в березу...
И чаша замрет на весу,
Заслышав тревожные грозы.

И высветит молния дом,
Дорогу и дымное небо
И чьих-то детей за столом
Над долей солдатского хлеба.

По тропам заросшим пройди,
Где пепел и раны земные.
Не робок — так в душу гляди,
Коль хочешь постигнуть Россию.

За песней откроется высь
И даль удалого веселья.
Но если ты враг — берегись,
Она обернется метелью.

И ты не увидишь ни зги
И сгинешь в пространстве, как ветер,
Растают в сугробах шаги
И голос в туманном рассвете.

И ты — ничего не поймешь,
Себя не поймешь и России,—
Останется зыбкая дрожь
Глядящей на звезды осины.

Россия — не только земля,
Березы и синие реки,
Россия не только поля,
Россия — живет в человеке.

Взгляни ты березам в лицо,
Водой ключевою умойся,
Распахнута дверь на крыльцо,
Входи, если друг,— и не бойся.

Татьяна МАКСИМЕНКО

ДОМ РЕБЕНКА

Имя даст ребенку медсестра:
Катя — тихий плач и лепетанье...
Но на всех ли хватит состраданья,
Вон их сколько голосит с утра!
С каждым годом больше,
                    больше,
                        больше —
Мать-студентка, мать-подросток, мать...
С каждым годом горше,
                    горше,
                        горше —
Мать ребенка не желает знать!
Горько!
Дочь кричит до посиненья,
Тянет ручки слабые ко всем.
Сколько ей, пять месяцев?
                    С рожденья
Белый свет к ребенку глух и нем.
Нет, не глух!
            Несут в часы кормленья
Нянечки усталые кефир,
Крикунов сажают на колени
И в окно показывают мир.
Нежно вслух жалея негритенка,
К батарее лепят ползунки...
Детям снятся мама и Буренка,
Одеяло, если сквозняки,
И улыбка, если утро хмуро,
Лето, если снег и снег у глаз.
Боже мой, какие же мы дуры,
Если есть кукушки среди нас!
Государство кормит, одевает,
Да, конечно, Родина им — мать.
Только снится грешная, живая,
Снится та, которой наплевать
На глаза и на судьбу ребенка,
И на совесть — тоже наплевать!
Ну-ка, ветер, свистни ей вдогонку,
Хватит правду от людей скрывать.

Оглянитесь, люди, оглянитесь,
Нет войны — она давно прошла.
Над продрогшим малышом склонитесь,
Где же мать, что жизнь ему дала?
Как она вздыхает облегченно:
С плеч гора, что было —
то прошло!
А ребенок смотрит обреченно
В мир, где есть добро,
но есть и зло,
Где в тоске сиротства
Дом ребенка
«Ма-ма» произносит по слогам,
Где звучит так жалобно,
так тонко
Плач вослед ускоренным шагам.

Николай
НОВИКОВ

* * *

Ничего не откладывай —
Жизнь коротка.
Ты наивно считал,
Что она — как река,
А она, как ручей
После таянья льдов,—
Протечет, не оставив следов.
Не откладывай —
Другу помочь поспеши,
Не обкрадывай душу —
Лишишься души,
Пусть в расчете с мерзавцем
Не дрогнет рука,
Не откладывай —
Жизнь коротка.
Не успел, не сумел...
Ну а вдруг — навсегда?
Оглянулся — в потоке
Другая вода.
Жизнь, считал ты наивно,
Продлится века,
Не откладывай —
Жизнь коротка.

Юлия
ДРУНИНА

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Бывают такие секунды,
Когда, как на фронте,
В бою,
Ты должен подняться,
Хоть трудно
Покинуть траншею свою.
Хотя отсидеться бы проще —
Никто ведь не гонит вперед...
Но гордость солдатская ропщет,
Но совесть
Мне жить не дает.
Но сердце
Забыть не сумело —
Бесчестие
Хуже, чем смерть.
На бруствер
За правое дело
И страшно,
И сладко взлететь!
Отчаянно, бережно, чисто
Люблю я
Отчизну свою.
Считаю себя
Коммунистом,
Хоть в партии
Не состою.

КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?

Юрий
ПАРКАЕВ

МЫ ГОЛОСУЕМ

Да,
время воздержавшихся прошло.
Грохочет зал.
Он раскален,
как противень,
и в яростном скрещенье «за»
и «против»
ряды кипят восторженно
и зло.

Мы голосуем.
Мы идем на приступ,
осознавая,
что такое МЫ.
А ты...
Твое молчание
не принцип,
а призрак,
появившийся из тьмы.

Ты,
спрятавшись за океаном рук,
прикидываешь мысленно:
а вдруг...
Все видится тебе в неясном свете,
сидишь,
не поднимая головы:
а может быть, не те правы,
а эти?
Или ни те, ни эти
не правы?

Таких, как ты,
в застенках не пытали,
поскольку ничего к ним не питали,
и жгли железом спины и глаза
тем,
кто вставали «против»
или «за».

Сидишь в углу,
осунувшийся, сжавшийся,
и я,
как будто сбрасывая груз,
ору:
— Какой ты, к черту,
воздержавшийся?!
Ты — трус!..

Юнна МОРИЦ

ЕСЛИ КАЖДЫЙ

Знаешь и сам, что жить ни к чему —
Только ради, во имя и для!
Если твой шрам приложить к моему —
Выйдет одна петля!
Ради, во имя и для
Чего —
Дышим, едим и пьем?
Если каждый в стену упрет чело —
Мы эту стену пробьем!
Ради, во имя и для
Кого —
Корень корчуем зла?
Если каждый по разу копнет его —
Будет земля цела!

Но если каждый по разу
Своим враньем
Подлый удобрит путь —
Все мы друг к другу в огне прильнем —
Грудь в грудь,
Все мы в обнимку сгорим живьем,
Выпрыгнув из окна,
Но вместе с нами сгорит огнем
Не пробитая лбом стена,
И корень зла, и подлый путь,
И скопище темных дел.
И останется пепел, который пил,
И пепел, который ел!
И в пепел стены уперев чело,
Мы уже ничего не пробьем —
Потому что нельзя пробить ничего
Испепеленным лбом!

Александр МИЛАНОВ

ХОДОКИ

Когда, подверженный сомнениям,
Я сам с собою не в ладу,
Когда невмоготу,
                я к Ленину
На площадь Красную иду.
Ее торжественность святая
Не одного меня влечет:
Здесь,
        суеты не замечая,
Спокойно очередь течет.
Не отступая перед временем,
Течет поток людской реки.
Пока живем —
                идем мы к Ленину.
Пока мы есть —
                мы ходоки.

Александр ЩУПЛОВ

* * *

Не верьте в исключительность свою.
Людей на свете нет незаменимых.
И пуля, пролетевшая в бою,
не делит на простых и знаменитых.

Замерзшие от жутких холодин,
занявшие полвыси и полсуши,
для ящерок — мы в небе, как один,
для птиц — мы одинаково ползучи.

И то, что воспареньями сердец
судьба из нас кого-то наделяет —
сродни неделе, прожитой к среде,
и снегу, что земли не обеляет.

Так впустим же в морщинистые лбы
прекрасную свою обыкновенность,
остановив мгновения судьбы
и в страхе разглядев ее мгновенность!

* * *

Не ищу себе новых врагов и друзей.
Нету в письмах тщеславья нажима.
И о первой любви вспоминаю нежней,
чем того ее боль заслужила.

Словно швед под Полтавою, гонор разбит
и бежит, спрятав юный затылок.
Сердце в памяти носит две-три из обид,
а про все остальное забыло.

И должно быть, назло бескорыстью страстей
стал любить всей душой по расчету:
за бессмертие, счастье и нежность — детей,
и за славу и деньги — работу.

И разлуку: не стала бессоньем и сном.
И потерю: не долго болелось.
Как из фотобумаги под крупным зерном,
из зрачков надвигается зрелость.

Мы промоем рассветами краешки глаз
и грехи старым планам отпустим.
Жить по совести — наш социальный заказ.
Что трепаться о «чистом искусстве»?..

Евгений ЕВТУШЕНКО

ПРОИЗВОДИТЕЛИ УРОДСТВА

Производители уродства,
ботинок, тяжких, как гробы,
тех шляп, куда, как внутрь колодца,
угрюмо вныривают лбы,
скажите, вас еще не мучил,
как будто призрак-лиходей,
костюм для огородных чучел,
бросающийся на людей?
У вас поджилки не трясутся
от липких блуз,
от хлипких бус,
производители отсутствия
присутствия того, что вкус?
Уродство выросло в заразу.
Вас не пронизывает стыд
за мебель, у которой сразу
болезнь слоновья и рахит?
В поту холодном просыпаюсь —
мне снится лязгающий сон:
распорот лермонтовский парус
для ваших варварских кальсон.
Производители уродства,
вы так цепляетесь за власть.
Производить вам удается
друг друга, чтобы не упасть.
Производители уродства,
производители того
преступнейшего производства,
которое — ни для кого.
На плечи Лондон вы надели,
впихнули ноги в Рим рожком
и даже запонки из Дели...
А как же быть с родным Торжком?
Производители уродства,
захламливатели земли,
вы проявите благородство —
носите, что произвели!

Наденьте, словно каждый — витязь,
бюстгальтеры, как шишаки,
и хоть на время удавитесь
удавкой галстучной кишки!
А мы, заплакав через силу,
в честь ваших праведных трудов
к вам
соберемся
на могилу
в мильонах
траурных трусов!

Иван БУРСОВ

МОНОЛОГ СОСЕДА

Это я виноват,
что весной журавли
не летят на знакомые плесы.
Это я отобрал песни птиц у земли,
порубил у проселков березы.
Это я бью сайгаков с подсветкой,
в упор,
помогаю в лесу бурелому.
Это я
свел бульдозером шишкинский бор,
осушил левитановский омут.
Это я,
под полою взрывчатку тая,
прохожу по зеленому краю...
Это я,
это я,
это я,
это я
отравляю,
топчу
и ломаю.
Это я —
с преступлением рядом — молчу,
на злодея в смертельной обиде...
Гляньте в зеркало —
я вам в лицо хохочу,
так хватайте меня
и
судите!

* * *

Мы
милостей не ждали от природы,
мы брали их,
решая боем спор.

И перед нами
расступались воды,
и пятились
медвежьи кряжи гор.
Пред ней —
такие слабые вначале,—
до окоема вытоптавши круг,
мы так боролись,
что леса трещали
в объятьях наших мускулистых рук.
Владевшая шестью материками,
природа защищалась до конца...
Она лежит сегодня перед нами —
отечная
от дыма и свинца.
Нам было одолеть ее непросто.
Но в рукопашной с нею,
глаз на глаз,
мы проявляли силу и упорство...
А где же милосердие у нас?..

Станислав КУНЯЕВ

* * *

От великой ГЭС до Усть-Илима
вечных сосен черная гряда,
красная строительная глина,
светлая байкальская вода...

Я люблю тебя, большое время,
но прошу — прислушайся ко мне:
не убей последнего тайменя,
пусть гуляет в темной глубине.

Не губи последнего болота,
загнанного волка пощади,
чтобы на земле осталось что-то,
от чего щемит в моей груди.

Пусть она живет счастливой болью
и, прочтя свой жребий в небесах,
всю земную волю и неволю
в должный час благословит в слезах...

День и ночь грохочут лесовозы.
День и ночь в пустынный небосвод
сладкий дым ангарской целлюлозы
величавым облаком плывет.

* * *

Живем мы недолго, давайте любить
и радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить,
и так уж на улице вьюга!

Давайте друг другу долги возвращать,
щадить беззащитную странность,

давайте спокойной душою прощать
талантливость и бесталанность.

Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
валялся в больничных палатах.
Что делать? Земля наш прекрасный удел —
ищи среди нас виноватых.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СОН

Иронические стихи

Человек проснулся трезвый —
он не врезал,
не дерябнул политуры
с гением литературы,
с настроенья неважнецкого
не набрался под Жванецкого,
бормотухи роковой
не занюхал рукавом,
вышел в путь без «посошка».
Жив пока.

Странен мир безалкогольный.
И стоят среди страны,
как холмы без колоколен,
безбутыльные столы.

В этом что-то событийное.
Или снится в забытьи ему?
Его бывший собутыльник
на работе — как будильник.

Сократился рост дебилов.
Входят любящие в дом:
«Давай, милый, без бутылки
двойняшек заведем».

Трезвый шеф приходит
в трест.
И водопроводчик трезв.
И высокие персоны
протрезвели от трезвона.
Не двоятся, не троятся
показатели реляций.
Вежлив, как миссионер,
трезвый милиционер.

«Автор, сам ты, видно, выпил
сильно в лучшие года?
Красный нос горит,
как вымпел,—
вряд ли символом труда!»

Изменения целебны.
Вытрезвитель сорвал план.
В церквах служатся
молебны
по вернувшимся мужьям.

Свадьба чокается чаем.
Сократилось число «чаек».
И никто не хочет, трезв,
засолить всю реку Днестр.

Сколько пропили, соколики!
Сколько с этих пьяных слез
сквозь универмаг
в Сокольниках
миллионов пронеслось!

Набирает правда силу.
Вся надеждами полна
протрезвевшая Россия,
ясноглазая страна.

Юрий ПОЛЯКОВ

1

ВЕТЕРАН

Я расскажу про моего соседа.
Седой солдат,
                    на танковой броне
В Берлин въезжал он.
                              Мы вели беседу
О жизни,
          о работе,
                    о войне...
Не о минувшей.
                    О другой, что будет
Страшней любого Страшного суда.
И он сказал:
                    «Бессмысленные люди!
Всем надобен покой, а им — беда!
Они ж перед своей Москвой заслонов
Не ставили — знай на чужбине рушь!
За День Победы двадцать миллионов
Не долларов,
                    а человечьих душ
Не отдали!
               Они ж не вспоминают,
Как возле пепелища плачет мать.
Они еще войны не понимают.
И дай им бог войну не понимать...

2

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

Памяти поэта-офицера Александра Стовбы, погибшего, выполняя интернациональный долг

Материнский охрипший беззвучный вой.
Залп прощальный и красный шелк.
Этот мальчик погиб, выполняя свой
Интернациональный долг.

Что он думал, в атаку ту поднявшись,
Перед тем, как упал и умолк?
Тьме отдать непочатую в общем-то жизнь —
Интернациональный долг!

Мы не раз вызволяли народы из тьмы,
За полком посылая полк.
Пол-Европы засеять своими костьми —
Интернациональный долг!

О страдания чаша! А сколько чаш
Мы испили? Мы в этом толк
Понимаем. Наверное, это наш
Интернациональный долг...

3

ПЯТЬ МИНУТ

Однополчанину Сергею Диденко

Светило небо голубое.
Летел над плацем птичий щелк.
На пять минут веденья боя
Предполагался наш артполк,
Чтоб спохватились остальные,
Крича команды на бегу,
Чтоб развернулись основные
И крепко вдарили врагу,
Чтоб с гордостью рапортовали,
Как, множа воинскую честь,
Артиллеристы простояли
Не пять минут,
а целых шесть,
Что враг позорно откатился,
Потери тяжкие неся,
И самолично убедился:
Нас провоцировать нельзя!
Врагу ответа никакого
Другого не было и нет:
У нас от поля Куликова —
До баллистических ракет!
А мы служили, не печалясь,
Мы знали, как нас дома ждут,
И все-таки предназначались
На пять минут. На пять минут.

Николай СТАРШИНОВ

* * *

Иду под открытою синевой
Тропинкою полевой.
И жаворонок где-то над головой
Голос пробует свой.

Уже немало стукнуло мне.
И уверяю вас,
Что песни жаворонка по весне
Я слышал тысячи раз.

Но каждая так светла и чиста,
Но столько трепета в ней,
Что выше кажется высота,
А синева — синей.

Она разливается, как бубенцы,
Над полем и над селом...
О бедные книжники-мудрецы,
Сидящие за столом!

Мы слову можем честно служить,
Над рукописями корпеть,
Но песню такую нам не сложить
И так ее не пропеть.

А этот поет, не щадя головы,
Трепещет все существо.
И рухнет на землю из синевы,
И трактор запашет его...

* * *

Мир, подошедший к беде,
Полон слепого доверья.
Лебеди спят на воде,
Клювы запрятаны в перья.

А лебедят на пруду!..
Вот они стайкой у края
Носятся — и на ходу
Щиплют друг друга, играя...

Мир накануне беды
Полон прекрасных идиллий.
Нежно глядят из воды
Звездные венчики лилий.

Мир, что пока еще цел,
Стал ненадежнее вдвое:
Взято уже на прицел
Все на планете живое...

Угомонив лебедят,
Лебеди рядышком дремлют...
Но ведь моря бороздят,
Но «Посейдоны» глядят
Через прицелы на землю.

Ну-ка сорвутся с цепи,
Ну-ка обрушатся разом...
О заклинаю, не спи,
Всечеловеческий разум!

Николай ГРИБАЧЕВ

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Не нравится вам, господа,
Мой образ жизни, да?
Но мне ваш тоже. Так и что ж —
Сойдемся нож на нож?

Они у нас длинны, остры
И, если грянет бой,
С любой достанут высоты,
Из глубины любой.

А дальше что? А что потом?
То ли пожар, то ли потоп,
А то ли вместе вдруг.
И все. И замкнут круг.

И если некий идиот
Соорудит при доме дот,
То и постройка дота —
Напрасная работа.

Подходит? Вряд ли. Но тогда
Что будем делать, господа?
Ведь, кроме нас, на это
Никто не даст ответа.

Сергей ЧУХИН

* * *

И наша не хуже эпоха
Иных, отзвеневших эпох.
Случалось, живали без вздоха
И перепадало под вздох.

Случалось, на праздниках пляшем,
Полынные песни поем,
А то на коровушках пашем,
На танки с винтовками прем.

Летим над Землею в ракете,
Меняем лицо деревень...
За прошлое тоже в ответе,
Не только за будущий день.

Историю выучив в школе,
Мы поняли — слава одна
У тех, что на Марсовом поле,
С солдатами Бородина.

И, помня былого уроки,
Над Родиной солнце и дым,
Мы чистые наши истоки
Мутить никому не дадим.

Корежим, и строим, и пашем,
Безмерны в труде и любви.
И силушка дедичей наших
Гуляет по нашей крови.

Написано если на доле,
Ответим своей головой
За каждое русское поле,
За молот и серп полевой.

Константин ВАНШЕНКИН

* * *

Блестит огонь, слепя.
Бьет в душу канонада.
Живите за себя,
Жить за других не надо.

На праздничных пирах,
В благополучной доле,
Зря не тревожьте прах
Полегших в чистом поле.

Давно тот бой затих.
Герои спят в могиле.
Не тщитесь жить за них —
Они свое свершили.

УТРО

Подушку сминая щекой,
В пути или дома,
Ты спишь, человек дорогой,
За миг до подъема.

Прервут сновиденье твое —
Как сдвинут рубильник —
Труба, или возглас «В ружье»,
Иль просто будильник.

Иль женщины нежной рука,
Помедлив немного,
Жалея, коснется слегка
Тебя, недотрога.

А лучше по скрытым часам —
Вам это знакомо? —
Внезапно пробудишься сам
За миг до подъема.

Что ждет тебя за тишиной,
В смещениях света,
За жесткой листвой жестяной,
Оставшейся с лета?

Что ждет тебя — долгий вагон,
Сон ровный на полке
Иль рев реактивный вдогон,
Звезд ржавых осколки?

Что ждет тебя — длительный бег
Дорожкою гулкой
Иль в окнах медлительный снег,
Чай с теплою булкой?

Не та же ли самая суть —
Вы спорите, что ли? —
Задумчивый утренний путь
К заводу и школе?

Но в мыслях порою замрем,
Предстанем открыто
Пред тяжестью гордых знамен,
Кистей из гранита.

Ведь связаны в мире одном
Единою связкой —
Троллейбусный вздох под окном,
Всплеск песни солдатской.

Вадим КОВДА

НАШ ВЕК

Раскройте любую газету,
журнал пролистайте любой.
Прислушайтесь к нашему веку,
к музыке его непростой.

Отбросьте пустую научность,
мудреных словес вещество.
Проникните в самую сущность
страстей, одолевших его.

Уймите свое раздраженье,
вникайте хоть раз не спеша.
Его торжество и крушенье
пусть ваша воспримет душа.

И, мудрый, уто́нченный житель,
созданье его одного,
вы все же его полюбите.
Прошу — полюбите его.

Музыку дослушайте эту,
страдая и все же любя...
Потом отложите газету.
Потом загляните в себя.

Геннадий КРАСНИКОВ

Из цикла «МОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Григорию Калюжному

Слушай, Время,—
мы плохо знакомы!..
Что ты, собственно, знаешь о нас?
В этом мире сегодняшнем —
кто мы,
с чем пришли мы в назначенный час?!

Не сказать, чтобы к нам без участья
относилось ты... Плакаться — грех!
Нет, мы знали и горе и счастье,
каждый в меру тобой был согрет.

Посредине большого столетья,
на изломе трагических лет —
мы —
Победой рожденные дети,
мир застали уставшим от бед.

Колыбельною
нам в этом веке
по вагонам и весям страны
стала горькая песня калеки —
инвалида прошедшей войны.

Детство памятливо на детали,
жизнь — не спрячете от детворы!..
Потому-то мы памятью стали
той прекрасной и трудной поры.

Мы годами пронизаны теми!..
Если смогут в нас душу открыть,
без сомненья, душа —
это Время,
то, что выпало нам пережить...

Мы твой опыт сумели усвоить,
ты узнаешь нас, Время, во всем,
и какая нас мучает совесть,
и какую мы правду несем!

* * *

Николаю Бурляеву —
одному из поколения

Как трудно проходило построенье,
тут не часы, не дни — года прошли.
Мы выстроились все же в поколенье,
верней, до поколенья доросли!
Серьезностью сменились прыть и лихость,
а игры в гениальность — простотой,
лицо явилось, где была безликость,
и души заболели высотой!
На месте шелухи возникло Слово,
а клятвы заменил — вседневный труд,
и выявилась крепкая основа,
которую не сломят, не согнут!
На жизнь глядим спокойнее и строже,
и ценности иные на шкале —
теперь мы знаем,
что всего дороже
и что хранить нам на родной земле.
Исток родства —
не замутился в бедах,
какой грядущий день нас ни влечет —
опорой нам
плечо отцов и дедов —
Истории надежное плечо.
За ними вслед идем —
не отличиться,
не требовать, не ждать, не обличать,
не прозябать весь век, не суетиться,
а отдавать, работать, отвечать!
Мы лишь тогда как поколенье живы,
как поколенье значим что-нибудь,
когда души прекрасные порывы
объединяют нас —
на долгий путь!..

Евгений ЕВТУШЕНКО

«КАБЫЧЕГОНЕВЫШЛИСТЫ»

Не всякая всходит идея,
асфальт пробивает не всякое семя.
Кулаком по земному шару
Архимед колотил, как всевышний:
«Дайте мне точку опоры,
и я переверну всю Землю!»,
но не дали этой точки:
«Кабы чего не вышло...»
«Кабы чего не вышло...» —
в колеса вставляли палки
первому паровозу —
лишь бы столкнуть с пути,
и в скальпель хирурга вцеплялись
всех коновалов пальцы,
когда он впервые разрезал
сердце — чтобы спасти.
«Кабы чего не вышло...» —
сыто и мордовито
ворчали на аэропланы,
на электрический свет.
«Кабы чего не вышло...» —
и «Мастера и Маргариту»
мы прочитали с вами
позднее на двадцать лет.
Прощание с бормотухой
для алкоголика — горе.
Прыгать в рассольник придется
соленому огурцу.
Но есть алкоголики трусости —
особая категория.
«Кабычегоневышлисты» по образному словцу.
Их руки дрожат, как от пьянства,
их ноги нетрезво подкашиваются,
когда им дают на подпись
поэмы и чертежи,
и даже графины с водою
побулькивают по-алкашески

у алкоголиков трусости,
у бормотушников лжи.
И по проводам телефонным ползет от уха до уха,
как будто по сладким шлангам,
словесная бормотуха.
Вместо забот о хлебе,
о мясе,
о чугуне
слышится липкий лепет:
«Кабы... чего... не...»
На проводе Петр Сомневалыч.
Его бы сдать в общепит!
Гражданственным самоваром
он весь от сомнений кипит.
Лоб медный вконец распаялся.
Прет кипяток сквозь швы.
Но все до смешного ясно:
«Кабы... чего... не вы...»
Выставить бы Филонова
так, чтобы ахнул Париж,
но —
как на запах паленого:
«Кабы... чего... не выш...»
Пока доказуются истины,
рушатся в никуда
кабычегоневышлистами
высасываемые года...
Кабычегоневышлизмом,
как засухой,
столько выжгло.
Под запоздалый дождичек
стыд подставлять решето.
Есть люди, всю жизнь положившие,
чтобы хоть что-нибудь вышло,
и трутни, чей труд единственный —
чтобы не вышло ничто.
Взгляд на входящих нацелен,
словно двуствольная «тулка»,
как будто любой проситель —
это тамбовский волк.
Сейф, где людские судьбы,—
волокитовая шкатулка,
которая впрямь по-волчьи
стальными зубами: «Щелк!»
В доспехах из резолюции
рыцари долгого ящика,
где даже носатая Несси
и та не наткнется на дно,

не лучше жуков колорадских
и морового ящура
хлеба и коров пожирали
с пахарями заодно.
И овдовела землица,
лишенная ласки сеющего,
затосковала гречиха,
клевер уныло полег,
и подсекала под корень
измученный колос
лысенковщина,
и квакать учились курицы,
чтоб не попасть под налог.
В лопающемся френче
Кабычегоневышлистенко,
сограждан своих охраняя
от якобы вредных затей,
видел во всей кибернетике
лишь мракобесье и мистику
и отнимал компьютеры
у будущих наших детей.
И, отвергая все новое,
откладыватели,
непущатели
«Это беспрецедентно!» —
грозно махали печатями,
забыв, что с ветхим ружьишком,
во вшах,
разута,
раздета,
Октябрьская революция
тоже беспрецедентна!
Навеки беспрецедентны
Ленин и Маяковский.
Беспрецедентен Гагарин, обнявший весь шар земной.
Беспрецедентен по смелости
ядерный мораторий —
матросовский подвиг мира,
свершенный нашей страной.
Я приветствую время,
когда по законам баллистики
из кресел летят вверх тормашками —
«кабычегоневышлистики».
Великая Родина наша,
из кабинетов их выставь,
дай им проветриться малость
на нашем просторе большом.

Когда карандаш-вычеркиватель
у кабычегоневышлистов,
есть пропасть меж красным знаменем
и красным карандашом.
На знамени серп и молот
страна не случайно вышила,
а вовсе не чье-то трусливое:
«Кабы чего не вышло...»!

Игорь ЛЯПИН

СУРОВЫЙ ДОЛГ

Люди, я любил вас. Будьте бдительны!
Юлиус Фучик

Злопамятность...
Я с детства с нею спорил.
Нельзя
излишне долго
помнить зло.
Но с древности,
кто вовсе зла
не помнил,
Расплачивался
дорого зело.
К истории
полезно обращаться,
Пусть веет в душу
опытом седым,
Чтоб нынче нам
не больно обольщаться
Широким
всепрощением своим.
В ней жизнь сама
то явственно,
то скрытно
Нам преподаст
точнее всех наук:
В прощенном зле —
еще добра
не видно,
Прощенный недруг —
он еще
не друг.
Не может быть
иначе в жизни,
ибо
Сметенный враг
всегда восстать
готов.

Сочтем ли,
сколько витязей погибло
От рук
прощенных ими же
врагов?
Одна черта
у жизни
и у смерти.
Во все века
одна.
В конце концов,
Трагедией
расплачивались дети
Не раз
за благодушие отцов.
И сколько зорь
багровилось кроваво,
И сколько нам
не шло уроков
впрок!
Запомнить зло —
давно не просто
право,
А как ни поверни —
суровый долг.
Нам есть,
что славить,
есть,
что горько помнить,
На свой надеясь,
не на божий суд.
И если мы
не сможем
долг исполнить,
Потомки нас
добром
не помянут.

Михаил ЛЬВОВ

«ХАПУГАМ» ОТ ИСКУССТВА

> Нет, лучше сгинуть в стуже лютой.
> А. Блок

В стране —
страда,
а вам —
награды бы...
За что же?
За какие радуги,
Которыми
вы мир
порадовали?
В стране — страда,
а вам — богатства бы?
А вам —
за премии
тягаться бы?
А вам — пиры...
лауреатства...
Вам — из-за премий —
препираться?—
Да, это ж подло —
как пиратство...
В стране страда...
вам — ореолы...
Когда —
иные души —
голы,
Когда
беда
ползет на долы,
Когда
беда
стучится в школы
И — гонит
вечные глаголы,
Когда —
дамоклов меч
над миром.

Висит —
и держит
души
лирам...
А ты —
в реальности
трагичной —
Ждешь
осчастливенности
личной?
В стране — страда,
а вам бы — нимбы
(И все бы
кланялись бы
им бы?..
Всех восхищали б
эти «нимбы»?
Всё освещали б
эти «нимбы»?)
В стране — страда,
а вам бы в Рим бы —
«Погреть»
на южном солнце «нимбы»...
Нет, лучше сгинуть
в стуже
зимней,
Нет, лучше сгинуть
анонимно,
Без ореола
и без «нимба» —
И крикнуть Родине
и веку:
— Наград не нужно
человеку,
Не нужно славы
человеку,
Когда —
за ними —
никакого
ОБЕСПЕЧЕНЬЯ
ЗОЛОТОГО —
Когда они —
ПУСТОЕ слово...

Когда
и звания
и знаки —
Как бы «пластмассовые»
злаки —
От них —
не будет урожаю...
Я вижу
и — не уважаю...

Александр НИКОЛАЕВ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Спор о детях на планете
возникал уже не раз.
Вырастают наши дети
и быстрей и выше нас.
Как подлесок, встав над лесом,
так на нас наверняка
смотрят дети с интересом
сверху, но не свысока.

Ну а если кто-то все же
свысока взглянуть бы смог,
по-отцовски молодежи
разве грех сказать: сынок!
Языковую спецшколу
ты окончил. Что же мне
пред тобою очи долу?
Я учился на войне.

Не пройдя десятилетки,
с языками был не плох,
по-немецки знал в разведке
лишь два слова — «хенде хох!».
Мы тогда не подкачали.
А окончили войну,
школу среднюю кончали,
поднимали целину.

Шли к достатку, не к избытку.
Нас в пути заставил враг
заменить «даешь Магнитку!»
на призыв «даешь рейхстаг!».
Этот лозунг молодежи
до сих пор звучит: «Даешь!..»
Повторял его я тоже.
Все мы в прошлом молодежь.

Молодежь, гордясь тобою,
пожелать тебе хочу
в школе жизненной любое
выбрать дело по плечу
и счастливой, мирной доли.
С нас за это спрос вдвойне,
потому что в комсомоле,
в жизни, в самой высшей школе
мы мужали на войне.

Олег ДМИТРИЕВ

* * *

Спят начальники дальних застав,
На постелях тела распластав.
Дышат волею юные лица...
Это твой золотой комсостав,
Твои гордость и слава, граница!

Им, наверное, снятся леса,
Где лишь птичьи звенят голоса
И шуршит только дождик короткий.
Им, наверно, видны берега,
На которых чужая нога
Не оставила след свой нечеткий.

Иль во сне продолжают они
В каждом звуке и в каждой тени
Ощущать приближенье угрозы
И стремятся вперед, по камням
За врагом ускользающим?
Нам
Не узнать лейтенантские грезы!

Может, им вообще не до снов,
И без лишних мы чувствуем слов,
Что за тяжесть на плечи взвалили
Лейтенанты — мальчишки, юнцы!
Лейтенанты — солдатам отцы.
Мы-то знаем, что все им по силе!

Это твой золотой комсостав,
Твои гордость и слава, граница!
На постелях тела распластав,
Спят начальники дальних застав.
Дышат волею юные лица...

Владимир
УРУСОВ

* * *

Не зря я рвался и метался
по всей судьбе из края в край —
на утлом надувном матрасе
меня несло в скалистый рай!

В забое капает как с неба.
Пока не выцвел красный флаг,
беру соленой коркой хлеба
за золото в глазах бродяг.

Тела проходчиков во мраке,
и глотка штольни, черный круг,
и узловатые коряги
избитых в кровь рабочих рук.

Там белый свет, там будет город,
над ним уже летит звезда...
И вновь стекает мне за ворот
святая мокрая вода.

Опять смотрю в простые лица.
Мы здесь не боремся со злом,
нам здесь отмерила столица
больших дорог крутой излом.

Болтанка в кузове дремучем.
За все заплачено сполна —
брезентом курток самым лучшим
не обделила нас страна.

Какие здесь собрались люди!
Увижу, лишь глаза протру —
упрямых гор тугие груди,
ложбины падей на ветру.

Биенье сердца и металла —
Да здравствует СССР!

И этот лозунг у портала
создал не куль-функционер.

Ребята с честными глазами,
сквозь жизнь, прожитую не зря,
пусть нас несет под парусами —
и мы не бросим якоря!

Лариса
ВАСИЛЬЕВА

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

От слова до слова —
дорога прямая,
но как иногда тяжела!
Дождями, снегами ведет, обливая,
огнями сжигая дотла.

Мы странные люди.
Изводим бумагу,
чтоб в дальних, чужих временах
нашли обветшалую нашу отвагу
и ею пронзили свой страх.

В надежде,
что в наших ошибках потомки
найдут указующий след,
нам кажутся светом
сплошные потемки
и тьмою
сверкающий свет.

При этом сегодня,
влюбленные в славу,
мы думаем горько о том,
что нам современник
воздал не по праву
и будет наказан потом.

Мы странные люди.
Мы взрослые дети,
и сверстник наш не виноват,
что легче ему
при сегодняшнем свете
глядеть, восторгаясь, назад.

Живем, повинуясь закону
природы,
а думаем, что вопреки,

и нет никакой в нас
особой породы,
лишь руки, как крылья, легки,

лишь сердце,
вбирая чужие печали,
смеется и жаждет помочь,
лишь жизнь на исходе,
но вечно вначале
любовь, уходящая в ночь.

Анатолий ТЕПЛЯШИН

* * *

Как юны мы в истории Земли,
мы и себя еще не осознали.
Космические мчатся корабли,
космические раздвигая дали.

В глуби времен потерян первый след,
но вот орудья каменного века,
и тысячи непостижимых лет
идет борьба за званье человека.

И словно замедляют бег века,
и над землею, разрыхленной плугом,
над чистым полем, над зеленым лугом
задумчиво проходят облака.

И словно замедляют ход года,
как реки, устремленные в каналы,
и над землею встали города,
и каждый день уже внесен в анналы.

Мы не изменим памяти веков,
но мы горды двадцатым нашим веком,
суровым временем большевиков,
кремлевских звезд живым и теплым светом.

Мы на планете трудный путь прошли
с любовью, счастьем и печалью,
мы — краткий миг в истории Земли
и будущей истории начало.

Геннадий КАСМЫНИН

ЗАВЕТ

— Как жить мне, отец?
— А хотя бы неплохо...
— А как это, батя?
— А лучше и лучше! —
Сказал и ушел с расстояния вздоха
По дождику на расстояние тучи.
Лицо и доныне от капелек мокро,
Хотя, как собака, его облизала
Осенних степей позолота и охра,
Откуда шагнул я к перрону вокзала.
Нас нефтью омыли глубины России
И подняли выше отцовского крова.
Космической эры явились мессии,
Которых когда-то вскормила корова.
Не только они,
Но внимавшие немо
Заветам родных с расстояния вздоха.
И жестко глядит углекислое небо:
Какие достатки!
Какая эпоха!
Колышется почва и нервно и зыбко
От поступи нашей,
От взрыва,
От гуда.
Я чувствую —
Где-то свершилась ошибка,
Я что-то не понял,
Я спрашивать буду
У вас,
        человечество трудного сева,
У вас,
        великаны и малые дети,
Поскольку и птица, и туча, и древо
Сошлись воедино в отцовском завете!

Валентин СОРОКИН

НЕ БЕЙТЕ ОЛЕНЯ!

Все жадно ждали свежей оленины...
Бо Цюй

Не бейте оленя, смотрите, какой грустноглазый,
Не бейте оленя, смотрите, какой он рогатый.
Не бейте, ведь он никого не обидел ни разу,
Не бейте оленя,
что вольною тундрой богатый.

По льду океана копыта его проносили,
Аж в ноздри звенели рассыпчатым инеем кедры.
Нельзя без красавца представить просторов России,
Не бейте оленя,
достойного спутника ветра.

Вы мяса хотите, под водку, парного к банкету,
Хотите в застолье похвастаться выстрелом лихо.
Не бейте, поэты, не бейте, не бейте, поэты,
Бессонно и чутко тоскует о нем олениха!

Пусть жирные жены утешатся черной икрою,
Пусть лысины светят торжественно и юбилейно.
Вы заняты глупо слепой и продажной игрою;
Не бейте оленя,
прошу я,
ни врозь,
ни келейно!..

Не бейте оленя, лжецы, вы ж, как тень, осторожны,
Не бейте оленя, начальству, другим ли в угоду;
И если свою потеряли, и вспомнить уже невозможно,
Тогда пощадите чужую крылатую жизнь и свободу!

Андрей
ДЕМЕНТЬЕВ

НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЙТЕ

Никогда ни о чем не жалейте вдогонку.
Если то, что случилось, нельзя изменить.
Как записку из прошлого, грусть свою скомкав,
с этим прошлым порвите непрочную нить.

Никогда не жалейте о том, что случилось.
Иль о том, что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
да надежды, как птицы, парили в душе.

Не жалейте своей доброты и участья,
если даже за все вам — усмешка в ответ.
Кто-то в гении выбился, кто-то —
в начальство...
Не жалейте, что вам не досталось их бед.

Никогда, никогда ни о чем не жалейте.
Поздно начали вы или рано ушли.
Кто-то пусть гениально играет на флейте.
Но ведь песни берет он из вашей души.

Никогда, никогда ни о чем не жалейте.
Ни потерянных дней, ни сгоревшей любви.
Пусть другой гениально играет на флейте.
Но еще гениальнее слушали вы.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СТИХИ НА НЕПОЭТИЧНУЮ ТЕМУ

Непоэтичная эта тема
снова
        за горло взять норовит...
Одни —
решительно
                делают дело!

Другие —
старательно
                делают вид.
Делают вид.
                В кулачок посмеиваются,
чувствуя ветры
                над головой:

«Все обойдется...
Все перемелется...
Нас не достанешь...
Нам не впервой...»
Делают вид,
                сослуживцам на зависть.

И, сидя в кресле,
словно в седле,
изображают
                кошмарную занятость
и озабоченность
на челе.
Делают вид,
                как делают глазки.

Делают вид,
                уходя от дел.
(По-моему,
даже сам Станиславский
такими способностями
не владел!)

Недосыпают,
недоедают,
новыми веяньями «горя».

Какие таланты
зазря пропадают!
Какие актеры
гибнут зазря!..

Пора бы —
спокойно и деловито,—
чтоб как-нибудь
эту проблему закрыть,—
завзятых любителей
«деланья вида»
взять
и в театры определить.

Хочу предложить это
в качестве выхода...
И почему-то кажется мне:
в результате будет
огромная выгода
и нашим театрам,
и нашей стране.

Николай ЗИНОВЬЕВ

ЖЕЛАЕМОЕ-ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Как все-таки ослепительны
соблазны в судьбе иной —
желаемое за действительное
мы рады принять порой.

О эта черта благая,
летучеголландская дурь,
когда я с тобой, дорогая,
небесную спутал лазурь.

Действительное и желаемое...
Хоть друга развенчивать — боль,
все раненое — заживаемое.
Жизнь учит новую роль!

Строка идет на работу.
Автобус в шесть сорок пять.
Страна
идет
на работу —
действительное создавать!

И там, над крышами где-то,
встает в дыму городов,
как чистая юность дедов,
дымок двадцатых годов...

Станем чуть-чуть суеверными
в наш век такой непростой —
отучимся раньше времени
хвастать своей мечтой!

Есть всякие наваждения.
Но русская есть мечта —
неистовая от рождения
в народе моем черта,—

Пророческая даже тень ее
смеялась —
из-под кнута!

Когда звезды не достичь ничем,
и только мираж один —
мечта
становилась
Кибальчичем,
пробившая равелин!

Пусть шепот предосудительный
мешает,
мы все равно
желаемое с действительным
соединим в одно!

Анатолий ТЕПЛЯШИН

* * *

Все держится на волоске...
Дамоклов меч — игрушка века.
Холодный взгляд сквозь человека
и холод стали на виске.

Пылинка может нас убить.
Но сколько в голосе — металла.
А мы — нам все как будто мало —
сильней натягиваем нить.

Но что же, что произошло?
Меж нас вначале было слово.
С придатком ложного и злого
оно молвою обросло.

И ничего не объяснить
с тоской и мукой бесполезной.
Друзья, любимая... Над бездной
дрожит натянутая нить.

Геннадий СЕРЕБРЯКОВ

* * *

Ничего тебе в подарок
не везу я,
Только нашу встречу
да предчувствие разлук.
Желто-белый,
как яичница-глазунья,
Жарится под солнышком
ромашковый луг.
Вот она, былинная
скатерть-самобранка!
От пьяного меда —
кру́гом голова...
О как долго жили мы
в плену самообмана,
Души оплетала нам
трын-трава.
Ко всему на свете
относились просто,
И легко нам было
зори встречать,
Думая о том,
что никогда не поздно
Жизнь переиначить
и сызнова начать.
Мы к тому тянулись,
что шумно и броско,
А вдруг обернулись с тобою —
и глядь:
Прожитые годы —
в черновых набросках,
И их уже набело
не переписать.
Стали ощутимы
бытия пределы,
И может быть, впервые
за много лет

Думаем с тоскою
про главное дело,
Про то, что вечности
в запасе нет...
Сколько хорошего
пролетело мимо,
Безвозвратно кануло —
и некого винить.
Есть простые радости
в сложном мире,
Те, что не умели мы
вовремя ценить.
Их вокруг в достатке:
от теплого хлеба
До теплых и верных
дружеских рук.
Нам даны с тобою
и земля, и небо,
И солнышко рыжее,
и ромашковый луг...
Ох как часто поздно
понимают люди,
Пропустив свой звездный,
свой заветный час,
Что они на свете
и живут и любят
В первый раз,
но это — и в последний раз.
Слышишь, как мгновенья
стремительно мчатся
В яростном и звонком сиянье дня?..
А сколько нам в жизни
отпущено счастья —
От тебя зависит лишь и от меня.

Диомид КОСТЮРИН

ВЕРА

Открыты высокие двери,
Распахнут вовсю неуют.
Я в души бессмертные верю,
Что в наших твореньях живут.

Я верю в трубу золотую
И всадника на скакуне,
Что жить не дает мне впустую,
Являясь ночами ко мне.

Губами коснется он горла
Трубы невозможной своей,
И тотчас бессменно и гордо
Встают сотни тысяч людей.

Встают батальоны и роты,
Бригады встают и цеха.
Тесны им земные широты,
Громовая песня тиха.

Идут они шагом тяжелым
К мерцанию пламенных звезд
Пространством могучим и голым,
Похожим на вздыбленный мост.

Картины суровей и краше
Представить себе не могу.
Вот так и идут они — наши
В крови, и поту, и снегу.

И нет ни единой потери
В едином труде и бою.
Я в души бессмертные верю
И верю в Отчизну свою.

* * *

Пусть далеко,
Пусть трудновато,
Пусть не сомкнуть
Порою глаз,
Который год,
Который час —
Нельзя нам уставать,
Ребята.

Пусть устают бетон
И сталь,
Пусть никнут травы
И деревья,
Стираются слова
И перья,
Печалится
Под вечер даль.

Пусть кажется —
Не устоять,
Пусть на душе
Порой тревожно,
И все-таки,
Пока возможно,
Не надо
Пальцев разжимать.

Пусть время
Движется, грозя,
Что не вернется вновь
Когда-то,
Нельзя нам уставать,
Ребята,
Быть может,
Нам одним
Нельзя.

Михаил БЕЛЯЕВ

НОША СОЛДАТОК

Печаль к печали —
Пышет дымом даль.
Вы разглядели
Эту даль, солдатки...
В музей собрать бы
Детские кроватки —
В них,
К спящим детям,
Залетала сталь.

Мужья ушли
В бессмертие,
А вы
Меж многих стел,
И каменных и медных,
Несли свою
Земную ношу
Смертных
И в горе
Не склоняли головы.

И повсеместно,
Как века назад,
Тревоги
Ваше приняли обличье.
Вы остаетесь
Истинным величьем,
Которое не требует
Наград.

Владимир ОСИНИН

* * *

Проходит наша совесть
Испытанье,—
Она еще
Не изменяла нам.
Хранят солдаты
Гордое молчанье
И знают цену
Славе и словам.

* * *

В тайниках расщепляются атомы,
И на души наложен запрет.
Все сегодня стали солдатами —
В шинели ты или нет.

Боевое мое поколение,
Осененное светом звезды!
Мы пройдем и сквозь это сражение,
Чтоб весь мир отвести от беды.

Мария
АВВАКУМОВА

* * *

Если Слово прекрасно,
значит,
Это кому-нибудь нужно.
Так пашите,
поэты,
на сотке несытной своей.
Да берите,
пожалуйста,
плугом поглубже, поглубже,
хоть спине и земле
не бывало доселе больней.
Вы берите,
пожалуйста,
плугом поглубже, поглубже,
но не глубже того,
чтобы скрылась из виду у вас
деревенька рябая,
что зовется столичными глушью,
и дурак деревенский
Иван —
по прозванию Спас...
Обращайтесь с землею
помягче,
ребята,
помягче.
Ведь не век на перинах
горячих придется вам спать.
Да, Земля тоже круглая.
Только не мячик,
не мячик.
Зашвырнешь...
А найдешь ли?
Возьмешь ее в руки опять?..

Григорий
КАЛЮЖНЫЙ

* * *

Клянусь погибшею рекой,
Чью синь оплакали лягушки,
Что страшен сумрачный покой
Пустой навеки деревушки.

Зачем оставили ее?
Куда ушли и что с ней будет?
По крышам тянется былье
И дикий тлен по избам блудит.

Где отыскали счастье те,
Кто здесь родился на свободе,
Кто был в душевной простоте
Издревле мил живой природе?

Не объяснит всего расчет:
Покинуть этот край непросто.
К деревне брошенной ведет
Тропа от древнего погоста...

Но тень мелькнет, иль гость какой
Уже бодрится и вздыхает.
Сад над погибшею рекой.
И вдруг калитка зарыдает.

Анатолий КУЗЬМИЧЕВСКИЙ

* * *

Иду с корзинкой за деревню
Пособирать в лесу грибков.
Все меньше в нем теперь деревьев,
И больше — во поле столбов.

А меж кустов — пустые банки,
И ржавой жести слой густой.
И лес наш нынче вроде свалки
По «щедрой милости» людской.

Вон там березу оголили —
В стволе зияет пустота.
А в школе, помнится, зубрили,
Что мир спасет лишь Красота.

Слагаем оды лесорубам,
Достигшим плановых высот...
Но если Красоту погубим,
То что же мир тогда спасет?!

Александр ЛАВРИН

* * *

«Только не сжата полоска одна...»

Нет, несжатой полоски ни разу
Я не видел, бродя по стерне...
Почему же Некрасова фраза,
Словно рана, открылась во мне?

Неужели другими глазами
Я на горе людское смотрю
Оттого, что отныне стихами
Со страною моей говорю?

Чтобы нам от тщеславия груза
Прахом праха во прахе не стать,
Научи нас, о русская муза,
Над несжатой полоской рыдать!

Юрий ДУДИН

ПОЛЕ

Из цикла стихотворений

* * *

О Русь,
Оружие готовь —
Уже вскипела
В гневе Калка,
Князья беспечны.
Льется кровь —
Братоубийственная свалка.

Манит великокняжий трон,
И Киев золотом сияет.
А в перекрестьях
Черных троп
Джебе-нойон
Свой путь спрямляет.

И одноглазый Субудай
Ведет тумены,
Как лисица...
Земля, земля моя,
Не дай
Непоправимому случиться.

Ведь я ничем не помогу,
Я не могу прийти до срока,
И на проклятом берегу
Русь ляжет
Под пятой Востока...

Но не кончается раздор,
И гибнет в нем
Былая слава.
Потомка горестен укор:
«Где меч,
Где доблесть Святослава?»

И на треклятом берегу
Оплачут павшую свободу.
А я ничем не помогу
Ни государству,
Ни народу.

* * *

Гей, славяне,
Духом, что ль, ослабли
Или сердцем
О ребро запнулись?!
За рекою вражеские сабли
Ласкою змеиной изогнулись.

Похвалялись ханы,
Как и прежде,
Грады наши
Разметать конями.
На рассвете сумрачном понежить
Ярыми, звериными углями.

Обещались уложить, как пьяных,
На кровавом
Пиршестве-покосе...
За спиною вещие поляны,
На полянах —
Тишина и росы,
Пращуров могилы
И заветы:
«Мертвые не имут сраму!»
Упадем,
Отрубленные ветви,
Головами к солнечному храму,

Заслонив упрямыми телами
Перелазы —
Птице не пробиться.
Встанет неприступная
За нами —
Древний кон —
Славянская граница...

Тризну павшим
Правят на кургане.
Князю сложат

Новые былины.
А на всяком
Вновь пришедшем хане —
Только от копыта
Комья глины.

* * *

Страна равнин — души отрада,
Страна лугов — отрада глаз,
Среди всемирного разлада
Храни себя во всякий час.

От бездуховности пустынной,
От суесловия тщеты...
Не дай нам рок в дороге длинной
Забыть родимые черты,

Не дай, не дай...
В тебе опора,
И вне тебя опоры нет
И доли нет — что нам укоры?
В тебе самой лежит ответ

И объяснение. И чудо
Души твоей — души полей.
Поймем все. Вынесем. Покуда
Идем дорогою своей.

Александр БОБРОВ

ВМЕСТЕ

Мой сын принимает присягу,
И я замираю вдали.
И верю, что к этому шагу —
Солдатскому — вместе мы шли.

По тропам лесным, по озерам,
По плитам старинным Кремля —
И вот он, рубеж, за которым
Ждет клятвы сыновней земля.

Ведь сам еще вроде немного
Прошел от команды «Подъем!»
И знобкого крика «Тревога!»,
А ныне — тревожусь о нем,
О сыне,
            о бравых погодках —
Как много хороших ребят!..

Я рад, что двужилен в походах,
Что сам по годам я — солдат,
Что будней
                коней своенравных
Нам вместе вести под уздцы,
Что могут с сынами на равных
Любить и сражаться отцы.

ПРИТОКИ

Я представлю, глядя во мглу,
Как с болот верховых Валдая
Восемь рек сбегают в Полу,
Звонкопевной струей впадая.

И ко всем из них, до одной,
У сутока водой смирея,
Изогнулась Пола петлей,
Словно хочет принять скорее.

Восемь младших сестер реки,
А не восемь служанок царевны
И на каждой из них — городки,
Омута, крутояры, деревни,
А у каждой — особый наряд,
Свой уклад — он всегда интересен,
Над любым из притоков парят
Звезды памяти, радуги песен.
И мосты, где ребята плотву
Не наудят для кошки, бывает.
Ветер в воду срывает листву,
И на север она уплывает,
Из Полы попадает в Ловать,
В Ильмень-озеро. Вот где раздолье!..

Но листу можно только мечтать
О дороге подобной и доле.
Все дано лишь тебе, человек,
Если, косность и лень пересиля,
Ты пройдешь по излучинам рек,
Чтобы сердцу открылась Россия.

Вся на реках она, у озер.
Ну не вся — но красивейшей частью.
Обрати просветленный свой взор
К были, сказу, истории — к счастью.

Плещут водные тракты страны —
Не бывало верней их и лучше.
У слияний лежат валуны,
Со стрелой и подковой —
на случай.
Чтоб, прельщенные сетью дорог,
Гладью трасс, получивших известность,
Мы бы помнили: путь наш пролег
Через пересеченную местность.
Начинался он в дальней дали
Много раньше петровского бота.

Ох какие пространства земли!
И какая большая работа!
Ведь не вся обжита еще глушь,
Что озерна и нечерноземна.
Но следы обмеления душ —
Вот что невыносимо зазорно.
Хоть в деревне, а хоть в городах,
Пусть в суровых краях, пусть в богатых...

Стук плодов в огрузневших садах.
Звон воды на речных перекатах.
Истончается месяца рог,
Лист желтеет, кончается лето,
Не пройти всех заветных дорог
по стране.
Значит, песня не спета!

Мы продолжим, проложим пути,
Одолеем пороги, пороки,
Чтобы главной реке принести
Наши силы — ведь все мы притоки.

И какие сомнения тут,
Если слышно на склонах Валдая:
Восемь рек устремленно текут,
Все — до капли! — одной отдавая.

Сергей БАРУЗДИН

* * *

Не по чьему-то веленью
Мы говорили с тобой,
Что Ленин есть только Ленин
И нам бы — с его судьбой.

У ленинских юбилеев
Нет сравнений и дат...
Сделать бы, сколько Ленин,
За наши за пятьдесят!

* * *

Наша жизнь с тобою —
Целая история!
Нет ее прекраснее,
Нет ее суровее!

Что ее дописывать
Или перекрашивать!
Ведь она и наша,
И поколенья нашего.

Первого — советского
И неповторимого,
С Лениным рожденного
И неистребимого.

Ни в октябрьских вихрях,
Ни в боях гражданской,
Ни на самой страшной,
Ни позже — на Даманском.

Целая история!
Ордена, медали...
Нас порой и мамы
Недопонимали.

Мы войны хлебнули
И боев без боя...
Да только пули, пули
Не дают покоя.

И в ребятах наших
Бродит та закваска:
Время проверяют
По главной башне Спасской.

День за днем проходит,
Хорошо ли, худо...
Наша жизнь — история,
И это, право, чудо!

Алексей РЕШЕТОВ

* * *

Мы в детстве были много откровенней:
— Что у тебя на завтрак? — Ничего.
— А у меня хлеб с маслом и вареньем.
Возьми немного хлеба моего...—
Года прошли, и мы иными стали,
Теперь никто не спросит никого:
— Что у тебя на сердце? Уж не тьма ли?
Возьми немного света моего...

* * *

Ищите без вести пропавших,
Ищите древних, молодых,
Полотна дивные создавших,
В боях Россию отстоявших —
Ищите их! Ищите их!
На душных стенах одиночек,
В полуистлевших письменах
Ищите днем, ищите ночью
Их золотые имена.
Ищите их по белу свету,
Ищите мертвых и живых!
И если всюду скажут: «Нету!» —
Найдите их в себе самих.

Леонид ВЬЮННИК

* * *

Не хнычьте,
что вам никогда не везет,
Что с вами несчастье случилось.
То море штормит,
То туман наползет,
То днище опять прохудилось.
Отбросить тревоги!
Разрушить печали!
Штормам океанским назло.
Отчалить! —
себе приказать.
И отчалить.
Пусть думают:
Вам повезло.
А там,
на просторе веселом и синем,
Прозреют душа и глаза.
И ветром отважным,
бойцовским и сильным
Наполнятся все паруса.

Александр МОСКВИТИН

НАКАНУНЕ

Воды и льда мы взяли на Ледовом,
забиты углем трюм и бункера...
Мы вновь идти
на промысел готовы,
да и пора идти, давно пора.

А чтобы нам немедля удалиться,
с погранзаставы
гость явился к нам
и, глядя в озабоченные лица,
стал выкликать ребят
по именам.

Мы все — от капитана до матроса —
симпатий к парню к форме не тая,
встаем,
чтоб подтвердить звонкоголосо:
— Диденко?
— Я!
— Закиров?
— Я!
— Каретник?
— Я!..

Когда, вписав последнюю отметку,
покинет судно
страж морских границ,
уйдем на поиск рыбы, на разведку,
туда, где нет порою даже птиц.

Нас заприметят льда тупые глыбы,
начнут качать протяжные шторма,
чтобы минул нас косяк гулливой рыбы
и не попал в просторные трюма.

Чем чаще мы штормуемся и дольше,
тем глубже рыба, но смекаем так:

водилось бы ее в морях побольше —
мы и на дне нащупаем косяк...

Вернемся в порт,
                                сознаемся едва ли,
симпатий к парню в форме не тая,
что на разведке с нами побывали:
— Надежда?
— Я!
— Упорство?
— Я!
— Удача?
— Я!

Яков КОЗЛОВСКИЙ

СОВЕТНИКИ

Когда по уму подбираются
Советники на посты,
Премьеры на них полагаются,
Маршалы и послы.

Приходят ко мне собеседники
И, не сочтя за труд,
Как преданные советники,
Советы мне подают.

Ценю вас, мои советники,
Искренне в вас влюблен,
Истинные наследники
Рыцарей всех времен.

Не сплетники, не привередники
Мне подают совет.
Есть и у вас советники,
А у кого их нет?

В радости и в печали
Их сами по своему
Образу мы избрали,
Мужеству и уму.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

ИГРА

На базе мы простились с волосами,
как новобранцы, сели на коней.
Не на планшетах, а перед глазами
тайга стояла. Мы пошли по ней.

И знали все мы, что могло случиться:
что можем заблудиться — не сыскать.
Вблизи месторожденья облучиться.
Разбиться. Разучиться рисковать.

Мы вдохновенно лысиной блистали,
и трудно шли в маршруты по заре,
и бородами трудно обрастали,
и трудно привыкали к мошкаре.

У отдыха и сна минуты крали,
обманывали ноги и жару —
работали, как будто бы играли
в опасную, но честную игру.

Но все потом вошло и в лад, и в норму,
когда тайгой полсвета обошли,
когда геологическую форму
мы солнцем и кострами обожгли.

И песни пели. На воде сидели.
И вдалеке от дома и семьи
выигрывали все же, как умели,
и с комарьем и с леностью бои...

Нас в городах друзья сведут побриться,
и мы, еще серьезные вчера,
увидим в зеркалах худые лица
и улыбнемся: кончена игра!

Не зря нас все же матери рожали.
Мы не войной воспитаны — трудом.

И видимо, немного возмужали,
коль без рисовки говорим о том,

что с нами вещи всякие случались:
изюбрей били, шли друзей искать.
И разбивались мы. И облучались.
А вот не разучились — рисковать.

Сергей МНАЦАКАНЯН

РУКОВОДЯЩИЙ ПОРТРЕТ ИЗ КНИГИ «ЗОЛОТАЯ ЛИРИКА КАНЦЕЛЯРИЙ»

(фанера, уголь, 2,5×2,8)

Что означает руководить? —
Рукой владеть и рукой водить?

Рукою браться за телефон,
как будто, братцы, на деле
Он

умеет думать и говорить,
Нет, он умеет руководить!

Он даже думает — чем? — рукой,
он помогает руке ногой,
когда постукивает по другой,
поскрипывая обувью дорогой...

Да, он умеет руководить,
от сути в сторону уводить,

вплывать в начальственный кабинет,
как будто в оперу и балет!

Такая сила в его руках
немалая —
прямо страх,
а шестеренки в его мозгах
не крутятся —
ну никак...

Руководитель, руководи!
Врастая в кресло, рукой води,

но только дела не забывай,
но только дело не убивай —

не надо смахивать со стола
тобой загубленные дела...

Печален вывод, хоть и толков.
Но Время с нами — в простых словах
против бездельников и дураков
на руководящих постах...

Павел
УЛЬЯШОВ

ЮБИЛЕИ

О фимиамы юбилеев!
Речей напыщенный салют,
Когда обряженным в ливрею
За старость ордена дают.
И юбиляр, впитав, как губка,
Похвал положенную дань,
На радостях целует в губы —
Тех, кому в зубы надо дать.
Вот он уже готов поверить,
Что впрямь в историю войдет.
А где-то притаилось время
И часа собственного ждет...

* * *

У дороги шоссейной
Бабы лен расстилают.
Пот холодный, осенний
Им глаза застилает.
Жены, вдовы, невесты,—
Все их бабами кличут —
За протяжные песни?
За простое обличье?
Эти руки, как грабли.
Спины сутуловаты.
Деревенские бабы,
Чьи сыны — космонавты...
Ах, Россия, Россия,
Как в тебе намешалось —
Братск и свет керосинный,
Мини-юбки и шали.
По обочинам ровно
Бабьи согнуты спины.
И проносятся с ревом
За машиной машина...

Лариса ТАРАКАНОВА

ПЕНСИОНЕР

Хозяйскими заботами влекома,
Я чувствую, мне встретится опять
На остановке возле гастронома
Пенсионер из дома номер пять.

Под хмурым взглядом старика несладко:
Осадит, отчитает сорванца
Пенсионер, суровый страж порядка,
Своим делам не ведает конца.

За шиворот поймает хулигана,
Нечестного осадит торгаша.
Но вынет шоколадку из кармана
И ласково потреплет малыша.

Он все вокруг приметит неполадки.
Он в лифте надпись грязную сотрет.
Он у пивной задержится палатки
И, отвернувшись, горестно вздохнет.

Его боятся взрослые и дети,
И, видимо, стесняется родня.
Неужто он один такой на свете —
Небесный гром средь солнечного дня?

Он не сдается. Он исполнен веры:
Вот-вот настанут лучшие лета —
Повсюду лягут солнечные скверы,
Не будет пьяниц, будет чистота.

И для того совсем немного нужно.
Совсем иные были бы дела,
Когда бы все да вдруг поднялись дружно
Стереть остатки всяческого зла.

Владимир ШЛЁНСКИЙ

ИЗ НАДЫМСКОЙ ТЕТРАДИ

I. На трассе трубопровода в бригаде лауреата Госпремии СССР Бориса Дедука

«Борис Дедук — мужик что надо!» —
так говорит о нем бригада.
На северах он двадцать лет.
И по болоту, и по склону
устройство «Север-2» Патона
он тянет за собою вслед.

Одной семьей в бригаде стали
азербайджанец и татарин,
украинец и белорус...
Они на трубах швы варили
и на бригаду щи варили,
неповторимые на вкус...

Шло испытанье на недели.
Шло испытанье на метели.
На юмор —
юмор не унять!
До колик смех стоял, до стона —
мол, может собственных Патонов
земля сибирская рождать...

Про то рядили и про это,
мол, нам плевать на чье-то вето,
нам эта по плечу борьба.
С охотой чай вприкуску пили,
трубу варили
и шутили:
«Затее Рейгана — труба!»

Мороз белил усы и брови.
Нет ничего важнее, кроме —
тянуть вперед трубы струну.

Я понял —
будет все, как надо:
одна судьба — одна бригада.
На трассе встретишь всю страну.

II. Размышления бурмастера Петрова о начальстве

Костерить легко начальство...
А начальству каково?
Может, это и нахальство,
что ругаем мы его...
Теребят его министры,
главки, собственный местком,
фотокоры, и артисты,
и прораб, и управдом...
Нет покоя ни минуты.
Буровая.
Трест.
Завод.
И, хотя морозы люты,
как везде,
горяч народ.
Быть на Севере начальством —
не захочешь орденов...
Разорвут тебя на части
при раздаче ордеров.
Ни рецептов нет, ни лоций,
чтоб параграф обогнуть,
без сомнительных эмоций
выбрать самый верный путь,
лишний дом построить к лету,
средства для ДК найти,
и по проволоке сметы,
как эквилибрист, пройти,
быть принципиальней, строже,
делать главные дела...
Выговор порой дороже,
чем большая похвала...
Сколько риска и отваги
нужно все-таки иметь,
чтоб за ворохом бумаги
главное не проглядеть,
чтоб среди рабочих буден
знать, что жизнь вперед идет,
что отдельно рядом — люди,
а все вместе мы — народ.

Евгений
ХРАМОВ

* * *

...Так начать с полуслова, с мгновенья,
На котором кто-то прервал
Этой памяти долгой теченье,
И совсем невелик интервал,
И рассказчик рассказ продолжает,
И не надо ему объяснять,
Отчего керосин дорожает
И какие слова через «ять».

Это там, где гудят подворотни,
Где шарманки хрипят во дворах,
Где берут за квартиру полсотни,
Но зато при хозяйских дровах.
Где швейцаром Семен или Павел —
Гренадер, отслуживший свой срок,
Там, где дед мой России оставил
Тыщи верст двухколейных дорог.

(И сейчас же при имени деда
Вижу белый чертеж на доске...)
Иль начать с описанья обеда
В затемненной голодной Москве?
Все равно, лишь бы все это было
От Кремлевской до брестской стены
Пересказом семейного быта
И поэтому — жизнью страны.
Чувство Родины,
Чувство народа...
Но все крепче за сердце берет
Чувство...
Нет — осознание рода.
Ибо РОД, а отсюда НА-РОД.
Не с того ли в московских квартирах,
Из прапамяти извлечены,
Усачи в позабытых мундирах
Улыбаются нам со стены?
И крестьянский крепыш из-под Вятки,
Утвердившись в быту городском,

Словно водит в детские прятки —
Ищет дедов оставленный дом?

На сырых берегах Тагила,
Под Вапняркой, у Повенца
Все мы ищем Дом и Могилу —
Дедов дом и могилу отца.
Тот упал на пески Урала,
Тот закончил в фашистской петле.
Ух как много убийц погуляло
По дарованной нам земле.
Не кликушество,
Не ностальгия,
Просто видеть хотим сквозь года:
Если нынче мы стали другие,
То какие мы были тогда?
Мы, кто Русью, Россией были,
Мы, кто стали Советский Союз,
Как страдали, бились, любили
И какой проносили груз
Сквозь недели, дни и века,
От начала реки, от истока,
От летающего мужика
До гагаринского «Востока».

Галина
ДОКОЛИНА

СТРАДА

Наше время до предела сжато.
Туфли шпильки в рюкзаки легли,—
нынче лето небывалой жатвы,
небывалой щедрости земли.
Это ничего, что пыль сухая
зноем над копнителем висит.
И в коротких снах не затихает
звон пшеницы,
рокотанье сит.
Это ничего,
что жаркий ветер
обжигает губы,
бьет песком...
Хлеб идет! —
И мы теперь в ответе
перед каждым малым колоском.
Потому то яростней,
то тише
расторопных жаток мерный шум.
Так что ты не обижайся —
слышишь? —
что я писем долго не пишу.

Юрий ВОРОНОВ

ЯНВАРЬ СОРОК ВТОРОГО

Горят дома —
Тушить их больше нечем.
Горят дома,
Неделями горят.
И зарево над нами каждый вечер
В полнеба,
Как расплавленный закат.

И черным пеплом
Белый снег ложится
На город,
Погруженный в мерзлоту.
Мороз такой,
Что, если б были птицы,
Они бы замерзали на лету.

И от домов промерзших, от заводов
На кладбища
Все новые следы:
Ведь людям
Без огня и без воды
Еще трудней,
Чем сквозь огонь и воду.

Но город жив.
Он выйдет из бомбежек,
Из голода,
Из горя,
Из зимы!
И выстоит...
Иначе быть не может,
Ведь это говорю не я,
А мы!

* * *

Позаросли травой окопы:
Стирает время их с земли.
По странам нынешней Европы
Стучат все реже
Костыли.

Не рвутся бомбы
На дорогах,
Не знают мин
Ее моря.
Но беспокойство и тревога
В нас разрастаются
Не зря.

Все так же крутится планета,
И звездный купол
Не погас.
Но остроносые ракеты
Уже нацелены
На нас.

И речи кой-кому сегодня
Диктует
Атом и напалм.
И в Кёльне
Школьники не помнят,
Кто на кого
Т о г д а напал.

Планете
Требуются курсы,
Чтобы напоминать иным,
Чем были б
Без Москвы и Курска
Сегодня Лондон или Рим.

Что стало бы
С Европой ныне,
И шар земной —
Каким бы был
Без Ленинграда и Хатыни,
Без нашей боли
И могил.

Мы на земле творим и пашем,
Но непокоем век объят.
И голоса
Живых и павших
Гремят о мире,
Как набат!

Вениамин
БУТЕНКО

* * *

Свое не подводил я поколенье.
Да и оно меня не подведет...
Дышали мы полынью и сиренью!
И так дышали — обжигая рот!

И запекалось Время на губах,
Которое потомкам не приснится...
Но, как на негативах, на веках
Проявятся, чернея, наши лица.

Татьяна
КУЗОВЛЕВА

Отрывок из поэмы «ЖИВАЯ ВОДА»

От веку в сказках — небыль рядом с былью,
Как в русской сказке о живой воде.
В ней тот, кого злодеи загубили,
Вдруг оживал наперекор беде.

Его будило обновленным эхом
Веселье птиц, скользящих в вышине...
В то, что наш век последним станет веком,
Не верю я.
Ну как поверить мне,

Что будет некому живой водой
Тогда спасти от гибели героя.
Не будет и самой воды живой
Ни на земле, ни под земной корою.

Ни там, где родниками испокон
Питались реки, силу набирая.
Ни в сердце человека, ибо он
Расстанется с любовью, умирая.

Любовь растает, и растает гнев —
Без человека нет любви и гнева.
Казах, прервется долгий твой напев,
Таджик, твоя дойра затихнет немо.

В соборе Домском замолчит орган.
В Молдавии истают звуки скрипки...
...А вдруг приказ ракетам будет дан
По чьей-то непростительной ошибке?

И кто тогда
Повинен будет в том,
Что мы близки к самоуничтоженью?
...А я вот приглашаю Вас в мой дом.
Мы, русские, искусны в угощенье:

Вот кулебяка с мясом. Вот блины.
Вот редкая еда для Вас — окрошка.

Боровички уже запечены.
Графин во льду.
Поджарена картошка.

Дымится чай — в нем мята и чебрец.
Мы, на Руси, чаевники с рожденья.
Чай — это откровение сердец,
В нем — запах трав и сказок наважденье.

Семья к семье —
Мы все одна семья,
Нам вместе — тесно, трудно — друг без друга.
И я с порога своего жилья
Вам первая протягиваю руку.

У Вас и у меня — едина цель.
К чему нам друг для друга быть мишенью?
Пусть в каждом доме будет колыбель,
Чтоб род людской стремился к продолженью.

Не мы, так кто спасет наш дом родной?
Не нынче, так когда?
Пока не поздно,
Мой современник, за живой водой
Зову идти Вас сообща — не розно.

Мы — однопланетяне.
Потому
Судьба Земли для нас полна значенья.
Прислушайтесь-ка к сердцу своему:
Добра в нем больше, чем ожесточенья.

С какой надеждой льнет планета к нам,
Ища себе защиту в человеке!
Так пусть не оборвется счет векам
На нашем веке — на двадцатом веке!

Веду Вас, современник, за собой.
Веду — сама спешу к Вам на свиданье.
Мне вместе с Вами шар спасти земной
Любви и памяти живой водой,
Живой водой взаимопониманья.

И добрым словом нас наверняка
Потомок вспомнит в дне необозримом
За право жить,
За песню родника,
За счастье и любить,
И быть любимым.

За то, что в самый отдаленный век,
Вбирая щедрость солнечного света,
Живой водой морей, озер и рек
Омыта и обласкана планета.

Что из возможного небытия
Ее вернули к бытию мы с Вами,
За то, что в давнем прошлом
Вы и я
И семьями дружили, и домами:

Растили и потомство, и сады,
Слагали песни, радовались хлебу,
И не жалели мы живой воды
Ни человеку,
ни Земле,
ни небу.

Живую воду я вношу в жилье,
Иду на зов — и всю до капли трачу.
Чем безоглядней отдаю ее,
Тем я любовью и судьбой богаче!..

Евгений ВИНОКУРОВ

РОМАНТИКА

То я к этим радостным книгам приник,
уйдя от задач и грамматик...
С землистым лицом от зачитанных книг
к утру поднимался романтик!..
Романтика необходима, как хлеб!
Вот рыцарь, надменности полон,
и герб на щите,
и наследственный склеп,
и черный кружащийся ворон!
Поздней я иначе ее понимал,
не так, как когда-то подростком,
когда я в обмотках, простужен и мал,
в строю проходил подголоском...
Иль пылью вставал до полнеба июль!..
Печальных иллюзий утрата!
Романтика черных армейских кастрюль,
перлового концентрата.
И сиплый, как будни, басок старшины,
и поломойная щетка...
Зато все задачи мои решены,
зато все так просто и четко!
Уметь увильнуть от наряда хитро,
вздремнуть, коль басок не разбудит...
Но это — лишь только коснется перо —
и сразу ж романтикой будет.
И сразу же по мановенью пера
все вспыхнет, как в пламени, ало!..
Пора же, товарищ мой старый, пора
вздохнуть нам о всем, что бывало,
и юность сквозь дымку промчавшихся лет
в магическом видеть кристалле!..
Но юности, друг, без романтики нет!..
И мы ее все же знавали.

Расул ГАМЗАТОВ

ПОМОГИТЕ!

Где-то маленький ребенок болен,
Плачет мать. Эй, люди, поскорей
Вы лекарство отыщите, что ли,
Приведите мудрых лекарей!

Руки к миру женщина простерла,
Ну а мир не то чтобы суров —
У него своих забот по горло,
Чтоб услышать чей-то тихий зов.

Люди, неужели вам не страшно!
Поспешите, отвратите зло,
Чтоб глухое равнодушье ваше
Вам на совесть камнем не легло!

Горец к небу простирает руки,
Но никто его не слышит стон.
«Где вы, сыновья мои и внуки?» —
Еле слышно спрашивает он.

Старый горец плох, он тяжко дышит.
Кто сейчас помочь ему придет?
Дети в городах — они не слышат,
И у внуков полон рот забот!

Страждет мир, что нами обитаем,
Стонет он, он подает нам знак.
Но молчим мы, время упускаем,
Словно ничего не замечаем,
Мы дрова бросаем в свой очаг.

Неужели, жизни не жалея,
Мир мы предадим, и отдадим,
И погубим леностью своею,
И навеки канем вместе с ним?

Перевод с аварского
Н. Гребнева

Дмитрий СУХАРЕВ

МЕНУЭТ

Ах менуэт,
                    менуэт,
                                  менуэт,
К небу взлетающий, будто качели!
Ах эта партия виолончели!
Годы минуют, а музыка — нет.

Мамка доходит в тифозном бреду.
Папка в болоте сидит с минометом,
Я, менуэт раздраконив по нотам,
С виолончелью из школы иду.

Гордо гремят со столба имена,
Золотом полнится ратная чаша,
Встану как вкопанный:
                                       бабушка наша!
Бабушка наша — при чем тут она?

Чем же ты, бабушка, как Ферапонт *,
Обогатила наш фонд обороны?
Что за червонцы,
                              дублоны и кроны
Ты отдала, чтобы выстоял фронт?

Бабушка скалкою давит шалу,
Дует в шалу, шелуху выдувая,
Тут ее линия передовая —
Внуков кормить в горемычном тылу.

Бабушка,
                пальцы в шале не таи,
Имя твое прогремело по свету!
Нет перстенька обручального, нету —
Знаю я, бабушка, тайны твои!..

---

* Ферапонт Головатый — один из зачинателей движения по сбору средств в фонд обороны.

...Что за война с тыловой стороны,
С той стороны,
где не рыщет каратель?
Все же скажу про народный характер
И про народный характер войны.

В том и характер,
что дули в шалу
Или под пулями падали в поле,
Только бы в школе порхали триоли,
Как на беспечном придворном балу!

Ах этот бал,
эта быль,
эта боль,
эти занятья по классу оркестра,
Нежные скрипки, прозрачный маэстро,
Музыка цепкая, как канифоль.

Ах, этот Моцарт,
летящий вдали,
Эта тоска по его менуэту!
Бабушки нету, и золота нету,
Нового золота не завели.

Владимир СЕМАКИН

* * *

Не поднимутся дивизии
с отвоеванных полей,—
полегли, а не унизили
блеска доблести своей.

Что стряслось — не переделаешь,
хоть себя, хоть небо крой:
поколенья поределого
не сомкнется полный строй.

Доказало поколение,
перейдя поля войны:
мы, до белого каления
доведенные,
грозны.

Враг — открытый ли, иуда ли —
знает — как ему не знать! —
нам ни мужества, ни удали,
если что, не занимать.

Шли бойцы, скупясь на жалобы,—
что смогли — перемогли.
Им бы землю не мешало бы
увидать из-под земли,

увидать бы в цельной целости
свой, куда ни повернись,
русский край, где нашей смелости
не поставлено границ!

И ожить во внуках-правнуках,
в смене смен очередной,
на завидных ваших праздниках
вспыхнуть искоркой живой.

Петр ВЕГИН

СНЕЖНАЯ РОЩА

Почему перед рощей светящейся,
где вчера колдовал снегопад,
ощущаю чувство навязчивое —
в чем-то я перед ней виноват?

Меркнет все перед снежною рощицей,
сберегаемое душой,
меркнет все перед снежною родиной.
Измеряйте себя чистотой!

Словно легкие в никотине —
так примерно со мной:
чистота моя негативна
по сравненью с твоей чистотой!

Если даже только руками
прикасаетесь — боже мой! —
освещает вас хладное пламя,
называемое чистотой.

Раньше думал я — душу полощут
в Чайковском и Дебюсси...
Оказалось — в заснеженной роще.
Ты прости меня, роща, прости!

Что без этого значу и стою?
Будет снег или соловьи —
измеряйте себя чистотою
рощи, родины и любви!

Олег БЕЛИКОВ

ЗВЕЗДЫ РУКОТВОРНЫЕ

Ведь, если звезды зажигают — значит — это
кому-нибудь нужно?
Владимир Маяковский

Средь почетных знаков
трудовых отличий
Я один особо
выделю в ряду:
У шахтеров наших
есть такой обычай,—
Славно потрудившись,
зажигать звезду.
Издали заметны
звезды над копрами,
Как салют победам
мирных наших дней.

Зажигайте звезды
добрыми делами,
Чтобы людям было
на земле светлей!

Вадим СИКОРСКИЙ

РАБОТА

Не упадет к нам с неба божья манна,
наполнив каждый дом и каждый хлев.
На свете лишь работа не обманна,
и, пóтом орошенный, всходит хлеб.

Кто в рай земной войти нам не позволит?
Мы можем предъявить, окончив путь,
вот эти достоверные мозоли
и пыль бетона, въевшуюся в грудь.

* * *

И эти птицы не мои,
и не мои деревья.
И эти облака — ничьи...
И нет к дарам доверья:

все, все отнимут в страшный час,
что вдруг так щедро дали.
И навсегда исчезнут с глаз
изменчивые дали.

Весь мир отнимут навсегда,
мне данный лишь на время...
И эта страшная беда
случается со всеми.

Но что-то подвигает жить,
и вдохновляет верить,
и каждым мигом дорожить,
и сердцем вечность мерить.

Марк ЛИСЯНСКИЙ

НА МОЕМ СУДОСТРОИТЕЛЬНОМ

На моем судостроительном
Хорошо дела идут.
В Южный Буг скользят стремительно
Сухогрузы там и тут.

Льется сталью луч расплавленный
В глубину рассветных вод.
Знаменитый и прославленный
Черноморский мой завод!

В бликах теплых, в блестках лаковых
Корабли со стапелей,
Как с твоих ладоней ласковых,
Сходят вслед мечте моей.

Для любого шторма прочные —
Все умеет человек —
И, как правило, досрочные,
И, как минимум, навек.

Вот стоят мои товарищи,
Бросив рядом якоря,
Судосборщики и сварщики,
Слесаря и токаря.

По труду — единокровные,
От причальных стен земли
В испытания швартовые
Провожают корабли.

Ветерок, от грусти лечащий,
Обещает благодать...
Тяжело родное детище
Нам от сердца отрывать.

Жизнь уходит — не кончается,
Слышу я далекий зов.
На морской волне качается
«Капитан Лев Соловьев».

Мне легко и трудно дышится
Этим бугским ветерком.
Над землею «майна» слышится,
«Вира» я шепчу тайком.

Жизнь в движении спасительном,
И бессмертен только труд.
На моем судостроительном
Хорошо дела идут!

Николай ДОБРЮХА

МЫ — НАСЛЕДНИКИ МИРА

Я к друзьям обращаю
тревожную речь:
наше время, товарищи,
Землю беречь;
сорок лет окрыляют нас
мирные сны,
но опять возвращаются
тени войны.
Люди верой живут,
смотрят с верой вперед.
Нас недаром в Москве
фестиваль соберет.
Да! Россия всегда
мир народам несла,
и народы в ней видят
оплот против зла.
Мы — наследники мира.
Нам планету беречь!
Я к друзьям обращаю
призывную речь.
Жизнь от атомной смерти
спасем или нет?
Мир от нас, молодых,
ожидает ответ.
Быть наследником значит:
планету беречь.
Я ко всем обращаю
с надеждою речь.

Юрий КУЗНЕЦОВ

ПИЛОТКА

Еще не всюду в мире тишина,
Еще земля, как в трещинах, в границах.
И мне пилотку выдал старшина,
Она на складе много лет хранилась.

Я об отцах сурово не судил
За то, что мы на черном хлебе жили,
Что я еще пешком под стол ходил,
А для меня уже пилотку шили.

Они легли за эту жизнь костьми
На безымянной высоте России...
Мы сделаем такое, черт возьми,
Чтоб после нас пилоток не носили!

Анатолий ПАРПАРА

ДОБРОТА

Нельзя унижаться до мести!

Ни действием вашим, ни взглядом.
Вы мысли об этом отбросьте,
Иначе, погрязнув во злости,
С обидчиком станете рядом.

Нельзя унижаться до мести!

Тем более, если когда-то
Вы доброе сделали людям.
Забывчивых — да не осудим!
А мерзости — мерзость расплатой!

Поверьте, на вашем бы месте
Ушел я от этой беды...
Нельзя унижаться до мести,
Имея запас доброты.

Александр КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

БОЛЬШЕ ВСЕХ

У нас больше всех
Безымянных могил.

У нас больше всех
Неизвестных солдат.

У нас больше всех
Горем венчанных вдов.

У нас больше всех
Безутешных сирот.

У нас больше всех
Веры в завтрашний день...

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

* * *

Мы — поколенье Нового Арбата,
что врезан,
да, мы знаем — угловато
в застройку довоенную
Москвы.
Но — скоростным — спасибо тротуарам:
тут нам спешить просторней,
чем на Старом
Арбате несравненном —
и недаром
его нам в песнях
открывали
вы,—
поколенье Старого Арбата,
войны священной
юные солдаты
и поздние студенты мирных дней.
В начале — город! /Город наш, в котором
та — в Приарбатье — старая «повторка» —
чуть больше, чем кино,
для москвичей./
Победе было восемь, девять, десять...
А нас растили —
все-таки надеясь —
не для военных — для иных побед.
Оказывались
к службе срочной годны...
А призывник двухтысячного года
годится в сыновья,
явясь на свет.
Любимый город может спать спокойно.
Себя ж проспать — куда как недостойно.
Бессонницы нам нужно,
молодым!
Есть отчего дыханью углубиться:
Нам
воздух загазованный

столицы —
Отечества
тот самый
сладкий дым.

...По правую — жилых домов соседство,
по левую — большие министерства
соединил сплошной торговый ряд.
Вот наш Арбат — его таким воздвигли.
Как —
нами не дочитанные книги
дома новоарбатские стоят!..

Автопоток, что впечатляет мощью,
по трассе кровеносной — днем и ночью —
спешит,
подобно крови юной — мчась.
Мы — плоть от плоти скоростного века,
поспешностью помечены мы
крепко,—
час «пик» для нас порою — звездный час.
Все те же звезды в поднебесье,
в небе...
Не опоздав — понять бы,
что важнее —
не звезды с неба яростно хватать,
зато в пути со звездами сверяться,
и не локтями в люди выбиваться,
но просто в человека вырастать.

Вы, поколенье Старого Арбата,
мы, поколенье Нового Арбата,—
и вы, и мы — п р и з ы в н и к и,
пока
Одна Москва за вами и за нами,
Москва одна, судьба она и знамя,
И синева над нами высока.

Москва, Москва,
она жива Арбатом!
И если оба
чуть продолжить взглядом —
Арбаты неминуемо должны
соединиться, воедино слиться
в артерию, которая стремится
в то, левое предсердие столицы —
и в сердце, в сердце самое
страны!

Михаил МАТУСОВСКИЙ

ВОЛНУЙТЕСЬ

После взятых бастилий
Неужели сдаваться?
Вот и мне запретили
Доктора волноваться.

Помаленечку горбясь,
Жить с согбенной спиною,
Лицемерье и подлость
Обходя стороною.

Если силы иссякли,
Ограничиться малым —
Посещая спектакли
Со счастливым финалом.

Быть не слишком горячим
И не очень веселым,
Научась неудачи
Запивать валидолом.

Хуже медленной смерти
Прозябанье на свете...
Вы не верьте, не верьте
В предписания эти.

Жизнь, как новую повесть,
Начинайте с абзаца,—
Прямо с ходу готовясь
В эту драку ввязаться.

Пробивайтесь сквозь ветер,
Как тропинка крутая,
Горе ваших соседей
Вашим горем считая.

Коль обиженный плачет,
Проявляйте нервозность.
Дайте недругу сдачи
Без поправок на возраст.

Не робея любуйтесь
Распахнувшейся бездной.
И волнуйтесь, волнуйтесь,—
Это очень полезно!

Сергей
ВИКУЛОВ

ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ

Поют гитар походных струны
в тайге, в горах, среди морей...
О сколько вас сегодня, юных,
живет вдали от матерей!

Вы вечно, юные, в дороге —
то там объявитесь, то тут...
А ваши матери в тревоге
вестей от вас все ждут и ждут.

Они считают дни, недели,
слова роняя невпопад...
Коль рано матери седеют —
не только возраст виноват.

И потому, служа солдатом
или скитаясь по морям,
почаще все-таки, ребята,
пишите письма матерям!

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

СТАРЫЙ АРТИСТ, ПРОЩАНИЕ С ТЕАТРОМ

Мы были в бекешах.
Энтузиасты!
Рукасты, решительны, языкасты!
Божков искусства
спускали
по лесенке
стихов Маяковского —
считать башкой
ступеньки.
Лозунг и клич —
вместо песенки,
и никаких
классических школ.

Споров, диспутов было в избытке.
Я стоял за театр агитки.
«Разрушим стены древних базилик.
Да будет свет:
народ в тени БЕЗЛИК,
перевернем слова
ЛИК перед БЕЗ.
Даешь ЛИК — БЕЗ!»
Творили в предчувствии бурной отдачи,
о смысле слова Зрелище думали,
экономические задачи
в термине переплетали с культурными.
«В горле зреет слово жажда,
в сердце вызрела любовь,
поле, поле, поле каждое —
это зрелище хлебов».

Созреть — это значит поспеть.
Успеть означает — успех.
Пока не наляжет снег,
и колос полный не сник,
цени свое время, зрей,
до первых морозов успей.

При чем тут, простите, хлеб?!
Зреть это — зрячим быть.

Незрелый товарищ — слеп,
упрется глазами в быт,
как в стену рогами бык.

Для него белый свет —
тьма,
для него вселенная —
хлев,
он сам для буржуя —
хлеб,
вот что такое
незрелость ума.

Не речь у него, а мык,
бык не узрит неба.
Мы не рабы.
Рабы не мы,
ибо рабы —
немы.
Мы говорим — колос!
А я утверждаю — ГОЛОС.
...Плыл занавес из ветхих одеял,
софитов не было,
но правды глас
пылал,
сиял,
громил,
объединял!
Входили —
касты,
Выходили —
класс.

Здесь грохотал за будущее бой,
здесь рушило и созидало слово,
дубы валились, брызгая щепой
/насчет дубов я говорю условно/,

Но справедливость,
попранная раньше,
добилась тут, не где-нибудь,
реванша.

Зал был мыслильней,
зрелищем умов.
Не может быть,
чтоб этот зал умолк.
Дай каждому, о зал мой, не века,

но дай мгновенья тишины
и шквала,
дай —
ощутить в себе ученика,
очнуться мастером
после провала.
А мне
дай роль, которой не сыграл,
роль зрителя
на сцене в новой драме —
оголоси тысячеусто, зал,
меня
моими старыми словами —
Свобода,
братство,
совесть,
революция.

Мы — не рабы, рабы — не мы,
Ибо рабы — немы.

Владимир КОСТРОВ

ТЕМА

Как солнца яростное тело
в ночном окне,
явилась ленинская тема
опять ко мне.
От суеты,
от мелкой скуки
пустых людей.
Вновь потянуло
к страстной сути
его идей.
От потребительской кошелки
и круглых фраз
вновь потянуло к мудрой щелке
усталых глаз.
Не к мавзолейному надгробью
в конце судьбы,
а к планетарному надбровью
его борьбы.
Клевещет творческая малость,
вещает злость:
«Не удалось! Не состоялось!
И не сбылось».
Не все, конечно, устоялось,
не все сбылось.
Но, говорю я,
состоялось
и удалось!
На трассах, в городах, селеньях,
на авеню
вы говорите сами «Ленин»
сто раз на дню.
И сколько б накипь ни полчилась,
не справит пир.
Иным уже,
что б ни случилось,
пребудет мир.
В глухом,
утробном притязанье
пустых невежд,

в металогическом сознанье
пробита брешь.
В системе,
вечною считавшей
себя вчера,
в той денежной системе
страшной
сквозит дыра.
В морали подлой и стервозной
который год
его ученья грозный воздух,
свистя, ревет.
И перевернута страница
другой главы.
Нам в «до» уже не возвратиться:
мы будем «в».
В нем.
В нем.
В подвижном постоянстве
его судьбы.
И несжимаемом пространстве
его борьбы.

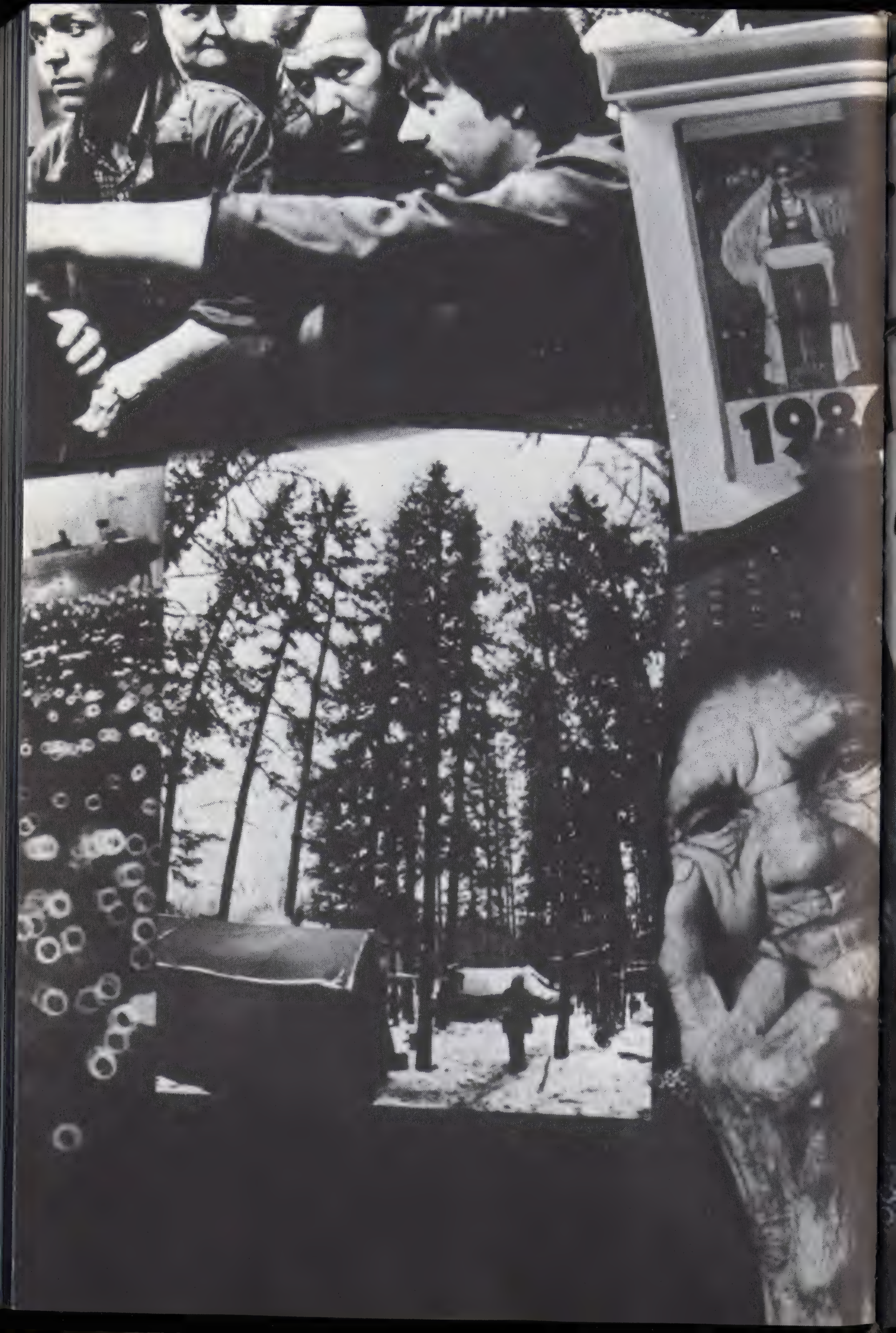
Сергей СМИРНОВ

НАСТАВНИЦА ЖИЗНИ

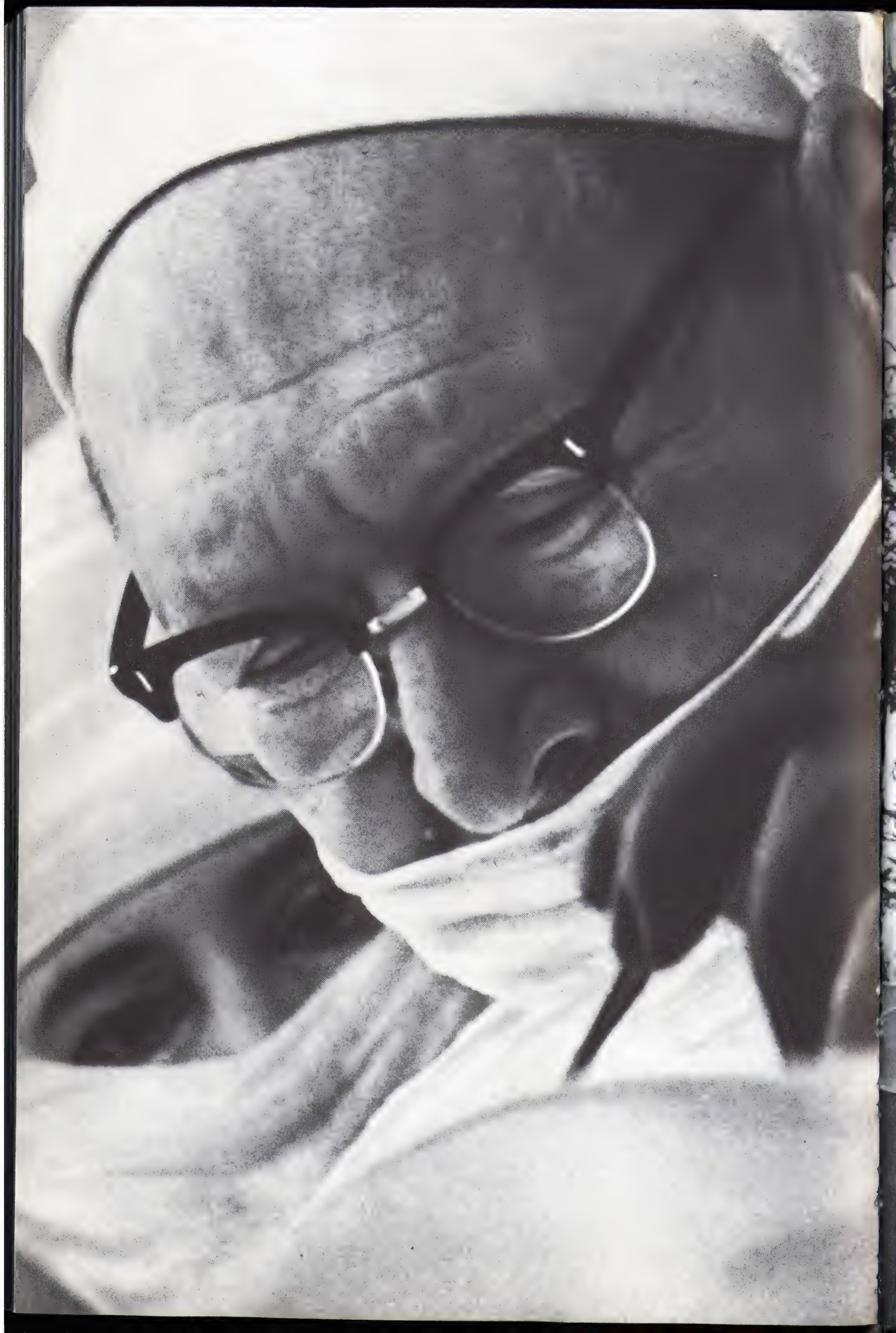
Стараюсь в революцию вглядеться.
Она священна, зрима, горяча,—
От банта на груди красноармейца
До штурмовых полотен кумача.

Она, как книга Родины, хранится,
Где ни один абзац незаменим.
Мы сами создаем ее страницы
И в то же время учимся по ним.

198

Сперва себя переиначь,
перемени.
И, став другим,
вокруг взгляни,
И, что не так,
Переиначь, перемени
И сделай так!

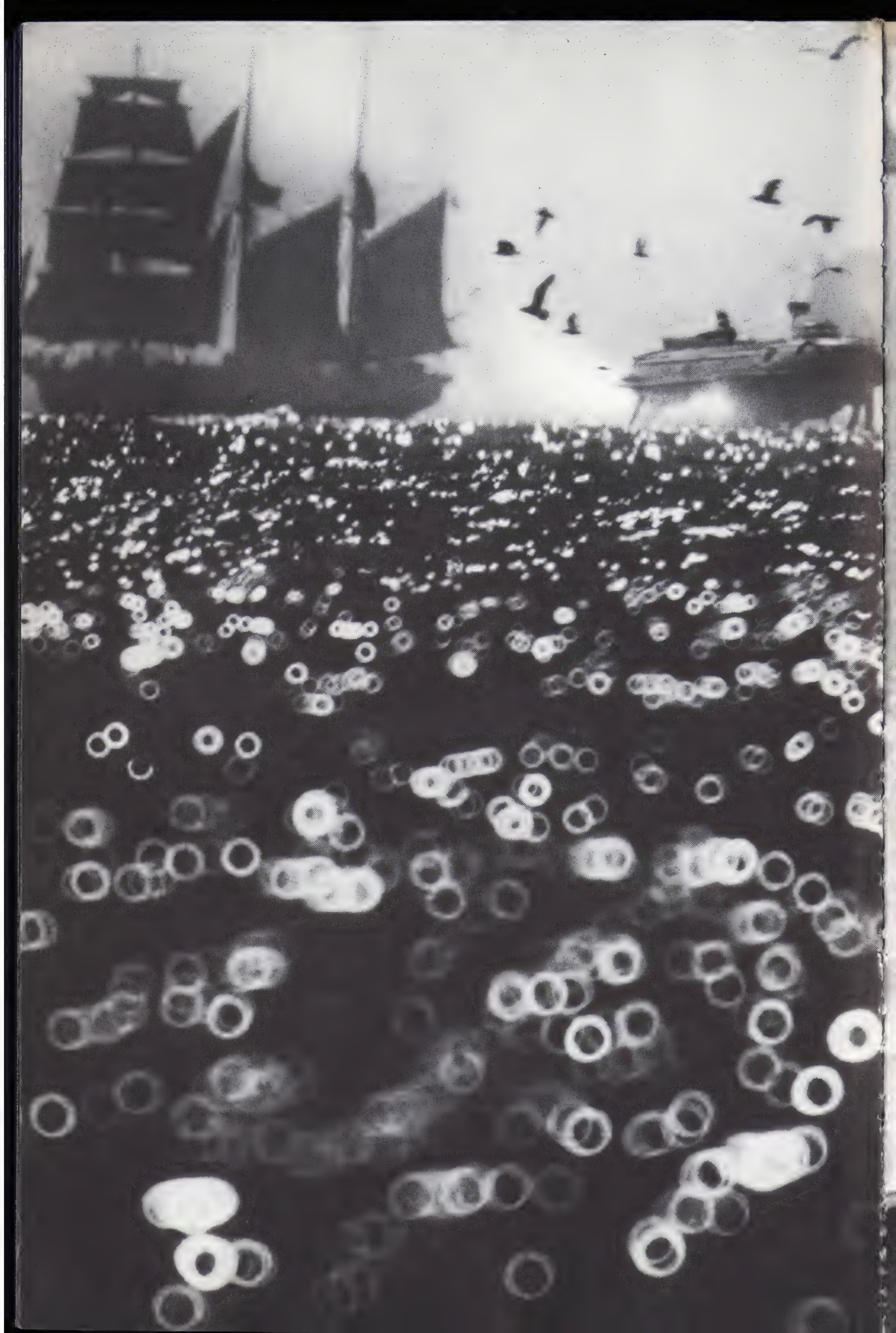

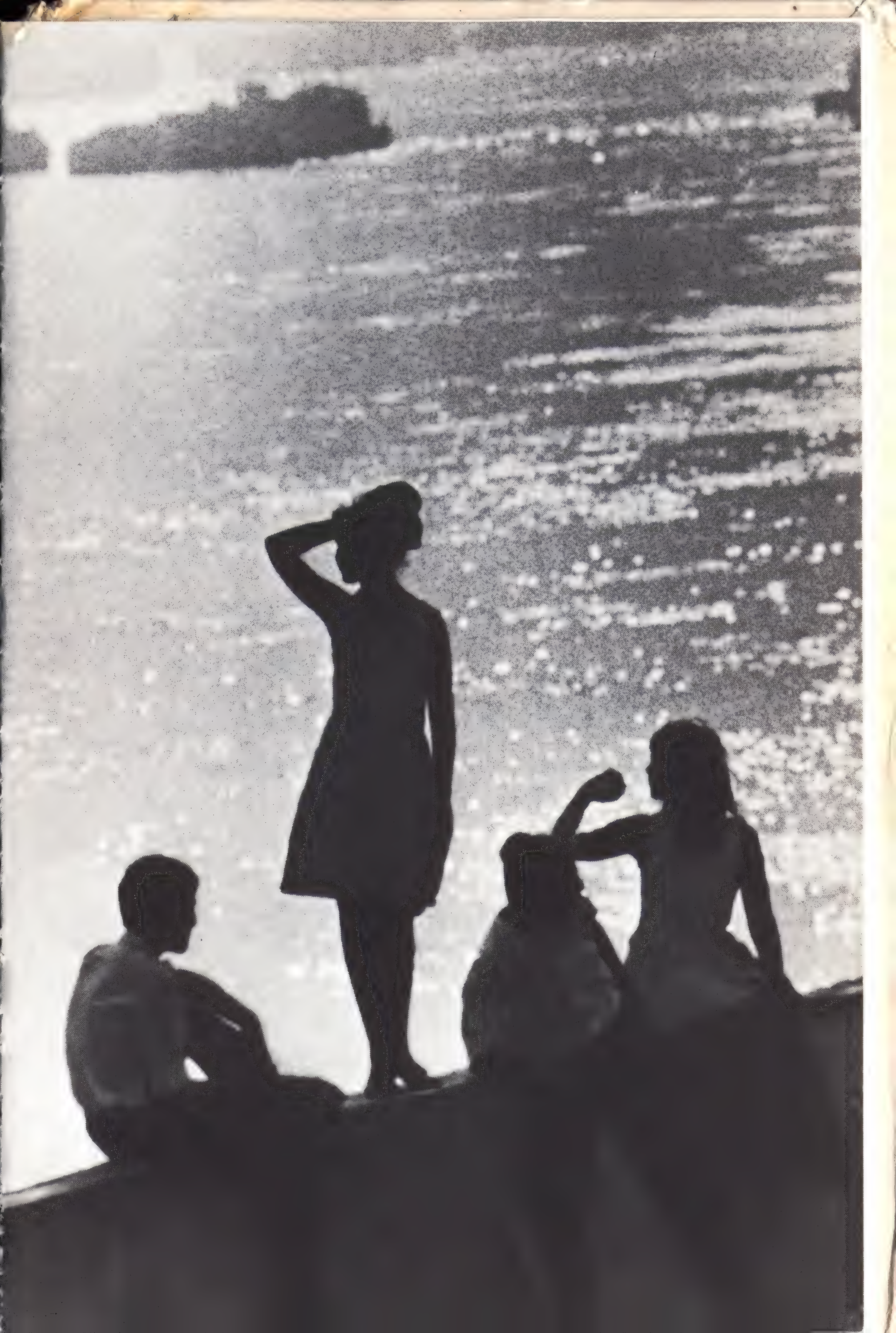

СОДЕРЖАНИЕ

КТО, ЕСЛИ НЕ ТЫ!

КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ!

Начни с себя!..: Из современной советской поэ-
Н 36 зии / Сост. С. Мнацаканян.— 2-е изд.— М.:Мол. гвардия, 1987.— 349 с.

В пер.: 1 р. 70 к. 50 000 экз.

Активная жизненная позиция, борьба за совершенствование человека и общества, непримиримость к социальным и нравственным недостаткам, решение острейших проблем современности — все это объединяет страницы поэтической антологии «Начни с себя!..». Этот сборник включает в себя в основном новые стихи видных советских поэтов, в числе которых А. Межиров, Е. Исаев, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Р. Гамзатов, А. Вознесенский, Б. Окуджава, Н. Старшинов и многие другие. Наряду с признанными мастерами советской поэзии в сборнике в полный голос звучат стихи поэтов нового поэтического поколения. «Начни с себя!..» — это поэтический отклик на призыв партии к активному участию в жизни и делах страны. Книгу составляют стихи об активном поступке, раздумье о работе, о месте человека в жизни общества. Книга рассчитана на массового читателя. Она является как бы продолжением ранее вышедшего сборника «Мы за шар земной в ответе».

Н $\frac{4702000000-226}{078(02)-87}$ Без объявл. ББК 84(2)7—5

ИБ № 5838

НАЧНИ С СЕБЯ!..

Зав. редакцией **Г. Зайцев**
Редактор **Г. Зайцев**
Оформление **И. Клейнарда, А. Соколова**
Гравюры **Ю. Космынина**
Художественный редактор **С. Сахарова**
Технические редакторы **Г. Варыханова, Р. Сиголаева**
Корректоры **Л. Четыркина, И. Ларина, Е. Дмитриева**

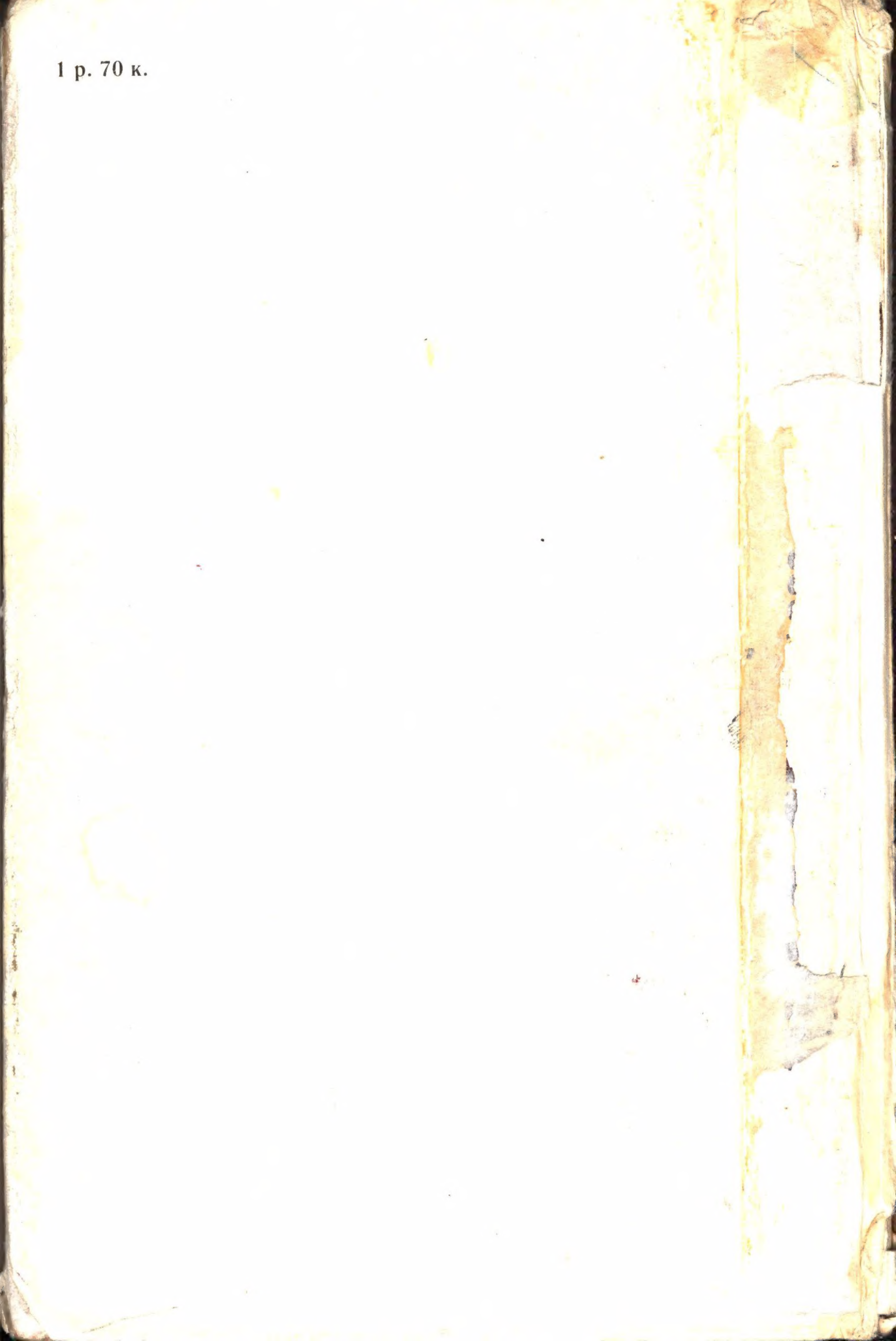
Подписано в печать с готовых диапозитивов 05.08.87. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Усл. кр.-отт. 44,5. Учетно-изд. л. [illegible] Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 70 к. Заказ 1708.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вот вы и прочитали сборник стихов «Начни с себя!..». Гражданственность, публицистическая заостренность этой книги созвучны с пафосом ранее изданного сборника «Мы все за шар земной в ответе!».

В дальнейшем мы предполагаем продолжить выпуск подобного рода антологий. Ваши замечания и пожелания помогут нам в работе над созданием новых книг, станут своеобразным социальным заказом нашим молодогвардейским авторам.

1 р. 70 к.